

ЛУИ КЛОД ДЕ СЕН-МАРТЕН О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И ИСТИНЕ

Предисловие

Сочинение, предлагаемое от меня людям, не есть собрание догадок, не систему им представляю, а надеюсь, что гораздо полезнейший делаю им подарок. Однако же и не самую Науку пред ними положил; я возжигаю пред ними только луч собственного их светильника, дабы светом одного открылись те ложные идеи, которые и преподаны были о Истине, равно как и те слабые и опасные оружия, которые ненадежными руками употреблены были на ее защищение.

Чувствительно тронут я был, признаюсь, когда воззрел на теперешнее состояние Науки; увидел, как обезображена она заблуждениями; увидел страшный покров, которым ее одели, и за долг почел, ради пользы подобных мне, свергнуть оный.

Без сомнения к такому предприятию потребно мне больше, нежели обыкновенные способы; но не изъяснения, какие употребляю здесь, довольно и того сказать, что они самой природы человеков придержатся; что они от начала вещей были всегда известны некоторым из людей, и что никогда не отымутся вовсе от Земли, доколе будут на оной существа мыслящие.

Вот откуда почерпнул я очевидность и доказательства тех истин, которых изысканием занимается вся вселенная.

После сего признания если бы и стали обвинять меня, что я проповедую неведомое Учение, по крайней мере не можно будет подозревать, будто я сам изобретатель одного; потому что, когда оно придержится природы человеков, то не только не от меня произошло, но даже и не возможно мне основательным образом утверждать какое-нибудь другое.

И воистину, если читатель не станет судить о Сочинении, прежде нежели обзрит все части одного и связь; если даст себе время возчувствовать важность и взаимный союз Начал, которые ему предлагаю; то признается, что они суть истинный ключ ко всем Аллегориям и таинственным Басням всех народов, первый источник Постановлений всякого рода, образец даже тех Законов, которыми управляется вселенная и на которых состоят все существа, то есть, они служат основанием всему, что существует, и всему, что содевается, в человеке ли и руками человека, или вне человека и независимо от воли его; и следственно вне сих Начал не можно быть истинной Науке.

Чрез что удобнее познает он, для чего видим между людьми всеобщее разногласие в Догматах и Системах; для чего усматривается неисчетное множество Сekt Философских, Политических и относительных к Религии, из которых каждая столь же мало сама с собою согласна, сколько и с другими Сектами; для чего Начальники сих разных Сekt, как ни стараются составить и основать себе постоянное Учение о важнейших пунктах и согласить частные мнения, не могут никогда в том успеть; для чего они, не представляя Ученикам своим ничего постоянного, не только не вселяют в них несомненного уверения, но еще подают им повод не доверять никакой Науке, поелику показываны им или воображательные, или недостаточные; для чего наконец Законоположители и Примечатели непрестанно обличают себя в том, что не имеют ни правила, ни доказательства на Истинное. Читатель заключит, говорю, что когда Начала, о которых здесь рассуждается, суть

единственное основание всякой истины, то все сии заблуждения наводняют землю единственно от того, что оные начала забыты, и следственно должно думать, что они почти вообще от всех не познаны, потому что невежество и сомнительство суть как бы повсеместные.

Вот о каких вещах имущий познания человек может здесь приобрести идеи, более здравые и более сходные с природою того семени, которое в себе носит.

Однако ж, хотя Свет для всяких глаз светит, но и то весьма достоверно, что не всякие глаза могут видеть его в полном его сиянии. И сего ради малое число людей, хранящих Истины, мною возвеждаемые, чрез торжественные обязательства, посвятили себя осторожности и скромности.

Чего ради и я намерен в сем Сочинении быть весьма скромным, и часто одевать себя таким покровом, который и самые необыкновенные глаза не всегда проникнуть могут, так что иногда я предлагать буду совсем иное, нежели о чем кажется говорю.

Для сей же причины хотя и соединяю в единую точку знашное число рассуждений разного содержания, однако ж едва первые черты показал я обширной той картины, какую мог бы представить; при всем том я сказал столько, что большей части людей есть о чем подумать, не исключая даже и тех, которые в Науке знаменитыми почитаются.

Поелику цель моя есть не иная, как благо человека вообще, и поелику паче всего не желаю сделать раздору между нераздельными; то ни на который из принятых Догматов не нападаю прямо, ниже на какое-нибудь из учрежденных Политических Установлений; и даже запретил себе в самых замечаниях моих о Науках и о разных Системах касаться всего того, что может иметь малейшее отношение к вещам весьма частным.

Сверх сего за ненужное почел я ссылаться на какие-нибудь свидетельства; во-первых, для того, что редко посещаю библиотеки, да в них и не находится тех книг, с которыми я советуюсь; во-вторых, для того, что Истины, на единых токмо свидетельствах основанные, не были бы уже Истинами.

Здесь прилично, думаю, показать порядок и план сего Сочинения. С самого начала представятся некоторые примечания о добре и зле, для чего новенькие Системы смешали одно с другим, и чрез то принуждены были не допускать никакой разности между ими. Краткое воззрение на человека объяснит обильно сие затруднение и покажет, для чего находится он еще в глубочайшем невежестве, не токмо в рассуждении того, что его окружает, но и в рассуждении истинной его природы. Различие, находящееся между его способностями, утвердится различиями, примечаемыми в способностях существ самых нижних; чрез что докажем всеобщность двойственного закона во всем, что покорено времени. Необходимость третьего временного закона тем очевиднее утвердится, что мы покажем, что двойственный закон есть совершенно в его зависимости.

Ошибки, учиненные во всех сих вещах, явственно откроют причину темноты, разнствия и сомнительства, которые видны во всех творениях людей, равно как во всех Установлениях гражданских и священных, к которым они привязаны; из чего познается, какой должен быть истинный источник Верховной Власти между ими, и всех прав, на которых состоят разные их учреждения. Таковое же сношение сделаем и в принятых началах в высоких Науках, а паче в Математике, где происхождение и истинная причина заблуждений очевидно окажутся.

Наконец, приведем на память человеку ту из его природных принадлежностей, которая наилучшим образом отличает его от прочих существ, и которая способнее всего к тому, чтобы приблизить ко всем познаниям, приличным природе его. Все сие содержится в семи отделениях, которые хотя все на одном основании утверждаются, но каждое из них представляет особое содержание.

Если некоторым трудно покажется допустить Начала, о которых напоминаю людям, то, поелику затруднение их произойдет от того, что они следовали собственному смыслу, а не смыслу Сочинения, не должны они ожидать от меня других истолкований, потому что и оные не яснее для них будут, как и самое сие Сочинение.

При чтении сих размышлений легко всяк усмотрит, что я мало старался о наружном их виде, и пренебрегал красоты изречения; но добросовестный читатель признается, что я излишне был в оном тщателен, ибо содержание книги моей не имело в том нужды.

Глава I

О причине заблуждений

Невозможно без жалости взирать на человека, как он и мучится купно желанием знать, и не умеет проникнуть в причины ни единой вещи, а при всем том дерзновенно и отважно хочет показывать оные во всех вещах. Вместо того, чтобы обратить внимание на облегающую его тьму, и начать прежде около себя изведывать, как далеко в ней сам углублен, шествует прямо с такого надежностью, что будто не токмо расторгнет ее непременно, но как будто нет никакой преграды между ним и Наукою; тотчас даже напрягает все силы создать свою Истину и осмеливается поставить ее на месте той, которую должен бы в молчании почитать, и на которую ныне иного права почти не имеет, как желать ее и ожидать.

Когда он совершенно отлучен от Света, то можно ли ему одному зажечь светильник, долженствующий быть путеводителем его? Как может он собственными силами произвести такую Науку, которая бы решила все его сомнения? Блески и наружные виды истины, которые мнятся ему в очарованном его воображении, и которые он открывает, не исчезают ли от самого простого исследования их? И наделав себе таких без жизни и сущности призраков, не принужден ли бывает места их наполнять другими мечтами, которые вскоре получают ту же участь, и оставляют его погруженным в ужасном недоумении?

Однако не совсем бы несчастлив он был, если немощь его была единственной причиной погрешностей; состояние его не столь бы жалостно было; ибо как по естеству его нельзя ему обрести спокойствия нигде, как токмо в истине, то чем болезненнее были б для него опыты, тем более бы они приближали его к назначенной ему единственной цели.

Но есть еще источник заблуждений в развратности воли его: мы видим, что не только в пользу свою не употребляет он малого остатка сил своих, но напрягает их почти всегда противу Закона Существа своего; видим, говорю, что не токмо не почитает препятствием окружающую его тьму, но еще собственною рукою налагает покрывало на свои очи. И тогда, не видя ни малейшей светлости, впадает в отчаяние, или боязнь, и устремляется сам

собою на стези пагубные, которые удаляют его навсегда от истинного его пути.

Таковою-то смесью слабостей и неразумия непрерывно подкрепляется невежество человека! Сей-то есть источник всегдашних ошибочных заключений его! И так, когда он истощает дни свои в тщетных и бесполезных усилиях, удивительно ли, что труды его или совсем бесплодны, или оставляют по себе единую горесть?

Напоминанием однако здесь об отдалении от пути и безрассудном по оному шествии подобных мне не только не хочу уничтожить их пред собственными очами, но напротив, всеусердно желаю, чтобы они не упускали никогда из своего виду того величества, в которое могут облечься. О, если бы возмог я споспешествовать событию сего желания, постараясь отнять затруднения, удерживающие их, возбудить в них бодрость и показать им путь, ведущий к цели их желаний!

Как скоро человек захочет обратить взор свой на самого себя, при первом взгляде легко почувствует и признается, что есть для него определенная Наука, или очевидный Закон; потому что и всякому Существо онъ дан, хотя не во всех вообще Существах находится; и потому что мы среди самых слабостей наших, невежества и заблуждений не иное что делаем, как ищем мира и света.

Следственно, хотя старание человека, которое он вседневно употребляет к достижению цели своего искания, и весьма редко награждаемо бывает успехом, однако не должно для сего думать, что сия цель мечтательная; но только человек не надлежащую избрал дорогу, и следовательно в величайшем находится недостаточестве; ибо не знает даже и пути, по которому идти должен.

О истине

И так и теперь уже можно согласиться, что несчастье настоящего человека не в том, чтоб не знал он, что истина есть; но в том, что ошибается в естестве ее; ибо и те самые, которые старались отрицать ее, или опровергнуть, отнюдь не думали успеть в своем намерении, не поставя другой на место ее. В самом деле, они облекали свои химерические мнения именами силы, неизменяемости и повсемственности; одним словом, всеми свойствами, приличествующими Существо истинному и самобытному. Чувствовали они, что Истина не может быть таковою, не существуя действительно, не будучи неизменяема и совершенно не зависяща, и не имея начала своего бытия в самой себе; ибо если бы приняла она бытие свое от иного Начала, то сие могло бы паки погрузить ее в прежнее небытие и недействие, из которых была им изведена.

И так противоборцы истины своими собственными системами доказали, что они имеют ничем незагадимую идею о Истине. Повторим же сие, что большую часть людей мучит не столько то, что есть ли Истина, сколько то, что какая есть сия Истина.

О добре и зле

Но возмущается часто сие чувствование, и сии ясные лучи света помрачатся в человеке от непрерывной смеси добра и зла, светлости и темноты, стройности и беспорядка, усмотренных им во Вселенной и в себе

самом. Сие всеобщее противоборствие тревожит его, и мысли его приводят в такое замешательство, что трудно ему разобрать их. Огорчен будучи и изумлен столь странным стечением вещей, и желая оное себе изъяснить, предаётся пагубным мнениям, и скоро, лишась чувствования Истины, теряет и свое надеяние на нее. И так величайшее тот покажет ему благодеяние в сем горестном состоянии, кто уверит, что может он узнать источник и происхождение того беспорядка, который его изумляет, и кто не допустит его делать какие-либо заключения противу сей Истины, которую он исповедует, любит, и без которой пробыть не может.

О добром и злом Начале

То неоспоримо, что взирая на применения и противности всех Существ Натуры, люди должны были признаться, что она подвержена влиянию добра и зла; а потому принуждены были необходимо признать для Начала противоположные. Примечание весьма благоразумное, и заключение, которое они из того вывели, самое справедливое. Но для чего ж не столь благоуспешно их покушение истолковать свойства сих двух Начал? Для чего положили они своей науке весьма тесное основание, которое принуждает их самих разорять ежеминутно сооружаемые на оном свои системы?

Причиною сему то, что, пренебрегши истинными средствами научиться, отважились безрассудно сами собою сделать определение сей священной вещи; как будто человек, удаленный от обители света, быть может благонадежен на свои рассуждения. И для того хотя и признали два Начала, но не умели распознать их различие.

Иногда приписывали обоим равную силу и старшинство, и, следовательно, делали их друг другу соперниками, поставляя обоих на единой степени могущества и величия.

Иногда, правда, провозглашали зло, как Начало во всем нижайшее доброго начала; но тотчас противоречили сами себе, как скоро вздумали изъяснять свойство зла и его происхождение. Иногда не утрущались они вмещать добро и зло в единое Начало, думая возвеличить его, приписав ему все без изъятия могущество, по которому бы оно было создателем всех без исключения вещей, то есть: сие Начало должно было быть отцом вместе и мучителем, разорять то, что само строит, быть злым и несправедливым по мере своей великости, и, следовательно, долженствовало и наказывать себя для удержания собственного правосудия.

Некоторые, наконец утомленные волнующим их недоумением, и не находя твердого пристанища мыслям своим, решились отвергнуть и то, и другое Начало; вздумали себя уверить, что нет ничему определенного порядка и закона, и, не умея изъяснить, что такое добро и зло, сказали, что нет ни добра, ни зла.

Когда же против их утверждения вопрошаемо было: откуда родились сии все правила, которые распространены по всей земле, и сей глас внутренний и везде одинакий всех народов, насильно, так сказать, принуждающий принять оные, и который возбуждает в человеке среди самых его заблуждений сие помышление, что его знание гораздо превосходнее тех видов, коими он занимается? тогда сии Примечатели, слепоществуя, назвали привычками чувства, нам врожденные, приписали организации и законам механики мысли и прочие способности человека; и потом утвердили, что великие перемены физические во все времена производили в человеке, по

причине его немощи, страх и боязнь; что он, всегдашним опытом узнав, колико сильны над бранным его составом стихии и прочие окружающие Существа, вздумали, что будто некое неведомое могущество управляет и превращает Натуру по своей воле; из сего де составил себе в воображении уставы подчинения и порядка, наказания и награды, которые воспитанием и примерами носились между людьми от рода в род, с некоторыми однако разностями, довольно приметными, относящимися к обстоятельствам и климатам.

Ложное учение об обоих Началах

Потом, принявши в довод различность употреблений и обыкновений произвольных, коими народы разнятся друг от друга, вероломство и междоусобную вражду народных Законоучредителей, также непрестанное сражение мнений человеческих, плод сомнения и невежества, нетрудно было им доказать, что человек в самой вещи везде около себя находит причины недоумения и противоречий; и тем вяще удостоверяться, что нет ничего истинного; это тоже сказать, что ничто действительно не существует; ибо по вышесказанному бытие существенное и истина есть то же и одно.

Вот как несмысленные учителя проповедовали и доказывали учение свое! Из сих-то ядоносных источников пролились на землю те угнетающие человека напасти, которые мучат его более, нежели природная его бедность.

Коликих бы они избавили нас страданий и заблуждений, ежели бы искали истину не в наружностях природы вещественной, а отважились бы войти в самих себя; ежели бы захотели лучше истолковать вещи человеком, а не человека вещами, и вооружась бодростию и терпением, оставляя в покое свое воображение, продолжали ревностно искать света, толико нам всем вожделенного! Может быть не имели б силы воззреть на него первым взглядом: но когда бы озарило их разливающееся от него сияние, и когда бы они притом все свои силы напрягли к созерцанию его; по крайней мере, тогда не пришло бы им на мысль определять его свойства преждевременно, ни хотеть показывать его своим братьям, не взяв прежде лучей его во свои предводители.

Когда человек бодрственным сопротивлением одолел все, противное существу его, тогда он примирен бывает с собою и со всею натурою. Но если от нерадения, или утомленный борьбою, допустит в себя малейшую искру огня, несродного его собственной сущности, то будет страдать и томиться до того, пока не свободит себя от оной совершенно.

Таким образом еще убедительнее познает человек, что есть два Начала разные; и как при одном из них обретает он счастье и мир, а в другом видит, что оно ведет за собою томность и мучение; то и различил их именами доброго и злого Начала.

О разности двух Начал

Если бы он таковое же делал наблюдение и в прочих Существах вселенной, легко бы ему было утвердить свои понятия о свойстве добра и зла, и чрез них открыть истинное их происхождение. И так добро, для всякого существа, есть исполнение сродственного ему закона; а зло есть то, что оному противится. И когда каждое Существо имеет единственный Закон, поелику все они придерживатся первоначального Закона, который есть един; то добро,

или исполнение сего закона, должно быть и само единое, то есть одно и без изъятия истинное, хотя в себе объемлет бесконечное число Существ.

Напротив, зло не может иметь никакого сходства с сим законом Существ, понеже ему противоборствует; а потому не может заключаться в единице, понеже стремится ее унижить, желая сотворить другую единицу. Словом сказать, оно есть ложное; понеже не может существовать одно; ибо против воли его Закон Существ в одно время с ним существует, и оно не может его никогда уничтожить, хотя и угнетает его и расстраивает исполнение его.

Я сказал, что когда человек приближается к доброму Началу, то наслаждается веселием, и, следовательно, находится выше всех зол; потому что он тогда весь полн удовольствия, не может иметь ни чувствования, ни идеи о другом каком-либо Существо. И так ничто, проистекающее от злого Начала, не может вмешаться в его радость; и сие есть знак, что человек находится в своей стихии, и что его единичный закон исполняется.

Когда же он ищет иной помощи, кроме той, которую имеет от собственного закона; тогда в радость его вмешивается беспокойство и боязнь. Он наслаждается, и купно укоряет себя за наслаждение, и разделяя себя между злом, влекущим его, и добром, которое оставил, ощутительно чувствует в себе действие двух противоположных законов, и чрез последующее от того свое неудовольствие познает, что нет уже для него единицы, понеже удалился от своего закона. Скоро потом сие нетвердое наслаждение усиливается, и властвует над ним совершенно; оно не есть больше единообразное и истинное, а производит паче в способностях его беспорядок, который тем бедственнее, что как действие зла есть бесплодно и ограничено, то чем более вдавшийся ему человек восхищается им, тем скорее приходится в истощение и неминуемое бессилие.

Вот, какая бесконечная разность между двумя Началами! Добро само от себя получает свое могущество и силу, а зло тогда бывает ничто, когда добро царствует. Добро своим присутствием прогоняет даже и самые мысли о зле и малейшие оные следы; зло же, будучи на высочайшей своей степени, всегда утесняемо бывает и тревожится присутствием добра. Зло само по себе не имеет никакой силы, ни власти; а добро имеет власть, и силу независимые, которые простираются и на самое зло.

Из сего явствует, что отнюдь нельзя приписать обоим сим Началам равного могущества, ниже равного старшинства; ибо Существо не может быть в могуществе равно другому, когда неравно также и в старшинстве; понеже сие было бы знак слабости и недостатка в одном из них, когда не в одно время с другим приняло свое бытие. С другой стороны, ежели бы добро сначала и всегда было современно злу, то ни которое не могло бы приобрести друг над другом никакого превосходства; ибо, по сему предположению, злое Начало не зависело бы от доброго, и имело бы равное ему могущество; и так оба они или не имели бы друг над другом никакого действия, или бы содержали себя в равновесии: а из сего равенства сил произошла бы недействительность и совершенное бесплодие в делах сих обоих Существ; ибо взаимодействующие силы их непрестанно бы препятствовали друг другу произвести что-либо.

Также нельзя сказать и того, что высшее над обоими Начало, дабы разрешить их недействие, приумножило силы доброго Начала, как существа, более сходного своему естеству; ибо в таком случае сие Начало высшее было бы самое то доброе Начало, о котором речь идет. И так по сему очевидному

доказательству принуждены мы признать в добром Начале неизмеримое превосходство пред другим, единство, неразделимость, с которыми оно необходимо существовало прежде всего: чем ясно доказывается, что зло получило бытие после добра.

Утверждая таким образом злого начала низость и противоположность в рассуждении доброго, мы тем уже доказываем, что между ими никогда не было и не будет ни малейшего союза, или сходства; ибо можно ли и в мысли представить, чтоб зло вместилось когда-либо в естестве и в свойствах добра, коему оно совсем противоположно?

Но сие заключение необходимо ведет нас к другому, столь же важному, то есть, что добро, сколь оно ни мощно, не может содействовать ни рождению зла, ни происходящим от него действиям; ибо надлежало бы доброму Началу или прежде происхождения зла иметь в себе некое злое семя, или свойство; но ежели принять такое мнение, то предлагаемая здесь материя опять приведена будет в замешательство, которым и без того человеческие умствования и безрассудность ее омрачили; или, по рождении зла, иметь с ним некое сообщение и сношение; а сие невозможно, и само себе противоречит. сколь же безрассудны те, которые, опасаясь ограничить доброе Начало, не перестают упрямо проповедовать свое учение, столь противное свойству сего Начала, приписывая ему все вообще, что ни существует, даже и самое зло и беспорядок!

Зло как результат свободы

Не нужно далее распространяться, чтоб восчувствовать, коль неизмеримо расстояние между обоими Началами, и чтобы узнать то, которому из них должны мы себя верить: понеже предлагаемые мною доселе идеи обращают только человека к их природным чувствам и к той науке, которая должна находиться во глубине сердца их; чрез что купно возродится в них надежда открыть новый свет в предлежащем нашем рассуждении: ибо человек, будучи зеркалом истины, должен видеть все отраженные лучи ее в самом себе. Да и в самом деле, если бы мы не могли ожидать большего, нежели что обещают нам человеческие умствования; то я бы не принялся за перо для опровержения оных.

Однако признавать бытие злого Начала, рассматривать действие власти его в Мире и человеке, равно как и выведенные из того ложные заключения, не есть еще открыть его происхождение. Зло существует; мы зрим вокруг себя страшные следы его, как ни старались некоторые отрицать его безобразие. Если зло не произошло от доброго Начала, каким же образом могло оно родиться?

Поистине сказать, сие предложение весьма важно и таково, в котором я желал бы удостоверить всех моих читателей. Но я не льщу себя успехом; и сколь ни твердо уверен в неоспоримости предлагаемых мною истин, однако не удивлюсь, что многие отвергнут их, или не поймут.

Происхождение зла

Когда человек, возвысився к добру, приобретает навык придерживаться его неизменно, тогда он не имеет даже и понятия о зле. Сия есть истина, доказанная нами, которую никакое разумное Существо по справедливости оспаривать не может. Ежели б он пребывал бы в постоянной твердости и

хотении не сходить с сея высоты, для которой он рожден, зло было бы всегда для него ничто; да и в самой вещи, он чувствует пагубные влияния зла по мере токмо удаления своего от доброго Начала; а сие наказание принуждает нас заключить, что он производит в сем случае свободное действие: ибо ежели не возможно существу несвободному самому собою отступить от наложенного ему Закона; то нельзя также ему учиниться преступником закона и заслужить наказание; что изъясним после, когда станем говорить о страданиях зверей.

Наконец, поелику могущество и вся сила добродетелей составляют естество доброго Начала; то явствует, что премудрость и правосудие суть его правило и закон: следственно человек, ежели страдает, то имел власть и не страдать.

Так конечно. Ежели доброе Начало по естеству своему есть правосудное и могущее, то наши страдания суть ясные доводы прегрешения нашего и, следовательно, нашей свободы; а потому, когда видим человека, покоренного действию зла, то можем справедливо уверить себя, что он самоизвольно злу подвергнулся, и что в его было воле защищать и удалять себя от оногo. И так не должно искать несчастьям человеческим иной причины, кроме сей, что человек произвольно отступил от доброго Начала, с которым непрестанно бы мог наслаждаться миром и счастьем.

Обратим сие же рассуждение к злoму Началу. Когда оно видимым образом противится исполнению единичного закона Существ, относительно к чувственному, или разумному; то необходимо и самому ему должно быть в расстроенном состоянии. Ежели оно ведет за собою горесть и беспорядок, то, без сомнения, оно есть и цель оногo купно, и орудие; и потому надлежит ему преданным быть неослабному мучению и ужасу, которые оно разливает вокруг себя.

Зло, следствие свободы

Но как оно страдает ради удаления своего от доброго Начала; ибо Существа учинились несчастными с той минуты, как отлучились от добра: то страдания злого Начала не иное что, как наказание; понеже правосудие, имея повсеместную власть, должно действовать и над ним, как и над человеком. Когда же оно под наказанием находится, следовательно самоизвольно удалилось от Закона, который мог бы продолжить его блаженство; следовательно, добровольно учинилось злым. Сие ведет нас к заключению, что, ежели бы Виновник зла законным образом употреблял свою свободу, то никогда бы не отлучился от доброго Начала, и зло еще бы не родилось: равным образом если бы и ныне воспользовался он своею волею и устремил бы ее к доброму Началу, перестал бы злым быть, и зло не существовало бы боле.

Человек не иначе, как простым и естественным совокуплением воедино всех своих примечаний может основать свои понятия о происхождении зла; ибо ежели разумное существо от попущения воли своей к развратности приобретает познание и чувство зла, то без сомнения не в ином, чем начатие и бытие зла, как в самой воле сего свободного Существа. От сея единственно воли Начало, учинившееся злым, родило древле зло, в котором и поныне пребывает. Словом сказать, от сея самой воли человек приобрел и ежедневно приобретает то пагубное Знание зла, которое погружает его во мрак, хотя он рожден был токмо для блага и света.

О свободе и воле

Столь многие и тщетные споры о Свободе человека, которые часто оканчивались невнятным решением, будто она несовместна человеку, произошли от того, что зависимость и отношения ее к воле оставлены без должного замечания, и не усмотрено, что воля человека есть единственное орудие, могущее сохранить, или разорить свободу, то есть: многие воображают себе свободу, как постоянное и непреложное качество, которое везде и непрестанно в нас долженствует оказываться, и которое ни уменьшаться, ни возрастать не может, и всегда в наших повелениях находится, какое бы мы, впрочем, ни делали из него употребление. Но как можно представить себе такую способность в человеке, которая бы и не принадлежала ему и не зависела от воли его, от сей главной принадлежности естества его? Не должно ли паче согласиться, что или необходимо свобода не принадлежит человеку, или что может он иметь над нею некоторую власть по-доброму, или худому ее употреблению, направляя больше, или меньше волю свою ко благу?

Примечатели самыми исследованиями своими о свободе показывают, что она должна принадлежать человеку; ибо в человеке же принуждены они изыскивать следы ее и свойства; но рассматривать ее без всякого отношения к воле не есть ли то же, как бы искать в человеке такой способности, которая была бы в нем, и притом была б ему несродна? Что нелепее сего и противнее здравому рассудку? Удивительно ли, что такие примечания безуспешны? И можно ли на столь неосновательных изысканиях утвердить какое понятие о нашем собственном естестве?

Если бы наслаждаться Свободою не зависело никак от употребления воли; если бы человек не мог оную волю слабостями и беспорядочными навыками развращать: не спору, что тогда все бы действия ее были неколебимы и единообразны, и тогда бы не было у него свободы.

Но ежели сия способность таковою не может быть, каковою понимают ее и желали б видеть примечатели; ежели сила ее может изменяться ежеминутно; ежели от недействия, равно как и от непрестанного ее употребления и постоянного повторения одинаких деяний, может она уничтожена быть: то нельзя отрицать, что нам она принадлежит, и в нас находится, и что следственно в нашей власти состоит укреплять ее, или обессиливать; и сие в силу права Существа нашего и преимуществ нашей воли, то есть в силу хорошего, или худого употребления законов, возложенных на нас от естества нашего.

Еще другое заблуждения принуждает примечателей опровергать свободу. Они хотят удостовериться о ней из самых ее действий; и по их желанию надобно, чтобы действие могло быть и не быть в одно время; а как сие ощутительно невозможно; то и сделали тотчас заключение, что все, что случается, должно необходимо случиться; следовательно, нет свободы. Но должно было им вспомнить, что деяние и виновница его, воля, должны быть сходны между собою, а не противны друг другу; что сила, когда уже произвела действие, не может удержать, или остановить следствия его, и что наконец свобода, принятая и в самом общенародном смысле, состоит в возможности производить два действия противные, не вдруг, но одно после другого. И так и в сем разумении человек показывает в себе то, что называется обыкновенно свободою; потому что видимым образом делает он

попеременно противные между собою дела, и потому что он один в природе такое Существо, которое может не всегда одному пути следовать.

Но мы бы весьма заблуждали, когда б другого понятия о свободе не имели; ибо, правда, что противоречие в действиях того же существа показывает, что его способности в беспорядке и замешательстве: однако отнюдь не доказывает того, что оно свободно; ибо неизвестно, добровольно ли предается оно как добру, так и злу. Недостаточное определение свободы есть отчасти причиною сего, что вообще люди весьма темное о ней понятие имеют.

И так я утверждаю, что истинное свойство существа свободного есть власть пребывать самоизвольно в законе, ему предписанном, и сохранять силу свою и независимость, сопротивляясь по доброй воле тем препятствиям, которые стремятся отводить его от точного исполнения сего Закона. А сие сопротивление уже влечет за собою случай к падению; ибо довольно к сему только не захотеть сопротивляться. Когда ж то так, рассудим же, можно ли нам, покрытым толикою темнотою, льститься достигать всегда с одинакою удобностию до нашей цели? Не должно ли нам паче восчувствовать, что малейшее нерадение затрудняет более и более наше стремление к цели, сгущая непроницаемость покрова, лежащего на нас. И ежели потом обратим внимание на человека вообще, увидим, что когда человек может ежеминутно унижать и обессиливать свободу свою; то весь человеческий род ныне менее свободен, нежели был в первые времена, колыми паче прежде его рождения.

И так не из нынешнего состояния человека, ниже из его вседневных дел должно почерпать доводы к утверждению истиной его свободы; ибо реже всего видим ныне деяния чистые и независящие от посторонних причин; однако ж заключать из сего, что свобода никогда не была в числе наших преимуществ, есть нечто более, нежели безумство. Оковы раба доказывают правда, что теперь не может он действовать во всем пространстве природных его сил; но не доказывают, чтоб не мог некогда; напротив, они свидетельствуют, что мог бы он и ныне владеть своими силами, если бы не учинился достойным быть в рабстве; ибо если бы совсем невозможное было дело возвратить некогда употребление сил своих, то цепи не были бы вменяемы ему ни в наказание, ни в стыд.

Равномерно неблагоприятно было бы из того, что человек ныне столь трудно, столь мало и редко бывает свободен, заключить, что действия его суть ни добры, ни злы, и что не обязан он исполнять ту меру добра, которая предписана ему и в сем рабском его состоянии; ибо лишение свободы состоит в том, что не лишение свободы состоит в том, что не может он собственными силами вступить в совершенное обладание преимуществ, которые во благе, ему предназначенном, заключаются; а не в том, чтоб мог склоняться ко злу, не учиняясь более виновным. Мы после увидим, что вещественное тело дано ему для непрестанного сношения и сравнения лжи с истиною, и что как ни грубеет он ежедневно в нечувствительности и нерадении о себе, сущность его никогда не изменится. И так когда один раз удалился он от света, которого должен был придерживаться, то все последующие свои заблуждения учинил неизвинительными и не имеет никакого права роптать о своем страдании.

Но сказать правду, примечатели заблуждали в своих рассуждениях о свободе человека от того, что не имели начального понятия о воле человека; что яснее всего доказывают их неусыпные старания узнать, как воля действует. Не подумавши, что не должно ли началу воли находиться в ней самой, искали оно в посторонних причинах, и видя, что в самом деле воля к

сей жизни часто бывает предводительствуема побуждениями, либо льстивыми, либо действительными, заключили, что не сама собою действует, и что без побудительной причины не может ничего предпринять. Но если бы сие так было, то могли ли бы мы сказать, что имеет волю; ибо не токмо не принадлежала бы она собственно нам, но была бы подчинена другим причинам, непрестанно над нею действующим. Не есть ли сие обращаться в едином круге и возобновлять то же заблуждение, которое мы опровергли относительно к свободе? Словом: утверждать, что нет воли без побуждения, есть утверждать, что свобода есть свойство независящее от нас, которого мы несильны удержать при себе. Но рассуждать таким образом есть не знать, что такое воля, которая должна быть отличительным знаком существа, действующего самим собою без помощи всякого другого существа.

Следовательно, все множество тех причин и побуждения, которые ныне столь часто прельщают нас и нами управляют, доказывают не то, чтоб мы без них не могли иметь хотений, и не могли быть свободными; но только то, что они могут овладеть нашею волею и увлекать ее за собою, ежели им не воспротивимся; ибо всяк поистине признается и не будет спорить, что сии внешние причины суть тираны, угнетающие нас; а когда то так, то как же бы могли мы почувствовать и увидеть их тиранство, если бы не были мы по естеству нашему сотворены действовать сами собою, а не побуждением сих мечтаний?

Что касается до того, что каким образом воля может решиться на что-нибудь без посторонних побуждений и причин: то сия истина столько же неоспоримую покажется всякому, кто согласится забыть все окружающее, и обратиться на самого себя, сколько истолкование оные есть бездна, непроницаемая человеку и всякому существу; ибо для изъяснения сего должно сделать телесным бестелесное; а такое предприятие было бы самое пагубнейшее человеку, и удобнейшее погрузить его в невежество и грубость; понеже оно ведет к ложному, и втуне истощевает все его способности. И по сей-то причине малые успехи примечателей в сем познании ни к чему не послужили, как только привели к малодушию тех, которые безумно последовали им в намерения сыскать просвещение, от коего они неправедным своим шествием удалились. Мудрец ищет причины тех вещей, которые оную имеют; но благоразумие и просвещение его не позволяет ему искать причины тех, которые не имеют, из числа коих есть природная воля человека; ибо она есть сама причина.

И потому доколе в человеке есть воля, которая хотя и может развратиться худым ее употреблением, не перестану однако почитать его свободным, хотя он почти всегда поработен.

Не для ослепленного, легкомысленного и нерадивого человека предлагаю сии рассуждения; у него предводители его глаза; о вещах он судит так, как они теперь, а не как были. И так бесполезно представлять ему таковые истины; понеже сравнивал их с своими мрачными мыслями, и судя о них по чувствам, не найдет он в них ничего, кроме противоречий, которые заставят его отвергнуть и то, что уже уразумел, и что впредь мог бы впечатлеть своему разумению, дабы потом предаться волнованию своих чувств и последовать мертвому и мрачному закону неразумного животного.

Но человек, имеющий к себе столько уважения, чтоб искать самопознания, который неутомимо наблюдал свои навыки и уже старался свергнуть с себя темный покров, на нем лежащий; такой, говорю, человек может получить некоторую пользу от предлагаемых здесь рассуждений,

может открыть сию книгу; ему вручаю ее охотно, да укрепит в себе зарожденную любовь ко благу.

Всякого, кому случится читать сие сочинение, увещаваю нигде инде не искать происхождения зла, как токмо в показанном мною источнике, то есть в развращении воли Существа, или Начала учинившегося злым. Не обвиняясь утверждаю, что тщетно читатель будет искать иной причины зла; ибо ежели бы зло имело основание постоянное и тверже, то было бы вечно и непобедимо, как добро; ежели бы сие униженное существо могло производить нечто другое, а не дела токмо воли; ежели бы оно могло творить существа истинные, то было бы столь же мощно, как и доброе Начало. И так ничтожность его дел показывает нам ощутительно немощь его, и запрещает нам делать какое-либо сравнение между им и добрым Началом, от коего оно отлучилось.

Первобытное Состояние злого Начала

Весьма также безумно было бы искать происхождение добра не в самом же добре; ибо ежели по вышесказанным причинам Существа униженные, как то, злое Начало и человек, имеют еще право быть сами виновниками своих дел; тем паче возможно ли отнять сию принадлежность у доброго Начала, которое, поелику добро, есть бесконечный источник всех свойств, семя и естественная действующая сила всего, что есть совершенное? Надобно быть у того смыслу поврежденному, кто станет искать причину и происхождение добра вне добра, когда и то и другое не находятся и не могут быть иде, как токмо в оном же добре.

Хотя довольно вразумительно изобразил я происхождение зла, однако нахожу за нужное во-первых дать некоторое понятие о естестве и состоянии злого Начала прежде его развращения; во-вторых, предупредить затруднение, могущее встретиться и тем, которые славятся искусными в сем познании, а именно: для чего начальник зла не решится по свободе своей примириться с добрым Началом. Сие покажу я вкратце, дабы не прерывать моего течения и не удалиться от определенных мне границ.

Когда я говорю, что Начало зла сделалось злым по единому деянию его воли, разумеется уже, что оно было добрым прежде произведения сего деяния. Но было ли оно равно тому высшему Началу, о коем мы прежде говорили? Конечно, нет; оно было доброе, не будучи оному равным; было нижайшее того, не будучи злым; оно произошло от сего высшего Начала, и потому не могло ему равняться ни в силе, ни в могуществе; оно было доброе, понеже существо, произведшее его, было сама благодать и совершенство; оно было нижайшее оно; понеже, имея закон свой не от себя, имело оно способность делать, или не делать то, что возложено ему было по его происхождению; и посему имело способность удалиться от сего закона и учиниться злым. Высшее же Начало, вмещающая в себе свой собственный закон, необходимо должно пребывать во благе, составляющем его, и не может никогда обратиться к другой цели.

Что же касается до другого предложения, то я показал уже, что когда бы Начальник зла употребил на приближение к доброму началу свою свободу, то престал бы быть злым и страдать, и тогда бы зло не существовало; но мы ежедневно видим из его дел, что он как бы пригвожден к своей законопреступной воле, и не производит ни одного деяния, которое бы не стремилось к продолжению неустройства и беспорядка.

Настоящее состояние злого начала

На сей-то утверждаясь точке, защитники слепого рока мнят уже торжествовать, говоря, что зло содержит в себе причину и необходимость своего бытия. Сим мнением ввергают они человеком в расслабление и отчаяние; ибо ежели зло необходимо, то не возможно никогда избежать его ударов и услаждаться чаянием того мира и света, который есть цель наших желаний и трудов. Но предохраним себя от сих заблуждений, и разорим пагубные их следствия, показав истинную причину продолжения зла.

Ежели вникнем в самих себя, то легко почувствуем, что главнейший закон всеобщего Правосудия есть тот, чтобы свойство наказания было всегда в точном отношении с самым свойством преступления; и сие сбывается, когда преступник приведен к бессильным действиям, которые подобны тем, кои он законопреступно произвел, и следовательно которые противны закону, пренебреженному им. Вот для чего Начальник зла, развратясь беззаконным употреблением своей свободы, пребывает неколебим в своей злой воле, так как и родил ее; то есть, он не престаёт противиться деяниям и воле доброго Начала, и по мере тщетных своих усилий чувствует страдания, дабы по законам правосудия в самом деянии своего беззакония находил и свое наказание.

Нетерпимость между добром и злом

Присоединим к сему еще некоторые рассуждения о столь важной вещи.

Понеже доброе Начало есть единица существенная; понеже оно есть благость, чистота и самое совершенство: то не может терпеть в себе ни разделения, ни противоречия, ниже нечистоты. Из сего явствует, что Виновник зла должен быть от оного отлучен и отвержен, как скоро единожды противопоставил волю свою воле доброго Начала, и с того времени осталась в нем власть и воля злая, непричастная и не сообщающаяся благу. Враг самоизвольный доброго Начала и устава единственного, вечного и неперменного, может ли он в себе вмещать какое благо, или какой закон, будучи вне сего устава? Не можно одному и тому же существу быть вместе и добрым и злым, и производить порядок купно и беспорядок, чистое и нечистое. И так легко теперь увериться, что совершенное отступление его от доброго Начала, удалило его необходимо от всякого добра; и он уже не в состоянии познать и произвести что-либо доброе, и отстать от своей воли, равно как и от деяний неправильных и беспорядочных и от сопротивления благу и истине.

О двух состояниях человека

Таким образом погруженный в собственном мраке, неспособен он к восприятию какого-либо света, и возвратиться к доброму Началу: ибо чтобы устремить свои желанья к истинному сему свету, надобно прежде познать его, надобно возыметь добрую мысль. Но как сия мысль в него вселится, когда воля его и все способности совсем нечисты и расстроены? Одним словом, когда не имеет он никакого сообщения с добром, и когда и его восчувствовать, то способ и свобода возвратиться к оному, хотя и есть в нем,

всегда остаются без успеха: а сие и учиняет ужасным лишение, к которому он осужден.

Закон Правосудия равно исполняется и над человеком, хотя отменными средствами; он будет нам предводителем в наших исследованиях о человеке.

Никто поистине, у кого только смысла не помрачен, или не заражен предубеждением, не станет спорить, чтоб телесная жизнь человека не была лишение и страдание почти непрерывное. И так, следуя тому понятию, какое мы имеем о Правосудии, не безрассудно назовем сию плотскую жизнь временем наказания и очищения; но нельзя именовать ее таковою, не подумав тотчас, что надлежало же человеку иметь прежде состояние высшее и превосходнее нынешнего, и что сколько теперешнее его состояние ограничено и наполнено печалью и неприятностями, столько другое должно быть не ограничено и исполнено утех. Каждое человека страдание есть знак недостающего ему блага; каждое его лишение показывает, что он был создан для наслаждения; каждая его немощь возвещает его прежнее могущество: одним словом, самое сие чувствование, что ныне не имеет он ничего, есть тайное доказательство, что некогда имел он все.

И так болезненное чувствование нынешнего его ужасного состояния может вразумить нас о блаженной его преждебытной жизни. Он ныне не властелин своих мыслей и мучится тем, что должен ожидать тех мыслей, коих желает, и отгонять, коих страшится: из сего видим, что он создан был располагать самыми мыслями, и мог их производить по изволению; и надобно думать, что с сего властью сопряжены были неогрениченные преимущества. Он преображает ныне малейший покой и тишину бесчисленными усилиями и трудами; из чего заключаем, что он назначен был наслаждаться непрерывно и без труда спокойным и блаженным состоянием, и что истинное его жилище было жилище мира и тишины. Имеет он способность все видеть и все познавать; однако пресмыкается во мраке и ужасается своего невежества и ослепления: не доказывается ли сим ясно, что свет есть его стихия? Наконец, тело его подвержено разрушению; и сия смерть, о которой из всех существ природы один человек имеет познание, есть ужаснейшая черта в течении телесной его жизни, происшествие самое уничижительное и самое страшное для него: для чего же из сего строгого и ужасного для него устава не заключать, что тело его некогда состояло под славнейшим Законом, и должно было пользоваться всеми преимуществами бессмертия?

Но откуда могло произойти сие высокое состояние, которое делало человека толико великим и блаженным, как не от внутреннего познания и непрестанного присутствия доброго Начала? Ибо в нем едином есть источник всякого могущества и всякого блаженства. От чего же сей человек ныне погружен в невежество, слабости и бедствии, как не от того, что стал отлучен от сего Начала, которое есть единый свет и единственное подкрепление всех существ?

Теперь вспомняв вышесказанное мною о правосудии первого Начала и о Свободе существ, от него произведенных, мы почувствуем совершенно, что когда злое начало по следствию его преступления терпит еще страдания, неразлучные с его возмутительною волею; то и человека страдания теперешние суть естественные следствия первого его заблуждения: сие заблуждение также не от иного чего могло произойти, как от Свободы человека, который, родивши в себе мысль, противную вышнему Закону, своею волею к оной прилепился.

По отношениям, находящимся между страданиями злого Начала и его преступлением, мог бы я сравнительным образом начертать свойство преступления первобытного человека чрез свойство его наказания; мог бы я чрез сие укротить непрестанные роптания на то, что мы осуждены участвовать в его казни, хотя и не участвовали в преступлении; но сии истины были бы от многих презренны, а признаны от столь немногих, что я бы погрешил, показав их всему свету. Довольно, ежели укажу путь моим читателям примерным изображением Состояния человека в его славе и наказания, коему он подвергнулся, когда лишился первого состояния.

Первобытное состояние человека

Ничье происхождение не превышает его происхождения; ибо он древнее всякого Существа в Натуре: он существовал прежде рождения всякого семени, однако явился в мире после всех их. Но тем он был выше всех сих Существ, что им надлежало рождаться от отца и матери, а человек не имел матери. Сверх сего их должность была ниже человеческой: человек должен был всегда сражаться, дабы прекратить беспорядок и привести все к Единиче; а их дело повиноваться ч е л о в е к у. Но как сражения, к которым обязан он был, могли быть ему опасны, для сего был он покрыт броней непроницаемою, которую мог обращать на разные употребления по своей воле, и с которой должен был делать списки, во всем равные и подобные подлиннику.

Сверх того вооружен он был копием, доставленным из четырех металлов, столь хорошо смешанных, что с начала бытия мира никто не мог их разделить. Сие копие имело свойство жечь, как огонь' кроме сего оно было столь остро, что ничего не было для него непроницаемого, и столь действительно, что одним разом ударило в два места. Сии преимущества, соединенные с неисчислимыми другими дарованиями, которые человек получил во едино время, делали его истинно крепким и страшным.

Страна, в коей человек долженствовал сражаться, была усажена лесом, составленным из семи дерев, из коих каждое имело шестнадцать корней и четыреста девяносто ветвей. Плоды их непрестанно возобновлялись, и доставляли человеку наилучшую пищу; оные же деревья служили ему убежищем, и делали жилище его как бы неприступным.

Падение человека

В сем жилище утех, в сей обители блаженства своего и на престоле славы своея человек был бы навсегда блажен и непобедим; ибо, получив повеление занимать средоточие оною, мог оттуда без труда смотреть на все, происходящее вокруг его, и удобно примечать все хитрости и движения противником его, не будучи от них никогда видим. И так доколе пребыл он в своем месте, дотоле соблюдал свое естественное превосходство, наслаждался миром и окутал блаженство, коих не можно изъяснить нынешним человекам; но как скоро удалился из сего места, то престал быть господином оною, и на его место послан иной Действитель. Тогда человек, лишась позорно всех своих прав, низвержен был в страну отцов и матерей, где с того времени и находится, сетуя и сокрушаясь о том, что видит себя смешанным с прочими Существами Натуры.

Наказание человека

Невозможно вообразить печальнее и жалостнее того состояния, в котором находился сей несчастный человек в минуту его падения; ибо не только потерял он тотчас страшное копие, которому ничто не могло противиться, но и самая броня, коею был облечен, исчезла от него, и на место ее дана ему на время иная, которая, не будучи непроницаема, как прежняя, сделалась для него источником непрерывных опасностей; но при всем том обязан он был выдерживать то же сражение, и потому гораздо больше стал открыт неприятелям.

Однако Отец его, наказуя таким образом, не хотел лишить его всей надежды и совершенно предать ярости врагов; тронут будучи раскаянием и стыдом его, обещал возвратить ему прежнее состояние, если только употребит к тому тщание; но прежде однако, как заслужит право владеть копием потерянным, и которое вверено было преемнику его, вступившему на место его в средоточие, которое он оставил.

Чего-то несравненного оружия исканием человеки должны были с того времени заниматься, и заниматься всякий день; ибо получением оного только могут они возвратить свои права, и снискать все те милости, которые были им назначены.

Неудивительно, что человеку после его падения оставлен был способ; ибо Отеческая рука наказывала его, и родительская любовь имела о нем попечение и тогда, когда Правосудие того же отца удалило его от совета присутствия. Ибо место, оставленное человеком, столь премудро устроено, что возвращаясь по тому же пути, по которому заблудился, человек может несомненно войти в средоточие леса, в котором единственно может пользоваться некоторою силою и упокоением.

Способ восстановления

В самом деле он заблудился, идучи от четырех к десяти, и не иначе может возвращаться, как шествуя от десяти к четырем. Впрочем, нельзя ему жаловаться на сие определение; ибо таков есть Закон, возложенный на все существа, обитающие в стране отцов и матерей; и понеже человек сошел в оную страну по своему хотению, то должен восчувствовать оного Закона и наказание. Сей Закон ужасен, я то знаю, но не может никак сравнен быть с Законом числа пятидесяти шести. Сей Закон страшен всем, которые ему подвергнутся; ибо они никогда не возмогут прийти к шестидесяти четырем, не восчувствовав всей его строгости.

Вот аллегорическое повествование о том, что был человек в его начале, и что он стал, удалясь от первого его Закона. Я старался сею картиною привести его к источнику зол его, и показать, хотя, правда, таинственным образом, средства к поправлению его несчастья. К сему я должен сказать, что хотя его и злого Начала преступления суть равно плоды злой их воли, однако надобно знать, что оба преступления весьма различного свойства, и, следовательно, не могут быть равному подвержены наказанию, ниже иметь одинакия следствия; ибо Правосудие уважает и разность мест, в которых преступления учинены. Человек и злое Начало имеют непрестанно пред глазами своими свой грех, но оба они не одинакую имеют помощь и не одинакое утешение.

Я прежде уже старался вразумить, что Начало зла само по себе не может

ничего делать, как токмо пребывать в своей продерзкой воле, доколе не возвращено будет ему сообщение с Добром. Человек же, не взирая на свое осуждение, может удовлетворить самое Правосудие, примириться с истиною, и от времени до времени вкушать сладости, будто бы он некоторым образом от них не совсем отлучен.

Помощь, дарованная Человеку.

То однако истинно, что преступление и того и другого наказуется лишением, и наказания разнятся только мерою. Но то еще истиннее, что сие лишение есть ужаснейшая казнь, и единая, которая может усмирить человека. Ибо худой есть способ вести нас к Премудрости помощью ужасного изображения телесных наказаний в будущей жизни; таковое изображение ничто, когда его не почувствуем. И сим слабым учителям нельзя иметь успеха, показывая нам в мысли только воображаемые ими мучения.

Ежели бы они постарались по крайней мере изобразить, какие терзания человек ощущает, когда учиняется злодеем, может быть скорее бы его тронули; ибо мы можем на сей земли иметь чувствование сего мучения. Но коль благополучие мгли бы нас сделать, и колико достойнее нашего Начала подали б нам мысль, когда бы сказали человеку, что сие Начало есть любовь, и наказывает человека любовью же; и будучи не иное что, как любовь, когда у них отнимет любовь, то ничего им не оставляет.

Сим-то способом просветили бы они и подкрепили человеком, и дали бы им восчувствовать, что нет ничего страшнее, как погубить в себе любовь сего Начала; ибо с того времени они находятся в ничтожестве. И поистине сие ничтожество, которое человек может ежеминутно испытывать, если бы оно представлено было во всем его ужасном виде, было бы для него действительнейшим и спасительнейшим возбуждением, нежели представление сих обычных мучений, которым человек, не смотря на учение сих кровожадных проповедников, видит всегда конец, а никогда начала не видети.

Способы, данные человеку для его восстановления в прежнее состояние, сопряжены с весьма строгими условиями. Чем величественнее права, коих он лишился, тем более страданий должен он сносить для приобретения их. Сверх сего, подвергнувшись преступлением своим Закону времени, не может он избежать скорбных оного действий; ибо он сам себе противопоставил препоны, содержащиеся во времени; Закон же не допускает то что-либо получить, как токмо по мере ощущения и преодоления оных затруднений.

С самой минуты его рождения телесного уже начинаются казни, ожидающие его; являются тогда все знаки постыдного греха его. Он рождается, как подлое насекомое, в брэнности и нечистоте, рождается среди болезней и воплей матери своей, как будто постыдно ей показывать чадо свое на свете. Какое для человека поучение, что из всех в натуре находящихся матерей женщина одна с большею скорбью и опасностью рождает! Но едва он сам начинает дышать, уже заливается слезами терзается мучительными болезнями. И так первый его шаг в жизнь возвещает, что он пришел в мир страдать, и что он есть поистине сын беззакония и болезни.

Труды человека

Когда бы человек не учинился виновным, тогда бы рождение его было

первое ощущение блаженства и мира. Возрев на свет, стал бы прославлять сияние оною сладостным своим восторгом и воссылал хвалы к Начальнику своего блаженства. Не беспокоясь о законности своего происхождения, не сомневаясь о постоянности своей участи, вкушал бы все утехи; ибо знал бы ощутительным образом преимущества их. О человек! проливая горькие слезы о чрезмерности твоего преступления, которым столь страшно изменилось твое состояние. Ужаснись пагубного тебе определения, осуждающего твое потомство рождаться в мучениях и позоре, потомство, назначенное к единой славе и неколебимому блаженству.

С самого начала стихийного течения состояние его уже становится час от часу ужаснее; ибо тогда он старается только телом, но предлежит ему еще страдать мыслию. Тело его, коим он обложен, уже подвергнуто действию стремительных стихий, прежде нежели получило малейшие силы к сопротивлению: равно и мысли его угнетаемы бывают в том возрасте, когда он еще не приобучил своей воли; следовательно, легко впадает в заблуждение, которое чрез тысячи стезей проходит с самого еще зародыша, и заражает дерево в самом его корне.

Двойное действие тела человеческого

Из сего явствует, что сие вещественное тело, которое мы носим, есть орудие всех наших страданий. Оно то, грубостью своей ограничивая нам взор и все наши способности, содержит нас в недостатке и мучении! Я не могу теперь не признаться, что сопряжение человека с сею грубою одеждою есть та казнь, кою преступление его подвергло на время; ибо мы видим, сколь ужасные производит оно действия с начала его облечения во оною до того времени, как совлечется ея; и чрез него-то начинаются и продолжаются испытания, без коих он не может восстановить отношений, которые имели со светом.

Но хотя сие вещественное тело погружает нас во мрак, должно признаться, что оно же служит нам защитою и предохранением прошиву опасностей, нас окружающих, и что без сего щита мы были бы подвержены большим опасностям.

Сие есть мнение мудрецов всех времен. Первое их упражнение состояло в непрестанном соблюдении себя от представляемых сим телом мечтаний. они презирали его; ибо оно есть презрительно по своей сущности; они страшались его, видя, в какую пагубу оно ведет, и совершенно знали, что оно есть дорога к заблуждению и лжи.

Но опыт научил их, что тело тако ж есть орудие, чрез которое проходят в человека познания и лучи Истины: они чувствовали, что мысль не нам принадлежит, и наши идеи отвне входят в нас, и следовательно проходят чрез тело; в чем чувства наши телесные суть главные пособники.

Происхождение Материализма

Сие мнение привело человека, по его скорости и легкомыслию, в пагубные заблуждения, от которых родились в его воображении чудные и странные идеи; из сего, говорю, мнения Материалисты почерпнули уничижительное мнение о чувствованиях, поставяющее человека ниже скота; понеже сей, подстрекаем будучи единым токмо побуждением, неспособен заблуждаться; но человек, находясь в противоречиях, может по

их мнению вдаваться спокойно и без разбору всякому побуждения, действующему на него.

Но ежели следовать тому свету Правосудия, которой мы уже признали в человеке, то нельзя нам принять сего уничижительного мнения. Мы доказали, что человек управляет сам собою, и отдает сам себе отчет в своих делах. Я не допущу теперь похитить у него преимущества столь знатного, которое возвышает его над всеми тварями.

Система о чувствованиях

Ничто меня не удержит удостоверить мою собратию, что сия искусно вымышленная хитрость весьма способна совратить их и удалить от пути. Всякой путешественник придет в отчаяние, когда встретит две дороги в противные стороны, и к незвестной цели ведущие; но рассмотрев с примечанием путь, уже им совершенный, и вспомня, от коей точки начал путешествие и к которой стремится, может быть он рассудит лучше, и изберет правый путь. Когда же кто-нибудь, представ пред него, скажет, что бесполезно он трудится в изыскании истинной стези, то всякая дорога, встретившаяся ему, приведет равно к той же цели, и что он может без разбору вступить на ту, или на другую: тогда путешественник в большее впадет недоумение, нежели как он был принужден советоваться с самим собою; ибо не может он не видеть, что сии обе дороги противоположены друг другу; и тотчас восчувствует, что даваемые ему советы подозрительны, и что ему ставятся сети.

В подобное сему состояние ввергают человека сочинители Систем о чувствованиях, наводя на него омрачение на пути его. Проповедовать, что Закон и предводитель человека суть чувства, есть уверять, что тщетно старается он делать выбор вещей, представляемых ему чувствами; понеже действия чувств подвержены переменам. И так человек, не будучи властен управлять побуждениями чувств, бесполезно будет силиться направлять устремление и действия чувств своих.

Но нельзя ему, как и оному путешественнику, не верить убеждению собственному: он ясно видит, что чувства вносят в его разум образы вещей; и притом также принужден признаться, что сии вносимые в его понятия вещи некоторые суть добрые, а некоторые суть злые.

Опасность этой системы

Как же поверить тем, которые запрещают ему разбирать вещи, и утверждают, что все они суть ни добры, ни злы, а одинакой сущности? Не должен ли паче вознегодовать на них, и остерегаться столь опасных учителей?

Сие есть, повторяю, обыкновенное искушение мыслям человека, и притом самое прелестное, которым злое Начало более всего может воспользоваться; ибо когда упоит человека сим мнением, что не надобно делать разбору в вещах, его окружающих, легко приведет его в ту же неизвестность и беспорядок, в который и сам впал, отторгнувшись от всякого Закона.

Но если Правосудие всегда назирает человека, то надлежит ему иметь и средства распознавать хитрости врага своего, и разрушать по изволению все его предприятия; инакн не был бы он наказуем за то, что попустил себя

обмануть. Средства же сии должны иметь основание в собственном естестве человека, которое не может изменяться, равно как и естество Начала, от коего он произошел. И так собственная его сущность, будучи не совместна с ложью, рано или поздно откроет ему обман, и естественным образом приведет к истине.

Я употребляю теперь сии же самые средства, общице мне со всеми людьми, чтобы показать им опасность и нелепость сего мнения, разрушающего их блаженство, и удобного погрузить их в бездну беззакония и отчаяния. Довольно я доказал нашими страданиями нашу свободу; и так я спрошу Материалистов, как могли они ослепиться до того, что им кажется человек токмо машиною? Я бы желал, чтоб они по малой мере признались чистосердечно в том, что сия машина есть действующая, и содержит в себе начало своего действия; иначе ежели бы она была совершенно страдающая, то принимала бы в себя все, и ничего бы не издавала от себя.

Способность, врожденная Человеку

Но как скоро показывает она некоторую действительно, то должна неотменно иметь в себе силу, могущую показать сию действительность. Я не думаю, чтобы кто-нибудь стал утверждать, что сию силу получаем мы от чувствований. Думаю также, что человек без сей врожденной ему силы не мог бы ни приобретать, ни сохранять познания о какой-либо вещи, что мы и примечаем в существах несмысленных. Из сего явствует, что человек содержит в себе семя света и истины, которых знаки столь часто являет. Не довольно ли сего к опровержению сего дерзкого учения, уничижительного для человека?

Но мне тотчас сделают возражение, что не только скоты, но все Существа телесные производят действия внешние, из чего следует, что все сии существа имеют нечто в себе, и не суть простые машины. И тогда спросят у меня: какая же разность между их Началом действия и Началом, находящимся в человеке? Сию разность легко тот усмотрит, кто обратит к ней внимание, и читатели мои узнают ее, когда устремят взор свой на причину сей ошибки.

Некоторые Существа суть разумеющие, а некоторые суть токмо чувствующие; человек вместе и то, и другое. Вот в чем загадка! Сии разные отделения существ имеют каждое и Начало действия особенное; человек оди оба сии начала соединяет в себе, и кто только потщится их различить, легко решит все затруднения.

О древней одежде Человека

Человек по своему происхождению пользовался всеми правами разумного Существа, хотя имел на себе наружный покров; поелику во временной стране ни одно Существо не омжет пробыть без одеяния. Теперь, когда уже я довольно о сей одежде открыл, признаюсь, что непроницаемая та броня, о которой выше мною сказано, ничто иное была, как первая одежда человека. Но почему же она была непроницаема? Понеже она, будучи единственною и простою, по превосходному своему естеству не могла ни коим образом разделиться, и Закон состава стихийного не имел над нею никакой силы.

О новой одежде человека

По падении своем человек облечен в одежду тленную, которая, будучи сложная, подверглась разным силам Чувственного, действующим попеременно и разрушающим друг друга. Но сим покорением чувственному не лишился он достоинства разумного существа. И так он стал быть велик вместе и мал, смертен и бессмертен, всегда свободен в разумных своих действиях, но в телесных связан законами, не зависящими от его воли; кратко сказать учинясь вместилищем двух Естеств противоположных, попеременно показывает действия оных столь ясным образом, что нельзя их не распознать. Ибо ежели бы теперешний человек не имел ничего в себе, кроме чувств, как системы человеческие утверждают, то все его действия всегда были бы единообразны, и были бы чувственные токмо, то есть, по примеру скотов, человек усиленно стремился бы единственно удовлетворять телесные нужды, никогда не противясь побуждению оных, разве чтобы только уступить сильнейшему побуждению, которое однако тем не менее было бы едино, и которое, всегда родясь от чувств, действовало бы только над чувствами и принадлежало бы всегда чувствам.

Два Существа в человеке

Но для чего же человек имеет власть не следовать иногда Закону чувств? Для чего может себе отказывать в том, чего чувства требуют? Для чего, побуждаем гладом, имеет силу отвергать вкуснейшую пищу, ему представленную? Для чего иногда попускает нужде телесной мучить себя, пожирать и даже умертвлять, и сие делает видя пред собою то, что могло бы его наилучшим образом удовлетворить? Ежели в человеке находится единое действующее Существо, то как же может он волею своею действовать противно чувствам? Сии два столь противные действия, оказываясь в еидное время, могут ли иметь один источник?

Тщетно мне скажут теперь вопреки, что воля так действует ради побуждающей некоей причины. Говорю о свободе, довольно я истолковал, что воля человеческая, будучи сама себе причина, имеет власть решиться на что-нибудь сама собою без всякого побуждения внешнего, иначе она не должна бы называться волею. Но положим, что воля действует по побуждению; бытие двух Естеств в человеке тем не менее покажется; ибо побуждению сему должно прийти от инуда, а не от чувств; поелику оно направляет волю противу чувств; и поелику человек в то самое время, когда тело его стремится существовать и одушевлено быть, может пожелать предать его страданию, истощить, или и совершенно разрушить. Сие двоякое человека действие убедительно доказывает, что в нем находится не одно Начало.

В скоте только Чувственность

В Существах напротив того чувственных не видно иных знаков, как только что они суть. Правда, надобно быть в них воле, издавать от себя и показывать то, что чувствования в них производят; иначе все, им сообщенное, было бы ничто и не производило бы никакого действия. Но я не думаю погрешить, уверяя, что самые лучшие, стройнейшие действия скотов никогда не восходят выше чувственного. Они, как и все Существа Натуры,

должны сохранять свое неразделимое; и для исполнения сей должности получают с жизнью вместе все потребные силы, соразмерные опасностям, коим они подвергаются по их роду во время течения их жизни, в рассуждении ли обстоятельств произведения их на свет и во всех других происшествиях, умножающихся и разнящихся по различности родов сих Существ, так как и всякого неразделимого. Но спрошу я, усмотрел ли кто в скотах какое действие, не стремящееся единственно к сохранению благосостояния тела, и показали ли скоты когда-либо истинный знак разумения?

Многие обманываются тем, что в некоторых скотах примечают способность привыкнуть к действиям, им несродным: скоты понимают, помнят и часто как бы разумом и памятью одаренные поступают. Сие примечание могло бы сделать нам затруднение, ежели бы не утверждены были выше сего наши начальные положения.

Я сказал уже, что поелику скоты являют внешние действия, то необходимо должно быть внутри их Началу действующему, без которого не могли бы они существовать; и сие Начало руководствуется чувствами, а целию своею имеет сохранение тела. Двумя способами человек приобучает скотину: бьет ее, или дает ей пищу, и чрез то по своему изволению управляет действующим Началом животного, которое, смтремясь единственно к содержанию своего бытия, производит такие действия, которых бы оно никогда не произвело, оставлено будучи собственному Закону. Страхом, либо приманкою пищи принуждает человек скотину, распространить и умножить свое действие. Из сего явствует, что сие Начало, будучи действующее и чувственное, способно ко впечатлениям. ежели же оно может впечатления принимать, то может оные и сохранять; ибо для продолжения действий нужно только продолжение впечатления. Восприятие впечатлений и сохранение оных доказывает токмо то, что животное способно к навыку.

Активное Начало в Библии

И так безопасно можем утвердиться в том, что действующее Начало скотов способно при помощи человеческого искусства приобрести навык к разным действиям; ибо как в сродных скоту действиях, так и в тех, к которым оной приобучен, не видно ни одного шага, ни одной черты, в которых бы чувственность не была руководителем и побуждающею причиною всего. И так, смотря на удивительные действия скотины, буду я удивляться; но мое удивление не распространится до того, чтобы признать в ней Существо разумное: я вижу в ней чувствующее токмо Существо, а чувствующее не есть разумное.

Привычки в Животном

Для яснейшего различения Животного от разумного Существа не должно ли принять в рассуждение Существа, которые ниже Животного, как то Растения и Минералы? Сии низжайшей степени Существа являют внешние действия, например, растут, плодятся, рожают и прочее. Посему не можем сомневаться, чтобы и они, как животное, не имели врожденного им действующего Начала, от коего проистекают все сии различные действия.

И хотя видим в них Закон живой, сильно стремящийся к своему исполнению, но мы никогда не заметили в них ни малейших знаков печали,

радости, страха, желания и всех страстей, свойственных животному. А из сего заключаем, что как Начало животных весьма различествует от начала нижайших существ, не смотря на общее обоим сим родам свойство расти: так и человек имеет обще с животным действующее Начало, способное к действиям телесным и чувственным; но существенно отличается своим Началом разумным, которое не терпит никакого сравнения с животным.

Об умственном и чувственном

И так от несмысленного разбирая всеобщей цепи, в которой каждое Существо придеживается предыдущего себе и последующего Существа, смешали люди разные доли цепи, составляющие теперешнего человека, и не различили его от Начала нижайшего и чувственного, с которым он соединен на время.

Какую же доверенность должны мы иметь к таковым системам, в воображении человеческого рожденным и утвержденным на основании, очевидно ложном? И какое доказательство быть может сильнее чувства и опыта?

Разделение трех Царств Nature

Я намерен при сем случае войти в некоторые подробности в рассуждении различения и связи трех царств nature, дабы вяще удостовериться в истинах, сказанных мною о разности существ и их сродстве. Я скажу предварительно, что таковое рассматривание должно было быть несродно человеку, и сие есть его несчастье, что он принужден искать вне себя доводов для познания себя и своего естества; ибо естество его содержит в самом себе свидетельства яснейшие, нежели те, которые найти он может в рассматривании вещественных и чувственных творений.

Науки человеческие не подают нам никакого верного правила для разграничения трех Царств; оное можно учинить, следуя токмо порядку, сообразному Nature: во-первых, в число Животных надлежит поместить Существа телесные, которые содержат в себе все пространство Начала их плодотворящего, которые, следовательно, имея единое Начало, не имеют нужды для произведения в действо своего Начала быть неотделимыми от земли, но получают плотское свое бытие от теплоты материнской, произошедшей ли от недр сея матери, или от вне сообщенного огня, как сие бывает в плодотворении Существ, рождаемых в яйце; или получают они оную от солнца, или совсем от другого огня.

Наконец, к минералам должно относить все те Существа, которые равномерно имеют в земле свою матку, растут в оной и укрепляются; но имея свое происхождение от трех действующих сил, не дают никаких знаков своего рождения; ибо они суть страдающие, и три действующие силы, их составляющие, собственно им не принадлежат.

По сим правилам, единожды утвержденным, ежели нужно узнать, к Растениям, или к Животным принадлежит такое-то Существо: то должно смотреть, от соков ли земных, или от произрастений получает оно свое питание. Если оно совокуплено с землею так, что отделясь от оной, умирает, то оно есть Растение. Когда же не соединено с землею, хотя питается ее произведениями, то будет оно Животное, какие бы впрочем средством ни происходило телесное его растение.

Гораздо труднее различить Растение от Минерала, нежели от Животного; ибо у Растений с Минералами столь много сходства и общих свойств, что не всегда удобно можно их друг от друга распознать.

Универсальная Четверная Прогрессия

Сие затруднение происходит от того, что разность родов Существ телесных всегда содержится в пропорции геометрической Четверной. Ибо в истинном вещей порядке чем выше восходит степень могущества, тем более могущество слабеет; ибо тем тогда отдаленнее бывает от первого могущества, из коего все последующие проистекают. И так первые члены прогрессии, будучи ближе к члену коренному, имеют свойства действительнейшие, из коих следственно исходят произведения ошутительнейшие и которые удобнее можно различать. Но когда же сила в способностях уменьшается по мере умножения членов прогрессии, явствует, что произведения последних членов должны иметь между собою различия, едва ошутительные.

Вот для чего труднее Минерал отличать от Растения, нежели Растение от Животного; ибо в Минерале содержится последний член прогрессии созданных вещей.

По сему же правилу надлежит судить и о прочих Существах, которые как бы среднее занимают место между разными царствами Натуры, и которыми как бы связываются оные царства; ибо прогрессия числа есть непрерывна, не имеет границы, ниже какого-либо отделения. А для совершенного узнания степени какого члена в сей прогрессии, потребно знать хотя один радикас (корень); но сие знание человек потерял, лишась первобытного своего состояния. Он не знает ныне радикаса никакого числа; потому что не знает первого из всех радикасов, что и увидим в последующем.

Равномерно принадлежит правило четверной Прогрессии к Существом, находящимся выше материи; ибо тут видна оного точность яснейшим образом, потому что сии Существа меньше удалены от первого члена сей прогрессии. Однако не многие поймут мои мысли о употреблении сего правила в Существах сего роду; сверх того мое намерение и мой долг препятствуют мне открыто говорить.

Если бы человек имел такую Химию, помощью коей мог бы он, не раздробляя тел, познать истинные их Начала: то увидел бы, что огонь есть собственность Животного, вода собственность Растения, а земля Минерала; тогда нашел бы он вернейшие знаки для распознавания истинного естества Существ, и не мешался бы в различении их Ряда и Чина.

Соединение трех Стихий

Не хочу я принуждать его рассматривать, что сии три Стихии, долженствующие быть различительными знаками разных Царств, не могут существовать каждая особенно и независимо от прочих двух; я думаю, что сие довольно известно и не требует напоминовения, что в Животном хотя огонь царствует, но вода и земля непременно также находятся: равно и в прочих двух Царствах господствующее Начало необходимо сопряжено с прочими двумя. Сие примечание наше простирается даже и на меркурия, хотя некоторые Алхимики никакого совсем не приписывали ему огня; но они должны были заметить, что меркурий минеральный получил только второе производство; и потому хотя имеет в себе, как всякое телесное

существо, стихийный огонь, но сей огонь неощутителен, доколе вышний огонь не привел его в движение; и сие есть уже третье производство, коего докажу я необходимость к произведению растущего тела. Для сей-то причины меркурий хотя имеет стихийные в себе огонь, однако хладнейшее в натуре тело.

Я повторяю здесь, что я вступил во все сии подробности для защищения естества человеческого. Я хотел унижающим его и смешивающим со скотами показать, что они непростительно заблуждают в рассуждениях своих о человеке, даже и о тех существах, которые совсем стихийные, понеже мы находим бесконечные разности между Царствами Натуры, хотя оные в основаниях своих имеют равности между собою и подобия.

Превосходство человека

Мы видим, что во всех отделениях Существ нижнее отделение не имеет ни малейшей частицы того, что отменно является в вышнем. И так когда в телесных Существах, которые ниже человека, никаких не усматриваем знаков разумеия, то не можем не утвердить, что один он на сей земле одарен сим высоким преимуществом, хотя по стихийному его образу подвержен чувствительности и всем скотским вещественным действиям.

И так те, которые покушались отнять у человека изящнейшие его права, основывая свое мнение на том, что человек покорен и присоединен облекающему его Существо телесному, представили нам в доказательство истину, признанную и нами; ибо мы все знаем, что человек не получает никакого познания, как токмо чрез чувства. Но поелику они далее не хотели простираť своих исследований, то и остались во мраке, и других в оной вовлекли.

Да и действительно, в теперешнем несчастном состоянии человека всякая идея должна проходить к его разуму чрез чувства; и надобно притом признаться, что человек, не властен будучи располагать вещами и Существом, действующими над чувствами его, не может быть самовластным правителем идей, в нем рождающихся. Сверх сего, признавши доброе и злое Начало, как ныне доказано, и следовательно Начало добрых и Начало злых мыслей, не должно удивляться, что человек и тем и другим (мыслям) подвержен, и не может не чувствовать их.

О мыслях человека

Сие-то побудило Примечателей думать, что мысли и все нашего разума способности имеют свое происхождение от чувств, Но, во-первых, они, смешав воедино два Существа, составляющие нынешнего человека, и не приметив двух в человеке противоположных действий, показующих ясно разность своих Начал, приписывают человеку одного только роду чувства, и все без разбору производят от его чувствований. Но ежели вникнуть в то, что я выше сего говорил, и хотя мало рассудить, то нельзя не признаться, что теперешний человек, обязан будучи править двум разными Существом, из которых он составлен, и не имея иных способов к познанию нужд того и другого, как токмо чувствительность, непременно и сию способность должен иметь двойственную; понеже он сам двойствен. Кто же сыщется столь ослепленный, который не обретет в человеке способности чувствования, относящейся к разуму, и способности чувствования, относящейся к телу? И

не должно ли признаться, что сие разделение, почерпнутое из самой Натуры, может объяснить все заблуждения? И должен здесь уведомить, что в сочинении сем часто буду употреблять слова, чувство и чувственное, в отношении к телу; но о чувственном разумном я буду стараться говорить таким образом, чтобы не можно было сие знаменование смешать с первым.

О чувствах человека

Во-вторых, в каком бы виде ни рассматривали Примечатели чувственную способность человека, увидели бы, вникнув прилежнее, что наши чувства в самой вещи суть орудия мыслей наших, но не источники оных; а в сем состоит великая разность, а не приметить оную есть непростительная погрешность.

Так конечно: в том-то и состоит наше наказание, что некая мысль не может дойти до нашего разума непосредственно без помощи чувств, которые суть орудия, необходимо нужны в теперешнем нашем состоянии. Но ежели мы признали в человеке Начало действующее и разумное, которое столь явственно отличает его от прочих Существ: то сему Началу надлежит иметь в себе свои собственные способности. Единая в теперешнем печальном нашем состоянии осталась в нашей власти воля, врожденная в нас, которою человек пользовался во время своей славы, и еще пользуется по падении. И как чрез нее он пал в заблуждение, то ее же силою может он уповать возвратить прежние свои права. Она не допускает человека к стремнинам, с которых желают свергнуть его враги, и запрещает верить сей ничтожности, в которую тщатся они погрузить естество его; словом, ею учинился он бессильным противиться, чтобы добро и зло не сообщалось к нему, ею же самой к добру, или злу. не может он сделать, чтобы вещи ему не представлялись; но может набирать из них и избирать добрые. И я теперь не приведу иных доводов к сему, как то, что он страдает, и тем наказуется за то, что что избрал зло.

Разумеющий читатель, для которого я пишу, знает, что наказания и страдания, о коих я говорю, суть отменные от преходящих зол телесных, или согласием утвержденных, которые одни известны простому народу.

И так все покушения на низвержение достоинства человеческого не заслуживают нашего уважения; в противном же случае должно опровергнуть первые и крепчайшие основания Правосудия, выше нами утвержденные, равно и те общие всем человека и непременные идеи, которых никакое разумное существо оспаривать не может.

Власть Человека над мыслию своею

Я не вступаю в пространное рассмотрение, что воля человека в обыкновенном поведении его всегда ли по важности причины побудительной решится, или устремляется к деянию по единому чувства привлечению: я думаю, что и то, и другое может ее побуждать, и утверждаю, что человек, хотящий правильно поступать, не должен отстать ни того, ни другого средства; ибо как рассуждение без чувств приведет его в хладнокровие и недвижимость, так чувство без рассуждения может ввести его в заблуждение.

Но сии вопросы не следуют к моему предложению, и кажутся мне тщетными и бесполезными; и так оставляю я школьной Метафизике изыскивать, каким образом воля побуждается к действию и как действует. Человеку довольно знать того, что воля действует всегда свободно, и что сия

свобода бывает источником его несчастья и виною всех его страданий, как скоро отступит он от Законов, долженствующих оную управлять. Но возвратимся к нашему предложению.

Хотя мы уверены, что все Существа непременно имеют нечто в себе, без чего бы они не имели ни жизни, ни бытия, ни действия; но мы не допустим того, чтобы они все имели одинаковое сие нечто. И хотя Закон сего врожденного им Начала единствен и всеобщий, но не скажем, что сии Начала суть равные и действуют единообразно во всех Существах; ибо примечания наши показывают нам существенную разность между ими, а особливо между Началами, врожденными трем Царствам вещественным, и между священным тем Началом, которым единый из всех Сущест, составляющих сию вселенную, одарен человек.

Великость Человека

Ибо сие превосходство Начала действующего и разумного, человеку влияющего, не долженствует нас удивлять, когда вспомним свойство Четверной прогрессии, разграничивающей чины и способности Сущест, и возвышающей естество их по мере приближения их к первому члену прогрессии. Человек есть вторая Степень от сего первого члена всеобщего родителя; Начало действующее вещества (материи) есть третья. Сие довольно показывает, что нельзя отнюдь положить между ими никакого равенства.

Ложные мнения о Человеке

Обидные человеку системы проистекли от того, что Строители их не умели различать свойства наших чувствований. С одной стороны приписали Существу нашему разумному движения чувственного Существа, с другой смешали действия разумные с побуждениями вещественными, ограниченными как в их началах, так и содействиях. Не удивительно, что обезобразив так человека, нашли в нем сходство со скотами и ничего более; не удивительно, говорю я, что омрачив таким образом в нем понятие и размышление, не токмо не изъяснили ему, что такое добро и зло, но содержат его в непрестанном недоумении и неведении о собственном естестве, понеже закрыли от его очей те разности, которые одни могли бы его на пути наставить.

Средства избегнуть сих Заблуждений

Показавши, что человека есть разумен вместе и чувствен, надлежит приметить, что сии две разные способности должны необходимо являть себя чрез разные же знаки и средства; и что свойственные каждой из них чувствования, будучи совершенно различны, не могут ни коим образом представляться нам под единым и тем же видом.

И так главное дело человека долженствует состоять в непрерывном распознании бесконечной разности, находящейся между сими двумя способностями и между принадлежностями, им свойственными; и как обе они во всех почти действиях соединены, то всего кажется нужнее различать их тщательно и распознавать, что каждой из них свойственно принадлежит.

Во время краткого течения телесной жизни человека, способность

разумная, будучи всегда сопряжена с чувственной, не может ничего получать, как токмо чрез нее; также и сия нижняя должна примеряться к порядку и правильности разумной способности. Из сего явствует, что когда человек, при столь тесном союзе сих способностей, хотя мало ослабеет, то не различит уже двух сих свойств, и не узнает, где сыскать свидетельства порядка и правды.

Сверх сего, поелику каждая из сих способностей может принимать впечатления добрые и злые, человек ежеминутному подвержен погрешению, и может смешать не токмо чувственное с разумным, но и то, что может быть полезно и вредно той, или другой способности.

Заблуждения сии суть всеобщие

Я здесь намерен рассмотреть следствия и содействия сей сопряженной с теперешним состоянием человека опасности, открыт погрешности, к которым от худого различения сих способностей пал он в рассуждениях своих как о Начале вещей, так и о произведениях Nature и произведениях рук его и воображения; Познания Божественные, умственные, Физические, Должности человека гражданские и естественные, Художества, Законоположения, Учреждения и Постановления всякие, все сие вмещает мое теперешнее предложение. Смело скажу, что я почитаю сие рассмотрение обязанностью для меня; ибо ежели невежество и тьма, лишаящие нас сих нужных знаний, несвойственны естеству человека, а суть следствия первых его заблуждений и прочих последовавших погрешностей; то главная должность его есть стараться возвратиться к свету, от которого он отступил; и ежели сии знания принадлежали ему прежде до падения, то он не совсем их лишился; ибо текут они непрестанно из сего неисчерпаемого источника, в котором он получил рождение: словом, ежели человек, не смотря на свое мрачное состояние, в котором ныне находится, может иметь всегда надежду узреть Истину, и ежели к сему потребно только тщание и мужество; то не стараться о снискании вместного естеству нашему познания Истины есть презирать ее.

Частное употребление в сем сочинении сих слов: Способности, Действия, Причины, Начала, Действователи, Свойства, Силы, без сомнения возбудит опять презрение и негодование нынешнего века к потаенным качествам. Однако несправедливо было бы давать сие имя сему учению для того единственно, что оно ничего не представляет чувствам. То скрыто для глаз телесных, чего они не видят; то скрыто для разумения, чего оно не понимает. А в таком смысле, спрошу я, есть ли что-нибудь скрытнее от глаз и разумения, как понятия, обще всеми принятые о вещах, мною предложенных? Они изъясняют Вещество (материю) Веществом, изъясняют человека чувствами, Создателя вещей Natureю стихийною.

О потаенных качествах

И так глаза телесные, не видя ничего, кроме сложных вещей, тщетно ищут Начал стихийных, о коих им учителя сказывают, и не видят оных Начал; и так они обмануты.

Человек видит движение чувственных своих орудий, но не усматривает в них своего разумения.

Наконец, видима Nature представляет глазам творение великого

Художника, но не являя смыслу причины вещей, оставляет неизвестным для нас Правосудие Владыки, любовь Отца и все намерения и советы Властителя. И так нельзя спорить, что все сии истолкования суть ничто, и ни малого не имеют подобия Истины; понеже всегда требуют новых истолкований.

Если же я от всех сих вещей отдаю препятствия, затмевающие их; если во всякой вещи направляю к истинному Началу мысль человеческую: то без сомнения мои изыскания будут не столь темны, как сих Исследователей. Ежели Примечатели действительно имеют омерзение к потаенным качествам, то прежде всего надлежит им переменить свой путь; ибо воистину нет мрачнее и сокровеннее той дороги, на которую они желают нас привлечь.

Глава II

Всеобщий источник заблуждений

Все, что я сказал о человеке, рассматривая его в происхождении и первобытном величии, о низведшей его из оного развратившейся воле и о горестном его состоянии, в которое он погрузился, подтверждается следующими примечаниями дел и мнений того, которые он ежедневно рождает.

Те же Примечания можно сделать о первородной чистоте, низвержении и о мучениях теперешних Начала, учинившегося злым; течение всех сих заблуждений единообразно; погрешностей начальных, последовавших, и которые впредь последуют, есть и непрестанно будут одинакие причины. Словом сказать, злой воле должно приписывать проступок человека и всякого другого Существа, одаренного преимуществом свободы; ибо сказано уже мною, что для узнания, законное ли было какого-нибудь действия основание, надлежит рассматривать следствия его. Ежели существо терпит злосчастие, то непременно оно виновно; потому что нельзя ему быть злосчастливым, когда оно несвободное.

О страданиях скота

Могут здесь в опровержение мне представить страдания скота: но возражение предусмотрено мною, и я потщусь решить его, не приступая еще к моему предложению; ибо сим оно не прервется.

Я знаю, что скот, как Существо чувственное, страдает, и потому некоторым образом почитаться может злосчастливым; но прошу рассмотреть, не справедливее ли принадлежит наименование злосчастливого тем Существом, которые, зная, что по естеству своему должны быть счастливыми, внутренно ощущают состояние о том, что они не таковы? В таком смысле не причисляется оно скоту, который на земли сей в своем точно месте, и которому совместно чувственное токмо благосостояние. И так когда повреждается сие благосостояние, он страдает, как Существо чувственное; но не видит ничего далее своего страдания: сносить его, старается даже прекратить его действием чувственной своей способности, и не рассуждает, предуготовано ли для него другое состояние: то есть, нет у него того, что составляет несчастье человека, сих угрызений совести и сей необходимости возлагать на самого себя вину своих страданий. Да и возможно ли сие? Скот

не действует, его принуждают действовать.

Однако остается то нерешенным, за что он страдает, и за что столь часто лишен бывает сего чувственного блага, которое учиняло бы его столько счастливым, сколько скоту прилично. Мог бы я объяснить сие затруднение, ежели б позволено мне было распространиться о союзе вещей, и показать, до чего дошло зло ради заблуждения человека; но сие только могу указать: а теперь довольно упомянуть, что Земля не есть более дева, и сие то подвергнет ее и плоды ее всему множеству зол, воспоследовавшему от потери Девства.

И так можем справедливо сказать, что свободное токмо Существо может быть действительно злосчастливым, к чему присовокуплю и сие, что ежели человек своею свободою подвергнулся болезням и трудам, то сия же самая свобода обязывает его непрестанно трудиться, чтобы загладить свое беззаконие; ибо чем более он не радеет о себе, тем более умножает свою вину, и, следовательно, тем вящему подвергается злополучию. Обратимся к нашему предложению.

Для руководства в предпринимаемом важном исследовании, которое ныне составляет существенную часть должности человека, заметим, что главная причина наших заблуждений в Науках есть та, что не наблюдаем Закона двух действий различных, который является во всех вообще Существах сотворенных, и часто приводит человека в недоумение.

О двойственном действии

Однако не удивимся, что каждое здешнее Существо подвержено сему двоякому действию; понеже мы выше сего признали две Натуры различные, или два Начала противоположные, которых власть оказалась от Начала вещей и непрестанно ощущается во всем Творении.

Впрочем, из обоих сих Начал одно токмо быть может существенное и истинно нужное; поелику далее ЕДИНОГО мы ничего не понимаем. И так второе Начало, хотя учинило необходимым действие первого Начала в сотворении, отнюдь не может однако иметь ни весу, ни числа, ни меры; понеже сии Законы принадлежат самому естеству первого Начала. Одно постоянное, всегда пребывающее, имеет жизнь в самом себе и от себя; другое, не имея ни правил, ни закона, производит действия токмо наружные и обольщающие разумение, вдавшееся сим мечтам.

И так ежели двойное содержание дало бытие и временную жизнь Вселенной, как видно сие из сказанного нами, то и частные тела необходимо должны следовать тому же Закону, и не могут ни возрождаться, ни продолжать своего бытия без помощи двойного действия.

Однако двойное содержание, правящее телами и всем веществом, не есть то же двойное содержание, которое происходит от противоположности двух Начал. Сие есть совершенно умное, и основание свое имеет в противных между собою волях сих двух Существ; ибо всегда в намерении только умном то, или другое из них действует над чувственным, или телесным, то есть, дабы разрушить умное действие противное. Но не таково двойное действие то, которому порабощена натура; оно принадлежит только Существом телесным, чтобы споспешествовать их воспроизведению и их поддержанию; оно есть чистое, поколику управляется третьим действием, приводящим его в порядок; словом, оно есть необходимое средство, уставленное от источника всех степеней к строению всех вещественных его творений.

Но хотя в сем двойном содержании, которое принадлежит ко всему телесному, нет ничего нечистого, и ни который из его членов не содержит в себе зла; однако один только из них есть неколебимый и неразрушаемый, а другой преходящий и минутный, и потому недействительный для разумения, хотя содеяния его действительны для телесных глаз.

Немалый успех приобретем в наших знаниях, ежели дойдем до того, что можем различать свойство и содействия сих двух различных членов, или сих двух различных Законов, которыми держится телесное творение; ибо когда научимся распознавать их действие во всех временных вещах, то тем паче узнаем оное в себе самих. Да и действительно, нельзя вообразить, сколь тесно сопряжены ошибки наши, касающиеся до нашего Существа, с теми, которые относятся до Существ телесных и Вещества. Кто разумеет судить о телах, тот скоро приобретет разумение судить и о человеке.

Исследование Натуры

Первое заблуждение в сем роде есть то, что из вещественной Натуры составлено особое отделение и особая наука. Хотя люди видели, что сия ветвь есть живая и действующая, однако почли ее отделенною от древа; а от частого повторения сего отедльного вредного исследования и самое древо явилось им столь далеким от ветки, что они и не почувствовали нужды в его бытии; или по крайней мере, ежели бытие его и признавали, но почитали его существом отдаленным, которого голос вдали теряется, и которого бесполезно слушать, чтобы понимать и исполнять течение и Законы сей вещественной Натуры.

Если бы мы, подражая им, положили себе границы рассматривать Натуру только в самой себе, и как действующую без посредства внешнего Начала, то, правда, могли бы мы заметить ее чувственные и наружные Законы, но не могли бы похвалиться, что имеем совершенное о ней понятие; ибо со всем тем не знали бы мы точного ее Начала, которое являет себя токмо разуму, которое необходимо правит всем, что существует, и коего Законы чувственные и видимые не иное что суть, как токмо содействия (Resultats).

С другой стороны, ежели во время нашего между Существом сей вещественной Натуры пребывания, отдалим их совсем от наших исследований, стремясь постигнуть существо невидимого Начала: то подвергаемся опасности шествовать выше предложенной нам стези, а потому и не достигнем цели желаний наших, и получим токмо часть просвещения, нам назначенного.

Мы должны чувствовать невыгоду сих многих излишностей; они таковы, что ежели впадем в которую-нибудь, то можем быть уверены, что не получим никакого успеха. И ежели из сих двух Законов пренебрежем один для искания другого, то наше понятие будет ложное; понеже теперешний союз их неотменно нужен, хотя и не всегда был явлен. Наконец, хотеть ныне возвыситься к Началу первому, высшему и невидимому, без помощи Вещества, есть оскорблять и искушать оное Начало: равно как и хотеть познать Вещество, и сключать первое Начало и силы, которыми оно поддерживает вещество, есть самое безумное нечестие.

О Веществе и Начале его

Мы не говорим, чтоб не определено было человекам иметь некогда

совершенно познание первого Начала, не имея нужды присовокуплять к тому знание Вещества, так как после их падения было время, когда они совсем покорены были сему Закону Вещества, не будучи в состоянии помыслить о бытии первого Начала: в сие данное нам среднее время, находясь между двумя крайностями, не должны мы упускать из виду ни того, ни другого, ежели не хотим заблудиться.

Вторая погрешность состоит в том, что человек со времени заключения своего в стране чувственной искал, правда, Начала Вещества, понеже не мог сомневаться, что оно находится; но как в сем изыскании смешал он два Закона, то и вздумал, что Начало Вещества должно быть ощущаемое, как и самое Вещество, и желал подвергнуть и то и другое намерению телесных его очей.

Телесное же измерение прилично только Протяжению; Протяжение есть нечто составное, следовательно Существо сложное; но ежели человек не перестанет упрямо верить, что Начало Протяжения, или Вещества, есть то же, что вещество, то конечно надобно Началу сему иметь протяжение и быть ложну, как Веществу. В таком случае без сомнения телесные его глаза могут измерять Начало Вещества, колико дозволит границы человеческих способностей, не получая далее никакого успеха. Ибо, чтоб измерить точно и без ошибки, надлежит иметь основание своим мерам; а его нет. Но в самом деле, не можем представлять себе таковым Начало Вещества, ежели сообразоваться понятию о Начале вообще.

Все те, которые предпринимали изъяснять, что есть Начало, не могли не сказать, что оно должно быть нераздельно, несоразмерно и совсем отлично от того, что качество представляет нашему зрению. Самые Математики и Геометры, которые чувствами одними действуют и трудятся только над Протяжением, подтверждают и определение; ибо вещественной точке, которую полагают за основание своей работы, принуждены они приписывать все свойства существа невещественного, без чего наука их не имела бы еще зачала.

И так Существо неразделимое и несоразмеримое, каковым необходимо должны мы понимать всякое Начало, есть ли что иное, как не простое Существо? Напротив, не можем сомневаться, что видимости вещественные делимы и подвержены чувственной мере: следовательно, Вещество не есть простое Существо; следовательно, не может оно быть само себе Началом. Итак, безумно хотеть смешивать Вещество с Началом Вещества.

О делимости вещества

Должен я здесь заметить, что таковое ложное рассматривание тел омрачило людей. Они вздумали, что, рассекая, удевая и раздробляя Вещество, рассекают, удевают и раздробляют действительно Начало и сущность Вещества; и уверив себя, что только ограниченность телесных орудий препятствует простираться сие испытание, так далеко, как мысль их простирается, воображали, что сие дальнейшее деление в самой сущности возможно, и что Вещество есть делимо до бесконечности; и для того почли его неразрушимым, и следовательно как бы вечным.

Сии заблуждения всеми почти вообще приняты; для того, что Вещество смешано стало с Началом своим, В самом же деле, разделять образы Вещества не есть разделять сущность его; или, лучше сказать, разъединять части разные, из коих все тела составлены, не есть разделять, не есть

разрешать состав Вещества; ибо каждая вещественная часть, отделять от своего целого, остается невредима в своем виде вещественном, следовательно в своей сущности и в числе Начал, составляющих все Вещество.

Какое странное ослепление понудило человека верить, что давая телам разные протяжения, будто разделяет он самое Вещество? Не ясно ли видим, что человек, как ни трудится в разделении Вещества, ничего иного не производит, как токмо перекладывает тела с места на место, и рассекает то, что было соединено? а что бы рука его могла разрушить состав Вещества, не надлежит ли ему быть тем, кто составил оно?

Здесь я вижу токмо немочь и ограниченность способностей человека, который препинается непобедимую силою Начал Вещества; ибо знаем, что может он по изволению переделывать различно виды и образы телесные, понеже сии образы суть только составление разных частиц, и потому не имеют никаких свойств Единицы, но ни какой из сих частиц не может он уничтожить. Ибо ежели Начало, поддерживающее его, не есть сложное, то не может подвержено быть никакому в сущности своей разделению. И в таком смысле не только вещество неразделимо до бесконечности, как вообще думают, но даже невозможно, чтобы человеческая рука произвела в нем самое первое и малейшее разделение; чем пака оказывается, что сие телесное Начало есть едино и просто, и следовательно не есть Вещество.

Ограниченность Математики

Из сказанного мною о способе Математиков должно почувствовать, сколько различен путь их от пути Натуры Математическая Наука в их руках представляет ложный список с истинной Науки; и как ее основание и содействие суть токмо отношения, на которых Математики единожды утвердили свои предположения, то и выходят заключения правильны и сходны с их целию. Словом сказать, Математики не могут заблуждать, ибо не выходят из своей окружности и всегда обращаются на единой точке; и потому, куда ни выступят, всегда возвращаются к зачальной своей черте. В самом деле, здание их как ни высоко, но одинаково во всех своих частях, и нет ни малейшего различия между материалами, положенными в основание, и составляющими вышние части здания: так чему же они научают нас?

Напротив того, натура, имея Началом своим Существо истинное и бесконечное, производит дела подобные ему; и хотя сии деяния суть покров, которым она закрывается от глаз наших, хотя они преходящи, но столь многообразны и действующи, что мы ясно усматриваем, что источник оных должен быть неисчерпаем. Но в последующем сделаем пространнейшие примечания о Математической Науке и о том, как надлежало бы употреблять ее, чтобы достигнуть познания Натуры и того, что выше.

О произведениях и Началах их

Присовокупим здесь другую Истину, которая подтвердит все вышесказанные, дабы доказать, сколько Вещество ниже того Начала, которое служит ему основанием производит его.

Сперва прошу Примечателей рассмотреть, не всеобщая ли то истина, что в рожденьях всякого чина вещей произведение не может никогда быть равно Началу, своему родителю. Сие непрестанно сбывается в порожденьях вещественного чина, хотя плоды и прочие произведения, относящиеся к сему

роду вещей, возрастая равняются и даже превышают силою и великостию неразделимое родившее; ибо как неразделимые сего чина покорены Закону времени, то прежнее неразделимое погибает между тем, как плод его приближается к пределу своего возраста и совершенства.

Но в час рождения сей плод необходимо бывает ниже того делимого, которое производит его; ибо от него получает свою жизнь и действие.

Какой чин вещей ни станем исследовать, смело утверждаю, что найдем подтверждение сей истины; и для того не обинуясь сказать можем, что справедливо назвали ее всеобщую: а посему и должно согласиться также, что она имеет место в отношении Вещества к Началу его: понеже когда мы можем видеть, как Вещество рождается, то не можем спорить, чтоб не было оно рождено; а ежели рождено, то, подобно прочим Существам, есть ниже своего Начала родившего.

Немалый уже в познании успех, узнать превосходство Начала вещества над самым Веществом, и почувствовать, что оба они не одинакового свойства; сие предохранит нас от опрометных мнений, которые важность учителей, предложивших оные, учинила как бы Законом для большей части людей; и мы не будем принуждены почитать Вещество вечным и неисчезающим. Когда станем отличать образ от его Начала, то узнаем, что оный может беспрестанно изменяться; а сие остается все тем же; и не трудно будет признать кончину и разрушение Вещества в последственных изменениях действий и Существ Натуры: но Начало сего Вещества поелику не есть вещество, пребывает невредимо и неразруσιμο.

О воспроизводстве образов

Сие преемное последствие действий, и сие непрерывное возобновление Существ телесных привело примечателей Натуры ко мнениям, столько же ложным, как предыдущие, которые ввергают их в подобную же безрассудность. Они увидели, что тела повреждаются, разрушаются и пропадают в их глазах; но купно увидели, что на место сих вступают непрестанно другие тела: сие побудило их думать, что сии последние составляются из остатков прежних тел; и когда и сии разрушаются, то разные части, из которых они составлены были, должны входить в сложение следующих по ним новых тел. Из сего заключили, что хотя образы непрестанно изменяются, но коренное вещество пребывает всегда то же.

И для того, не зная истинной причины бытия действия сего Вещества, не нашли они никакого основания, почему бы не могло оно быть всегда в движении, и почему бы не оставаться ему в оном навсегда; а из сего заключили паки, что оно есть вечное.

Но если бы они, возшед выше единою только степеню, узнали истинные Начала сих, и им бы приписали непреложность, которую мечтали видеть в мнимом коренном Веществе, то не могли бы мы упрекать их в сей новой ошибке. Мы видим, так же, как они, изменение образов, признаем также, что Начала тел суть нетленные и негиблющие; но как доказано уже, что Начала не суть Вещество, то, называя их негиблющими, не доказывается, что Вещество не погибает.

Неизменяемость Начал их

Таким образом отличив тела от их Начал, Примечатели избегли бы

вредного заблуждения, которое тщетно стараются прикрывать, и не дерзнули бы приписать вечность и бессмертие Существу Вещественному, ощущаемому чувствами. Я согласен с ними в рассуждении вседневного течения Натуры; вижу, что все образы тел рождаются и погибают; вижу, что на их места вступают другие: но не соглашусь с их заключением, которое они из сего выводят, что будто сие преемное изменение образов не имело Начала и не должно иметь конца; ибо оно совершается только в телах, которые суть преходящие; а не в Началах, которые от того ни малейшей в себе перемены не терпят. Кто явственно понял бытие и независимую и отделенную от тел непреложность сих Начал, тому должно согласиться, что могли они и могут существовать прежде и после сих тел.

Не присовокуплю я к сему рассуждению тех доводов, которым не поверят, хотя они такого свойства, что так не возможно мне в них сомневаться, как бы я сам присутствовал при сотворении вещей.

Впрочем, числительный Существ Закон есть неоспоримое свидетельство: Един существует и понимается независимо от других чисел; и когда, протекая чрез Десяток, оживотворил их, оставляет их позади себя и возвращается к своей Единице.

О истечениях из Единицы

И так понеже Начала тел суть единичны, то можно понимать их единых и отделенно от всякого образа Вещества; напротив, малейшие частицы сего Вещества не могут существовать, ниже понимаемы быть, не будучи содержимы и не одушевляемы своим Началом; подобно как представляем себе Единицу числительную, яко могущую существовать отделенно от прочих чисел, а ни которого числа, следующего после Единицы, не можем представлять в уме иначе, как истекшим и происшедшим от сея единицы.

Кратко сказать, ежели присоединим к нему главное положение, выше сего нами утверждение необходимо должны быть не равны, видим, что хотя Начала Существа суть нерушимы и вечны, но Веществу не возможно иметь сего преимущества.

Однако сие утверждение о необходимом неравенстве Существа рождающего и его произведения может подать некоторое сомнение о естестве человека, который, происшед из источника нерушимого, долженствовал бы, как нижайший своего Начала, лишен быть сего преимущества, и следовательно быть подвержен разрушению. Но сие сомнение опровергнется простым размышлением.

О Существах Вторых

Хотя Вещество и человек имеют равным образом Начало, их родившее, но Начала их весьма не одинакие. Начало, родившее человека, есть Единица; сия Единица, содержа в себе все, сообщает также и своим произведениям бытие всецелое и независимое, так что она может, как глава и начальница, распространить, или стеснить способности их; но не может умертвить их: понеже они существенные суть ее творения; а то, что есть, не может не быть.

Но нельзя сего сказать о Веществе; оно будучи произведение второго Начала, нижайшего и подчиненного иному Началу, всегда находится в зависимости и того и другого, так что для продолжения бытия его необходимо требуется взаимное обоих стечение; ибо известно, что как коро которое-

нибудь перестанет действовать, тела разрушаются и исчезают.

Мы видим довольно ясно и начатие и конец сих разных действий в Натуре телесной, чтобы удостовериться, что Вещество не может быть вечным. Сверх того, когда уже мы признали действие Единицы, или первого Начала, непрерывным и неразделимым, не можем не погрешив приписать ту же непрерывность действия вторым Началам, рождающим вещество. Сего ради и Создатель вещей не может того сделать, чтоб мир был вечен, как и Он; ибо поставить на место сего мира другой мир, что всегда состоять будет в Его власти, не есть учинить мир вечным: понеже каждый такой мир, будучи творением второго Начала, необходимо должен быть гиблющ.

О рождении тел

Теперь рассмотрим другую систему, касательную до настоящего предложения. Было проповедуемо, что по разрушении телесных Существ остатки тел употребляются к составлению частей иных тел. Примечатели Натуры весьма обманываются в сем мнении, равно как и в заключениях, которые они из того выводят; ибо утверждать, что тела состояются одно из другого, и суть не что иное, как разные составы из тех же и одинаких материалов, есть столь же великая погрешность, как и приписать Веществу вечность. Опасались бы они производить в свете такого мнения, если бы приняли большую предосторожность, чтобы вернее достигать познания Натуры.

Всеобщие Вещества Начала суть Существа простые; каждое из них есть Едино, как мы видели сие из наших примечаний и из понятия, сделанного нами о Начале вообще: такого же свойства должны быть Начала врожденные и малейшей частицы Вещества; и так каждое из них Единое и простое подобно всеобщему Началу сего ж самого Вещества: разность обоего рода Начал состоит только в продолжительности и силе их действия, которое бывает продолжительнее и пространнее во всеобщих Началах, нежели в частных. Действие же, простому Началу принадлежащее, необходимо есть простое и единственное, и следовательно имеет одну только цель: оно содержит в себе все, что нужно к совершенному исполнению своего Закона; наконец, оно не может быть причастно ни смешения, ни разделения.

Действие всеобщего вещественного Начала имеет те же способности; и хотя их произведения размножаемы, расширяемы и раздробляемы бывают, при всем том всеобщему сему Началу предлежит исполнить единое токмо дело и единое совершить деяние. А когда дело его исполнено будет, действие его пресечется и отнято будет тем, кто повелел оное производить; но во все продолжение времени оно обязано творить то же и одно деяние, и являть одинакие своего действия произведения.

То же можно сказать и о Началах, врожденных различным частным телам: они подвержены тому же Закону единственного действия; а когда время его исполнится, Закон у них отнимается.

И так, ежели каждое из сих Начал вместе токмо единое действие, и по окончании оногo долженствует возвратиться к первому своему источнику, то не можем, конечно, ожидать от них новых тел, а должны заключить, что тела, которые друг за другом рождаются, получают свое происхождение и бытие от других Начал, а не от тех, коих действие пресечено разрушением тел, произведенных ими. И так надлежит искать иного источника, из которого должны рождаться сии новые тела.

Но где же обретем сей источник, как не в силе и действовании сего двойственного Закона, который составляет всеобщую телесную Натуру, и который является под многоразличными видами в произведении и возрастании частных тел?

В самом деле, мы знаем, что сия обитаемая нами земля не могла бы существовать и содержаться, если б не было в ней Начала растущего, ей свойственного; но которому необходимо нужна внешняя причина, которая есть не иное что, как Огонь Небесный, или Планетный, которая б приводила в движение сие Начало, дабы сила его оказалась.

То же сказать должно и о телах частных: каждое из них происходит от семени, в коем содержится Зародыш, или Начало врожденное, вмещающее в себе все его свойства и все действия, кои должно оно производить. Но сей Зародыш остался бы всегда в недействии, и не мог бы оказать никакой своей способности, если бы не приведен был в действие внешнею огненною причиною, коея теплота дает ему удобность действовать на все телесные Существа, окружающие его, которые взаимно проницая его покрывало, подстрекают, разгорячают и располагают его к выдерживанию действия внешней причины, и к показанию своих собственных плодов и Сил.

Да и в самом деле, внешняя огненная причина, производя отражательное действие, скоро бы преодолела действие Начал неразделимых, и разрушила бы их свойства, если бы помощью Существ питательных не возобновлялись силы их, и не подкрепляемы были, дабы противиться пожирающему жару сей внешней причины. Для сего-то Зародыши, лишены питания, ежели выставить их на жар, погибают при самом своем зачатии, не произведши ни малейшей части своего действия; для сей же причины Зародыши, которые уже в состоянии начать течение растения своего, скоро погибают и разрушаются, ежели не достает им пищи, нужной для их защищения от непрерывного противительного действия огня; ибо тогда сие противодействие, проникая в самый Зародыш, тем удобнее распространяет разрушающую свою силу.

Из сего видно, что пища, о которой мы теперь говорим, есть второе средство от отражательного действия, которое употребляет Натура для содержания и сохранения своих творений; но сие увидим яснее в последующем.

Сей-то есть двойственный всеобщий Закон, управляющий рождением и возрастанием телесных существ. Стечение сих двух действий необходимо им нужно, дабы могли они иметь жизнь, осязательную глазам нашим; то есть, первое действие врожденное, или действие внутреннее, и второе, или внешнее, которым первое приводится в движение. Никогда в Веществе тело не родилось другим способом.

Что сказано теперь о Земле, то же скажем и о целой Вселенной: мы можем ее представить себе соборищем бесчисленного множества Зародышей и Семян, которые имеют в себе врожденное Начало своих Законов и Свойств по своему чину и роду; но которые ожидают, чтобы зачатию их и произведению внешняя какая причина подала помощь и расположила их к рождению. Отсюда почерпнуть должно изъяснение удивляющего людей Явления, то есть, для чего обретаем мы червей в плодах, на которых, впрочем, нет червоточин, и животных одушевленных внутри камней? Для того, что и те, и другие, вмещены будучи Натурою и перенесены какою жидкостью в таковые матки, нашли и получили течением той же жидкости соки, способные к произведению необходимого Закона отражательного

действия, но не удалимся от нашего предложения.

Теперь рассмотрим, какое могут иметь участие тела и остатки тел в произведении и возрастании других тел: они могут умножать силы Существ телесных, и им подавать помощь противу непрерывного отражательного действия Начала внешнего огненного: могут собственным противодействием поспешествовать обнаружению способностей Зародыша, И привести в действие свойства его. Но думать, что могут они вмешиваться в сущность сих Зародышей, есть противоречить Законам Натуры и не знать сущности Начала вообще. Могут, я оное подтверждаю, быть подпорою и побуждением их, но никогда не могут сделаться частью их естества. Следующие примечания подтвердят сие.

О разрушении тел

Мы доказали выше, что Начала тел не суть Вещество, но Существа простые% а посему надлежит им иметь в себе все нужное к их бытию и ничего не заимствовать от других Существ. Они бы не заимствовали помощи и от сего внешнего отражательного действия, о котором мы говорили, Если бы ради низости естества своего не покорены были двойственному Закону, господствующему над всеми стихийными Существами. Ибо есть Натура, в которой сей двойственный Закон неизвестен, и в которой Существа рождаются без помощи вторых Существ, а чрез единые токмо силы Начала своего родителя: сия есть та Натура, чрез которую прешел некогда и человек, но дабы исследование наше было вернее, не уважим умозрения, доколе опыт не подтвердит оногo; и во-первых, посмотрим, что происходит в разрушении тел.

Сие разрушение бывает, когда пресекается действие Начала врожденного, произведшего разрушаемые тела; понеже сие действие есть истинное их основание и первая подпора: Начало же сие не может иначе перестать действовать, как если Закон, который поработил его действие, остановлен; понеже тогда, свободясь от оков своих, отделяется от произведений своих и возвращается к начальному своему источнику. Ибо доколе сей Закон действует, дотолe вместилище его не может лишиться своего природного и нераздельного образа. Сей образ подвергается разрушению тогда только, когда Закон отражательного действия отнят; Начало, врожденное сему образу, и дающее ему бытие чрез сопряжение трех стихий, из коих он составлен, отлучается от сих стихий и предает их собственным их Законам: тогда, поелику сии Законы суть противоположны друг другу, стихии, Преданные оным, Сражаются, разделяются, и наконец при очах наших разрушают друг друга.

Таким образом, тела нечувствительно умирают, исчезают и уничтожаются, и так в трупe я вижу не что иное, как Вещество без жизни, лишенное Начала врожденного, которое даровало ему и поддерживало бытие его; вижу в сих остатках тела части токмо поддерживаемые присутствующими еще в них вторыми действиями, которые в сем теле врожденное Начало источало от себя во время своего действия; ибо сии вторые истечения распространены в малейшие телесные частицы, однако ж и они одна после другой отделяются от своих собственных влагалищ, когда произведшее их Начало оставило целое тело, коего состав сделан был от их соединения.

Что же может тело, лишенное жизни, во время своего разрушения,

сообщить новым телам, которых растению и образованию оно способствует? Господствующее ли Начало? Но оно уже не существует в труп; понеже отдалением сего Начала тело и учинилось трупом. Впрочем, каждый Зародыш, имея свое собственное врожденное Начало, вмещающее в себе свои способности, не имеет нужды в соединении с другим Началом. Одним словом, поелику два простые Существа не могут совокупиться, Ниже слить свои действия: то соединение их не только не будет способствовать оживотворению новых тел, но причинит беспорядок и разрушение; понеже невозможно в едином круге поставить два средоточия, не повредя естества круга.

Скажет ли кто, что вещественные части тела разрушающегося совокупляются и переходят в сущность Зародышей? Но мы недавно видели, что каждый Зародыш одушевлен Началом, содержащим в себе всенужное к его существованию. Сверх сего не видим ли мы, что все части трупа одна после другой разрешаются и не оставляют по себе никаких следов? Не знаем ли мы, что сие частное разрешение не иначе делается, как отлучением вторых истечений, находившихся в труп, из которых каждое можем мы почитать средоточием той части, в которой оно пребывало; и после сего не можем мы не признаться, что тела, части тел, что вся Вселенная есть соборище Средоточий; понеже видим, что тела постепенно исчезают. Если же и есть средоточие, и ежели все средоточия исчезают в разрушении, то что же такое из тела разрушенного останется, которое не могло составить часть бытия и жизни новых тел?

И так заблуждает тот, кто верит, что всеобщие или частные Начала Существ телесных разрушающихся, отлучась от своего вместилища, одушевляют новые образы, и что возобновляя таким образом свое течение, могут жить попеременно несколько раз. Ежели все просто и все единично в Естестве и Сущности вещей, то и действие их должно быть таково же, и каждому Существу должно иметь собственное дело простое и единственное, иначе Создатель вещей явил бы в себе слабость и беспорядок в своих творениях.

О варении пищи в желудке

Но приведет кто в пример варение пищи в желудке животного, и в опровержении скажет мне, что когда состав снеди разрешается, то большая часть ее переходит в кровь, в тонкий водяной сок и в прочие жидкости Нераздельного, и протекая во все части тела, поддерживает бытие и сущность животного, и после спросил, как же возможно сей снеди подкреплять действие и жизнь животного без того, чтобы не сообщить ему от себя ни малейшей части, и чтобы огонь, врожденный ей, не проник в Начало и Естество сего Нераздельного, дабы с ним соединиться и прибавить ему существования?

Я отвечаю на сие, что всеконечно пищи единственное есть дело поддерживать жизнь и действие Нераздельного, поглотившего оную, которое принимает ее в себя не как новое для себя Начало, ниже как бы приращение своего Существа, но как орудие отражательного действия, которое необходимо нужно ему для распространения сил и для сохранения временного его действия; и хотя никакое Существо не может обойтись без сего отражательного действия, но в каждом Существе поставлена ему мера: ибо если б Начало, содержащееся в пище, могло совокупиться с Началом

питающегося тела, то последнее не имело бы уже точной меры Закону своего действия, которое составляет естество его.

О приведении тел в Целость

Мы знаем из опыта и из того вреда, который претерпевает животное от сырой пищи и мяс недоваренных, или не совсем очищенных от крови; мы знаем, говорю, сколь вредно для телесной жизни чрез меру сильное отражательное действие, и мы не можем спорить, что Животные, которым от Натуры определено пожирать других Животных, гораздо свирепее и жесточее бывают, нежели те, которые питаются растениями. Для того, что первые ощущают в себе чрезмерное отражательное действие; поглотив с мясами, их питающими, великое количество которых жизненных Начал, употребляют все силы врожденного себе действия, дабы прежде времени разрушить вместилища пожранных сих Начал. А сии, не находясь тогда в своем природном растворе, напрягают также все силы, чтобы прервать сии несродные им оковы и возвратиться к первому своему источнику.

Во время сего сражения Нераздельное ощущает в себе кипение, мучащее и побуждающее к беспорядочным действиям; и дотоле не успокоится, пока вместилище сих вторых Начал расступится, и они соединятся с своим Началом родителем.

При сем случае не оставим без замечания достойный хулы обычай многих Народов, из которых иные чаяли почтить своих Мертвецов сохранением их трупов, а другие преданием огню. И то, и другое есть безумное дело и противное Натуре; ибо истинный раствор тел есть земля: и как человеческая рука не могла произвести сих тел, то и не должно ей покушаться ни прекращать, ниже продолжать существование их; но оставлять паче Началам их свободно по их Закону останавливать свое действие, и в надлежащее время соединяться с своим источником.

О женщине

Не могу я также не остановиться при сем предложении, что истинный раствор тел есть земля. В земле действительно надлежит особливо телу мужчины разрушиться; но тело мужчины восприяло образ свой в теле женщины: когда же оно разрушается, тогда возвращает земле только то, что получило от тела жены. И так земля есть истинное Начало тела жены; понеже вещи всегда возвращаются к своему источнику. А как сии оба Существа столь сходны между собою, то без сомнения тело жены имеет земное происхождение. К сему припомним, что она же была и первое телесное происхождение мужчины, ощутительно увидим, по какой причине вообще женщина почитается ниже его.

Но весьма заблуждали те, которые сию разность хотели простираť далее телесного образа, или способностей телесных. В рассуждении разумного Начала женщина имеет одинакий с мужчиной источник и происхождение; ибо сей муж, осужден будучи к наказанию, а не к смерти, долженствовал иметь пред глазами своими Существо своей природы и подобно себе несчастное, которое бы, своими слабостями и недостатками непрерывно представляя ему горестные следствия заблуждений, приводило его к премудрости, Впрочем, муж не есть отец разумного Существа произведений своих, как то возвещали учения ложные, и тем паче пагубные, что основаны

были на сравнениях, взятых от Вещества, как например на неисчерпаемых истечениях стихийного огня. Но во всем сем находится таинство, которое не почитаю никогда довольно скрытым. Станем продолжать наши примечания.

О растениях

Есть опыт, который испытатели Натуры не преминут предложить противу меня, который делают они над жидкостями подкрашенными, впуская их в некоторые растения, и сим способом дают цветкам различные краски, и даже и природную их краску совершенно переменяют. Ответ на сие скажу простой и согласный с тем, что я утвердил о варении пищи в желудке.

Всякое растение имеет свое врожденное Начало, как и прочие тела; питающие соки его не могут ничего присовокупить к сему Началу, но бывают его защитой против отражательного действия внешней огненной причины, которая без них скоро преодолела бы жаром своим и погубила силы и действие Начал нераздельных. И так, Принявши в рассуждение неограниченное число вещей, могущих служить пищею Существом телесным, легко почувствовать, сколь различным отражательным действиям подвержены сии Существа. Правда, что в самом деле каждому роду Существ одна пища должна быть свойственна; но Натура вещей погибающих, равно как и тела и непрестанные перемены, которым они подвержены, Принуждает их принимать не принадлежащую им пищу, которая расслабляет их, делает насиле способностям их, да и самих совершенно разрушает, хотя Начало Существа пребывает неразрушимо.

Отражательные сии действия производятся, как известно, Существом вторыми, которые содержат в себе свое собственное Начало. Сие Начало не может чинить отражательного действия ни чрез себя, ниже чрез частные Начала, истекшие от него, когда не имеют они на себе обложения телесного; ибо все простые Существа под сим только условием могут здесь существовать. И так несомненно то, что одежда телесная сих вторых Начал проходит купно с ними в телесный состав растений и животных, питает их и помогает противиться действию внешней огненной причины. Несомненно то, что они вносят с собою свой цвет и свойства. Но хотя и входят они в сие разные Нераздельные, однако ж отнюдь не моем сказать, что они там смешиваются и составляют часть сущности их.

О питании

Чтобы сим одеждам снадным можно было совокупиться с сущностию нераздельного, приемлющего их в себя, надлежит Началам их взаимно смешаться, но как мы уже видели, что сии Начала, будучи простыми Существом, не могут соединиться, и как их вместилища получают свойства от своего Начала, то и соединение вместилищ есть не возможно. И так пища есть вещь чуждая, хотя нужная Существом, принимающему оную; ибо известно, что она дотолику ему бывает полезною, поколику можно ему развести ее в себе.

Не трудно, думаю, Понять, что прежде растворения пищи не может быть никакого смешения; если же растворение сие не прежде бывает, как по отлучения врожденных Начал; если сие растворение в самой вещи есть не иное что, как разделение и разрушение: то как же нераздельное, которое

производит сие разрушение, может смешаться с разрушаемым от него вместилищем?

В самом деле, когда бы пища и Начала, содержащиеся в ней, могли смешаться с сущностию и Началами Существ, на которых изливают свое отражательное действие, то равномерно могли бы и заступить места их; тогда легко было бы переродить совершенно естество нераздельных и родов; а переменяя род и естество одного Существа, Можно то же учинить и во всех родах существ; от чего произошло бы всеобщее смешение, и мы никогда бы не знали степеней и мест, принадлежащих Существам в порядке вещей.

Но Закон, который Натура поставила своим произведениям, опровергает сии мечтательные покушения; она положила в каждом Существе телесном врожденное особенное Начало, которое может распространить, и часто распространяет свое действие за обыкновенные пределы, помощью насильственных отражательных действий и помощью способной к тому матки; но не может никогда потерять, ниже переменить своего естества. Сие Начало, будучи делатель и отец своего вместилища, не может отделиться от него, разве когда сие начнет распадаться и мало-помалу разрушаться. Но отнюдь не возможно, чтобы другое Начало, или другой Отец вселился в сие вместилище и оно поддерживал; ибо в телесной натуре нет прелюбодеяний, ниже Сынов приемшей, потому что нет в ней ничего свободного.

О смешении тел

И так всякое Существо простое, или Начало, имеет оное бытие отделенно; и, следовательно, действие и способности особые, которые также необщительны, как и его бытие.

Да не возражают мне тем, что в смешении жидкостей и тел, способных к слиянию, Примечаются содействия единственные и простые, которых ни одно из смешенных тел не может особо произвести; ибо я смело скажу, что в сих слияниях взаимное действие и отражение Начал рождает произведения, кажущиеся токмо нам единичными и простыми по причине слабости наших органов, в самом же деле оные произведения составлены и рождены особым и собственным каждого из собранных Начал действием.

Ежели смешать разные тела, Которые неспособны действовать и отражать взаимно ощутительным образом, но которые каждое имеет особое свойство цвета, запаха, или какое иное; то произойдет от смеси их третье свойство, которое в самом деле есть видимое токмо произведение двух первых, которые перемешаны и сочетаны, а не соединены и совсем слиты. Ибо никто не станет спорить, чтоб Начала, купно с их вместилищами, Не оставались совершенно отличены и отделены друг от друга; а слабость токмо чувств наших препятствует видеть особое и свойственное каждому из них действие. Следственно, в таком смешении видим только многие тела одного рода, собранные в одно место с телами другого рода; но каждое из них всегда сохраняет свое бытие, способности и действие, свойственные себе.

Ежели твердое тело положено в жидкое, сходное ему, то жидкое преодолевает силу и свойства первого, отделяет части его, раздробляет их, разрушает видимую и ощутительную твердость, Распускает его и скажется присвоивает. Правда, что от сего растворения представляются нам в жидком теле такие произведения, которых не усматривали мы в каждом теле порознь; но можно ли из сего заключить, что Начала их слились и смешались? И не правильнее ли можно сказать, что тут видно только расширение действия

Начала, господствующего над нижайшим Началом; расширение, которое уменьшится и даже пресечется, когда Начало сильнейшее довольно действовало на подверженные ему тела и истощило всю силу, какая в нем находилась?

Возьмем ли в пример твердое тело, которое присвоивает и вбирает в себя жидкое; или два жидкие, от смешения которых происходят твердые тела, Или неразрешимые по видимому слияния; или наконец такие тела, в которых порознь не видно было ни силы, Ни свойств, но которые сочетавшись производят удивительные действия, как то горящее пламя, огни, шум, яркие и живые цветы; все сие может ли доказать совокупление, слияние и сообщение одного Начала с другим? Ибо хотя сила господствующего Начала останавливает действие Начала слабейшего, но не разрушает вместилища его; и может быть искусство отделить их друг от друга и приведет в прежнее их состояние; что есть неоспоримым доказательством Истины, мною утверждаемой.

Когда Начало, превосходящее силою, не разрушая вместилищ, разделяет состав тел, и части сих слитков, возвратив им свободу и природную тонкость, Разгоняет чрез испарение: тогда, Правда, нераздельные Начала единственные, которые прежде были вместе, развеиваются по земле и воздуху, но не оставляют, ниже теряют ничего от своих способностей, сущности или действия.

Когда же, напротив, господствующее Начало силою своею и могуществом раздробило самое вместилище нижнего Начала; когда распустило его и разрушило, тогда действие нижнего Начала уничтожается, и не только сие Начало, скончав таким образом свое течение, не может присовокупиться, или приобщить свое действие к Началу господствующему, но и самое господствующего Начала действие вступает в прежний округ своей деятельности, ежели еще не повреждено и не истощено собственной победою.

О семенах червиных

Наконец, не обретаем мы и в рождении червей и прочих насекомых, являющихся при сгниении трупов, сего смешенного и непрерывного действия одного и того же Начала в разных образах, наследующих друг другу. Начало существования сих животных находится также в их собственном семени; ибо и наши и всего творения тела, суть сборище бесчисленного множества разрушительных зародышей и семян червиных, которые ожидают только отражательного воздействия и сходственных обстоятельств, чтобы произойти на свет и родиться.

Доколе тела наши наслаждаются полною жизнью и действием, Начало господствующее, которое управляет ими, содержа в равновесии все свое вместилище, не допускает его разрушиться и укрощает действие сих разрушительных зародышей. Но когда Начало господствующее отлучается от своего вместилища, тогда вторые Начала, не имея более связи между собою, естественным образом отрешаются друг от друга и дают полную свободу всем сим животным, и еще помогают рождению и возрастанию их, Подавая им чрез отражательное действие и теплоту, И способ выйти из семенных влагалищ своих.

Тогда останки трупа служат пищею сим насекомым, и переходят в них, подобно как и во все живые тела проходит пища чрез варение желудка: и в

тех, и в других одинакое бывает разрушение и одинакое дело Начал врожденных; но ни в тех, ни в других Начало тела разрушенного не входит в живое тело для одушевления его; ибо я уже довольно доказал, что каждое Существо имеет жизнь в себе, и нужна ему только внешняя причина для того, чтобы привести в действие и поддержать свое Начало.

Единство действия в Началах

Из сего явствует, что и в скрытнейших деяниях телесных Существ, как на примере в зачатии, рождении, возрастании и разрушении, Начала с Началами никогда не совокупляются и не смешиваются.

И так пища не иное что, как средства отражательного действия, нужные для охранения живых тел от чрезмерности огненного действия, которое непрестанно пожирает и разоряет сии питательные Существа, так как без них разорило бы и самое живое тело. И так пища не есть тот материал, как думают Примечатели и все множество последователей их, из которого начинающееся Существо должно быть составлено; понеже сие Существо все в себе имеет, когда имеет жизнь; а питательные Существа, Когда разрушены, ничего не имеют, и то, что в них остается, непрестанно погибает по мере того, Как частные Начала отделяются от своих вместилищ и возвращаются к первому своему источнику.

Ложная система о веществе

И так не должно обманываться нам сею наружною переменою образов, и думать, что те же Начала начинают новую жизнь; но останемся уверенными, что новые образы, которые непрестанно пред очами нашими рождаются и производятся, суть содействия и плоды новых Начал, еще не действовавших. Мы возымеем поистине достодолжное понятие о Создателе вещей, когда утвердимся, что все просто, все ново в Его творениях, и все должно являться на свете в первый раз.

Сии же истины показывают, сколь противно Законам Натуры мнение о вечности Вещества; ибо не токмо не те же и одни врожденные Начала происходят тела одно после другого, но еще достоверно и то, что никакое Начало не может иметь более одного действия, и следовательно единое токмо течение совершить может. Сверх сего мы ясно видим, что течения частных Существ, Вещество составляющих, ограничены; понеже нет такой минуты, в которую бы мы не видели конца их; да и время нам чувствительно бывает по непрестанному только их разрушению.

Неудивительно, что люди до ныне в сем заблуждали. Если бы и мы приняли те мнения, коих следствиями были сии погрешности, то наши заблуждения были бы бесконечны. Примечатели едва только начали распознавать Вещество от Начала, его содержателя и родителя, то и приписали тотчас одному то, что принадлежит другому. Они думали, что коренное их Вещество (или первая материя) пребывает всегда по сущности своей одинаково, а только преобразуется попеременно в разные виды. И так, смешивая Вещество с его действующим Началом внутренним и врожденным, говорят, что как в Веществе есть единая токмо сущность, то и всеобщему действию ее надобно быть единому, и, следовательно, Вещество негиблемо и неразруσιμο.

Я прошу их исследовать подробнее сказанное мною в начале сего

Сочинения о происхождении и свойстве добра и зла. Я доказал, что никто здравомыслящий не скажет, что свойства, между собою различные, Проистекают из одного источника. Перенесем же сие к разным свойствам Вещества, которые оно показывает, и посмотрим, правда ли, что вещественная сущность есть едина.

Разнствие сущностей вещественных

Спрашиваю: действие огня подобно ли действию воды? Вода действует ли так, Как земля? И не видим ли мы в сих стихиях свойств не токмо разных, но совсем противоположных? Но при всем том сии стихии, хотя и многие, суть основание и твердыня всех вместилищ вещественных. И так нельзя согласиться с примечателями, что в телах единое есть естество, когда видим, что их свойства столь разнообразны. И так не столько не то же и одно Вещество всегда составляет рождающиеся попеременно образы, но ниже можно допустить, чтобы и два образа оно составило.

Я не перестану повторять, что естество тел не есть единое, как они думают; что все образы суть произведения врожденных им Начал, которые не могут иначе явить своего действия, как под всеобщим Законом трех стихий, которые существенно разнствуют между собою; что содействие их не может быть почитаемо Началом, понеже оно не есть единое, а подвержено изменению, и зависит от больше, или меньше сильного действия которой-нибудь стихии; что таким образом Вещество быть не может постоянным и нетленным, ни переходит попеременно от одного тела к другому, но что все сии тела происходят от действия Начала нового, и следовательно особенного.

Словом, сия разность всех врожденных Начал довольно покажется ощутительною, когда заметим, что все степени и все царства Натуры телесной отличены знаками ясными и выразительными; ежели заметим, говорю, Противоположность, Находящуюся между многими степенями и родами; согласимся, что сии врожденные Начала и содержатели разных между собою тел суть необходимо и сами между собою различны. Ибо когда бы действующее Начало тел внутренне не было одно, или то же во всей Натуре, то надлежало бы ему оказывать свое действие везде и являться непрестанно и единообразно в разных телах.

Но признав сию разность нераздельных Начал, припомним еще, с какою точностию, с каким тщанием каждое из них исполняет предписанное ему частное действие, и тем дополним понятие о Началах Существ телесных, которое мы уже определили, доказывая, что не могут они быть сложными, яко сущности Вещества, но суть простые Существа, Имеющие в себе свой Закон и все свои способности, вмещающие в себе единое действие, подобно как всякое простое Существо; то есть Существа неразрушимые, которых однако ощутительное действие должно оканчиваться, и оканчиваться всякую минуту; понеже они поставлены действовать только во времени и составлять время.

О системе развития

Я сделаю только некоторое примечание Исследователям Натуры об одном слове, Которое употребляют они в рассуждениях своих о телах. Рождение и возрастание тел изображают они под именем развития. Нельзя нам допустить сего изображения; ибо ежели поистине тела только развиваются, то надобно

им целым уже находиться в зародышах, или в Началах их; если же сии тела существенно и действительно бы содержались в Началах, то уничтожали бы первородное качество простого Существа, то не были бы они неразделимы, ни следовательно одяны бессмертием, или, когда приписать бессмертие Началам, надлежит его приписать также и телесным Существом, в них заключенным. Но допустить сие есть согласиться на то, что мы доселе отрицали, и явно противоречить тому, что уже утвердили.

Если примечатели не желают впасть в большие нелепости, то надобно им приучиться смотреть на растение телесных Существ не как на развитие, но как на творение и дело Начала врожденного, Производящего сущности вещественные, Располагающего оные и образующего по особому Закону, который ему дан. Я знаю, что тем, к кому я речь мою склоняю, не приходило никогда и на мысль такого мнения, и потому не скоро допустят его; ибо оно весьма противно мыслям и понятию, какое они доселе имели о Натуре; не смотря на то, я предлагаю им сии Истины смело, и будучи внутренне уверен, что никакой другой Истины на место сих не могут поставить.

Я не знаю, каким образом, Принимая растение телесного Существа за развитие, могли они хотя на минуту допустить идею, которую выше сего я опровергнул, то есть, что разные частицы одного тела переходят и присоединяются к другому; ибо ежели зародыш развивается, то надобно ему иметь уже в себе все части; когда же он имеет все части, то нужны ли ему части иного тела к своему образованию?

Но да не подумает кто обратить сей довод против меня самого, и сказать, что я, отрицая то, чтоб все части, которых образование необходимо нужно для совершения телесности Существа вещественного, содержались в своем зародыше, соглашаюсь уже на то, что сей зародыш должен отвне получать материалы к его возрастанию; что без сомнения было бы противно тем Истинам, Которые в Натуре я показал. Сия натура есть живая повсюду; она имеет в себе побудительную причину всех своих дел, и не нужно ей, чтобы зародыши заключали в себе в малом виде все части, долженствующие некогда быть им вместительным. Им потребна только способность производить сии части, и они ее имеют. Когда ж имеют ее, то все средства, выдуманые для истолкования возрастания и образования телесных Существ, ни к чему не служат: ибо Примечатели для того и прибегли к сим выдумкам, что не познали в Веществе врожденного Начала жизни и действия его, и вообразили себе, что Вещество в сущности своей есть мертвое и бесплодное. Скажем еще слово, чтобы совершенно опровергнуть сию мысль о развитии Существ телесных; то есть, что если бы развитие могло быть, то не было бы чудовищ, понеже все порядочно сотворено: и когда все вещи развиваются токмо, то Создателю вещей не оставалось бы ничего делать. Но мы не смеем подумать, чтобы мог Он и все, произведенное Им, пребывать в недействии.

Повторение вышесказанного

Сим прекращу мои примечания о том, что как неправильно люди представляют себе сущность телесной Натуры. Ежели они захотят размыслить о том, что я показал им, то признаются, надеюсь, что столь многие заблуждения их произошло от нераспознавания Вещества с Началом его; и, рассмотрев предложенные мною Истины о рождении Существ, о непрерывном изменении образов, о различении сущностей от врожденного им Начала, о свойствах и простоте сего Начала как в частном, так и во

всеобщем, и о единстве его действия, учрежденного токмо на время, признаются, что Начала разных телесных Существ неслитны, ниже общительны между собою, поелику суть неразделимы; а понеже они неразделимы, не могут никогда разрушиться; что они отличены друг от друга как по особому свойству действия их, так и по продолжительности его, как то показывает разрушение стихий, составляющих Вещество; что от того происходят бесчисленные тел последственные сложения, из которых Примечатели, видя преемное произведение тел, легкомысленно заключили, что Вещество, яко основание их, есть негиблющее. Ибо не токмо не должны были они почитать Вещество вечным, но еще согласиться с нами в том, что нет такой минуты, в которую бы оно не разрушалось; понеже в Веществе всегда одно действие уступает свое место другому. Тогда примечатели не станут ожидать, подобно Алхимистам, непрерывного оживотворения, которое б их самих и все тела защитило от разрушения; ибо ежели бытие тел имеет определенное время, то по приближении сего предела нельзя остановить разрушения их иначе, как разве присовокупить новое Начало к Началу, готовящемуся отлететь; но мы видели прежде, что сему нельзя быть и в самом естественном порядке вещей; а люди не могут думать, чтоб силы их превосходили Натуру и Законы, которыми содержатся Существа.

Научившись таким образом отличать Вещество от Начала, Рождающего оное, и познав разные действия, являющиеся в сем Веществе, Престанут они верить сим мечтательным торжествам, понудившим их все нечувствительным торжествам, понудившим их все нечувствительным образом смешать, даже самое добро и зло. Обратимся теперь к высшему.

Глава III

Взаимная связь заблуждений

Если бы возможно было, чтоб одно Заблуждение не было всегда источником бесчисленного множество других Заблуждений, не уважил бы я опровергаемых здесь мною, касающихся до Начала и Законов Вещества; ибо как сих вещей познание невеликой важности, то превратное понятие о них не может само по себе быть весьма вредным. Но в настоящем положении вещей сии Заблуждения так между собою связаны, как и самые Истины; и как наши доводы противу ложных человеческих рассуждений взаимно друг друга подкрепляли, так и человеческие мнение о телах и выведенные из оных слабые заключения, возымели действительно весьма пагубные для людей следствия, ради того, что связаны существенно с вещами высшей степени.

Когда люди в рассматривании частных тел смешали Вещество с Началом Вещества, И заблудились таким образом при первом шаге, то не в состоянии уже были ни открыть истинной сущности Вещества, ниже усмотреть Начала, которые поддерживают его и подают ему действие и жизнь. Слив таким образом сии две Натуры, из которых состоит вся стихийная область, Не пришло им и на мысль исследовать, нет ли еще отличной высшей Натуры.

В самом деле, мы видели ясно, что они впади в сию порочную обоюдность, или приписывать Началу границы и подлежательность Вещества, или отдавать Веществу права и свойства Начала его. И так, приняв Начало тел и грубые оных части за одну и ту же Вещь, легко могли по

таким же рассуждениям сии тела и их Начало смешать с Существами Натуры, независящей от Вещества.

Таким образом, преходя от степени на степень, учредили между всеми Существами всеобщее равенство, и следуя их мнению, надлежит согласиться, что или Вещество есть само причина всего, что производится, или, что причина, дающая Веществу действие, не более разумом одарена, Как и Начала, Примеченные нами в Веществе; что все равно. Ибо приписывать Веществу столь великие свойства, какие они приписывают, есть возвещать, что оно все содержит в себе; когда же оно содержит в себе все, какая же нужда, чтобы разумное Существо бдело над ним и управляло им? Понеже оно может управлять само себя. И что же тогда будет сие разумное Существо, если не дают ему люди познания и действия над Веществом? А лишить его сея власти, Не есть ли уже лишить и разумения? Понеже находиться будут под ним вещи, неведомые ему, и о которых оно понятия не может иметь.

Вот сколь в тесном круге хотели было неведущие люди заключить наши познания и просвещение!

Я знаю, что многие из них усмотрели вредные следствия начальных своих положений, И прилепились к оным не столько по убеждению и склонности, сколько по неосторожности; но тем не менее достойны они хулы за то, что подверглись таким безрассудным мнениям. Человек ежеминутно склонен к заблуждению, а особливо, когда один осмеливается устремлять взор на такие вещи, Которые познавать препятствует мрачность его темницы. Но при всем его недостаточестве есть Заблуждения, которых не избегать ему неизвинительно. Из числа таковых и сии, о которых теперь речь идет; и когда бы творцы сих систем, принявши в помощь утвержденные нами положения, Присоединили к тому искренность, то не возможно бы было им найти в них никакого правдоподобия.

Мог бы я основать мои доказательства на вышепоказанной мною разности Существ чувствующих и Существ разумных, и на доводах, которыми я открыл, что самые изящные способности Существа телесного не могут вознестися выше чувственности, как то и показал и в Животных, занимающих первый ряд между тремя Царствами Натуры; потом, сличив движения и течение Животных со способностями другого рода, которые столь ясно видим в человеке, Не могли бы мы усомниться, разумное ли Существо человек; равным образом не могли бы отрицать, чтоб не было и других Существ, одаренных сею же способностью разумения; понеже мы видели, что человек в нынешнем состоянии ничего собственного не имеет, а должен ожидать всего отвне, даже до малейшей своей мысли.

Сверх сего вспомня, что в сообщаемых человеку отвне мыслях находятся такие, которых не может он не признать противными своему естеству, и еще такие, которые сходны с оным, и что обоих сих родов мыслей не может здравый рассудок приписывать одному и тому же Началу, мы бы уже довольно сим доказали бытие двух Начал, которые находятся вне человека, и, следовательно, вне Вещества; понеже оно много ниже человека.

Права существ разумных

Все сие сообразя, говорю я, не могли бы мы отнять разумения у сих двух Начал; понеже во время нашего наказания, которое мы ныне терпим, чрез них только и ощущаем наше разумение. Но ежели сии Начала разумны, то надлежит им быть сведущим и иметь понятие о всем, что ниже их; ибо без

сего не пользовались бы они ни малейшею способностью разума; если же они сведущи и имеют понятие о всех вещах, которые ниже их, то не возможно, чтобы каждое из обоих, яко Существо действующее, не занималось оными, и не старалось или разрушить их, ежели оно злое Начало, или соблюсти, когда оно доброе Существо.

Чрез что могли бы мы легко доказать, что Вещество стоит не о себе едином, но надлежит в нем же самом искать доводов, чтобы опровергнуть мнение, которым приписывается ему действительность, существенно принадлежащая Натуре его.

Мы утвердили уже, что Начала Вещества, как всеобщие, так и частные, заключают в себе жизнь и должны существующие от оной произойти способности телесные. К сему присовокупили мы и то, что, не смотря на нерушимое и природное сие их свойство, сии Начала не могли бы никогда ничего произвести, Если бы не были подвизаемы и согреваемы от противудействия огненных внешних Начал, долженствующих приводить в движение способности их по силе его двйственного Закона, Которому покорено всякое телесное Существо, и который властвует над всеми действиями и рожденьями Вещества.

О начале движения

Сие уже без сомнения есть знак слабости ли подвластия в Начале телесного Существа, что имея в себе жизнь, Не может ее само собою произвести в действие. Однако и то несомненно, что сие Начало жизни, врожденное в зародыше всякого телесного Существа, Превоходит внешние огненные Начала, которые устремляют на него токмо простое вспомогательное противудействие, и не могут сообщить ничего существенного бытию его. Когда же сии огненные Начала гораздо ниже Начала жизни, подверженного противудействию их, то тем менее могут они самих себя привести в действие.

Тщетно было бы перебирать весь круг обращения телесных Существ, чтобы найти первое Начало сего действия; и если бы кто после сего изыскания сказал, что сии Существа поелику взаимно противудействуют друг другу, то не имеют нужды в иной какой причине для приведения в действие свойств, Находящихся в них, тот принужден был бы допустить, что было же первое движение от инуды сообщено сему их кругу, В котором они заключены; ибо самые действительнейшие Начала телесные не могут ничего сделать без противудействия иного Начал, то как же сии, которые ниже их, могут обойтись без сего противудействия? Из сего явствует, что в какой бы точке круга ни полагаемо было первое действие, но при всем том необходимо надобно было начаться сему действию.

Пусть Примечатели отвечают мне искренно, Могут ли они теперь себе предствить, что сие начатие действия находится в Веществе, и точно принадлежит его Натуре; и не доказывает ли оно напротив Физическим образом, что оно с самого происхождения своего находится в зависимости по силе одного непреложного Закона, по которому Начало вседневного его воспроизведения зависит от стечения и содействия другого Начала?

Тем более нельзя им сомневаться о сей Истине, что средства, употребленные ими к опровержению ее, служат более к ее утверждению. Положи, говорят они, такое и такое-то Вещество вместе, тотчас заметишь, что они закисают, согнивают и дают некое произведение; но ежели бы сии

Вещества могли сами друг ко другу приблизиться, нужно ли было бы совокуплять их силе посторонней? И так если сии частные составы не могут производимы быть без помощи посторонней руки, то ко всеобщему составу не то же ли потребно? Ибо он по естеству своему не отличен от прочих частей Вещества, ничем их не превышает и не может состоять под иным Законом.

Движительная причина Натуры

И так могу, кажется, справедливо возвестить необходимость Причины разумной, действующей самой собою, которая бы сообщила Веществу первое действие. Как она же сообщает оное беспрестанно и в его последственных деяниях воспроизведения и возрастания, и по всех его делах, являемых нашему взору? Не только нельзя себе представить, чтобы Вещество не получило своего происхождения от Причины, котроая вне ее, но видим, что и ныне необходимо нужна ему Причина, котроая бы непрестанно управляла действиями его, и что Вещество не могло бы жить и стоять ни единой минуты, ежели бы оставлено было самому себе и лишено было бы своих Начал противудействия.

Наконец, ежели нужна была Причина к тому, чтоб дать первое действие Веществу; ежели и ныне и всегда нужна помощь сея Причины для содержания его; то нельзя представить себе Вещества, Не представя купно и Причины оногo, которая учиняет его тем, что оно есть, и без которой не может оно существовать ни одной минуты; и как не могу представить в уме образа тела без воржденного Начала, Произведшего оной, так не могу представить себе деятельности тел и Вещества без Причины Физической, но невещественной, действующей и разумной купно, которая выше Начал телесных, и которая дает им зримые мною в них движение и действие, которые, однако, знаю я, не принадлежат им существенно.

Сие довольно может нам изъяснить все правильные Явления Натуры, у которых признавши начальницей и путеводительницею высшую Причину, коей не можем не приписать разумения, будем взирать на порядок и точность, царствующие во Вселенной, как бы на плоды и естественные следствия разумения сея Причины.

Тогда ничто в Натуре не приведет нас в изумление, все ее дела и даже разрушение Существ явятся нам быть просты и сообразны Закону; ибо смерть не есть ничтожество, но действие; и время, которое составляет сию Натуру, не что иное, как цепь и последование действий, иногда творительных, иногда же разрушительных. Словом, можем надеяться во всей вселенной находить везде знаки и свительетсльва Премудрости, создавшей и содержащей оную.

О неустройствах Натуры

Но сколько сия Истина ощутительная уму человека, столько часто поражен он бывает превратностями и беспорядком, которые усматривает он в Натуре; кому же приписать сии противности? Сей ли Причине действующей и разумной, которая есть истинное Начало совершенства телесных вещей? НО сего нельзя никак о ней подумать; да и само себе противоречит, чтобы сия мощная Причина действовала купно для себя и против себя.

Сие безобразное зрелище да не умалит нашего высокого о ней мнения и

да не ослабит нашего к ней почитания. Из сказанного нами о двойственном Законе умственном, то есть о противоположности двух Начал, должны мы уже знать, кому приписывать можно зло и беспорядки Натуры, хотя здесь еще не место говорить о побуждениях, которые ведут их к таковым деяниям.

Но детское недоверие к сим Истинам немало препятствует нам преуспевать в наших познаниях и в просвещении; оно главная причина Заблуждений, к которым приведены люди своими выдумками о сих вещах и неосновательностию всех умствований своих, которыми они толкуют Натуру вещей.

Причина отличная от вещества

Если бы они тщательнее рассмотрели оные два разные Начала, Которых не могли не признать, увидели бы разность и противоположность их способностей и действий; увидели бы, что зло есть чуждое Началу добра; действует своей собственною силою над временными произведениями сего Начала, с которым оно в единое место заключено; но не имеет никакой действительной силы над самым добром, Которое носится над всеми Существами, поддерживает немогущих стоять о себе. И оставляет по воле действовать и защищаться тех, которым дарована от него свобода. Увидели бы они, говорю, что хотя Премудрость расположила вещи так, что зло часто бывает поводом к добру, однако ж тем не менее зло в то мгновение, как действует, бывает зло, и потому ни коим образом не возможно его действия приписать Началу Добра.

Сие могло бы нам послужить новым доводом о неосновательности систем человеческих и утвердиться более в наших правилах, что не иначе можем себе начертать точное понятие о Существах, как различая истинное естество и истинные свойства их. Но время возвратиться к нашему предложению.

Когда наши теперешние примечания о Законах, управляющих произведением тел, Показали нам необходимость Причины высшей и разумной; когда мы уже видели, что два действователя нижние, то есть Начало первое, врожденное в сменах, и Начало второе, от которого бывает противодействие, сами собою не довольны к произведению малейшего образования тела: то самая Натура и Разум поучают нас сим Истинам, и не позволяется уже иметь о них сомнения.

Однако я должен подкрепить сие учение простым примечанием, которое прибавит еще более силы и важности. И так заметим, что Причина действующая, высшая, всеобщая, временная, разумная, И потому имеющая познание и управление нижайших Существ, имеет в них влияние, которое без сомнения до бесконечности в наших глазах увеличится, когда приметим, что ее действием все телесные Существа восприяли первоначальный их образ, и ее же действием содержатся и воспроизводятся, как и не престанут оным же действием содержаться и воспроизводиться во все продолжение времени.

Способности столь мощного Существа должны конечно простираться на все дела, им управляемые; оно долженствует быть таково, чтобы могло над всем надзирать и начальствовать, то есть обымать все части своего творения.

О Причинах временных

И так должны мы предполагать, что оно же само начальствовало при произведении и той сущности, которая служит основанием телам, так как

потом оно же управляло и образованием ее, и что могущество его и разумение простирается как на естество тел, так и на действия, произведшие их. Просто будучи в естестве своем и действии, долженствует подобно всем простым Сущностям являть свои способности везде в одинаком виде; и хотя есть различность между произведением зародышей Вещества и произведением образов, от них произшедших, однако не возможно, чтобы Закон, обоими управлявший, был различный, иначе и действия были бы разные; что совсем противно тому, что мы доселе приметили.

Ибо мы выше сего показали, что те сущности, или стихии, из которых тела вообще составлены, суть числом три. Чрез число три явлен Закон, управлявший произведением стихии. И так надлежит и тому Закону, который управлял и управляет телесностью сих самых стихий, явить себя чрез число трех. Сие сходство, или подобие, открывается нам сначала из того, что простого Существа и действия должны быть простые; но когда строжайшее исследование и самый опыт утверждают единообразность сего Закона, тогда будет оное для нас совершенно несомненным.

Не признавать зримого явно сей разумной Причины действия над Сущностями, немогущими стоять без нее ни единой минуты, есть, в самом деле, осквернять то понятие, которое иметь о ней должно. Ибо смешивать сию разумную Причину с нижайшими причинами всех деяний и всех произведений телесных есть то же, что и отвергать ее, и точно предавать Вещество единому правлению сих причин и сих действий нижних.

Но мы видели, что сии нижайшие причины и действия суть числом две, то есть, одна врожденная во всех зародышах, а другая, которая происходит от второго действующателя, которой необходимо потребен во всяком деле воспроизведения телесного. Теперь да рассмотрим паки, не справедливо ли я утверждал, что невозможно быть никакому произведению чрез сии две причины, когда они оставлены собственной токмо их силе.

Ежели они равны силою пребудут в недействительности; ежели одна другую превышает, то высшая преодолет нижнюю и уничтожит ее; и тогда останется только одна, которая может действовать.

Но мы твердо уверены, что одна причина не довольна к образованию никакого телесного Существа, и что сверх действия, или Начала, врожденного всем зародышам, потребно необходимо другое вспомогательное действие, дабы привести оное Начало в движение, равно как и то нужно, чтобы сие вспомогательное Начало не преставало действовать во все продолжение действователя врожденного Начала. Уверены мы, говорю, что без стечения сих двух причин, или сих двух действий, невозможно никакому телесному Существу родиться, воспринять надлежащий тела вид и сохранять свою жизнь: но при всем том ясно видим, что сии две причины, оставлены будучи собственному их действию, ничего не произведут; ибо которая-нибудь, Преодолев другую, останется одна.

Не показывает ли самое дело, что необходимо нужно сей третьей Причины присутствие и разумение к управлению сими двумя нижними, к содержанию между ими равновесия и взаимного вспоможения, на которых основан Закон телесной Натуры.

И так довольно мне повторить здесь вышесказанное. Я доказал, что есть Закон, По которому все Начала тел покорены противодействию иных тел и Начал вторых; не легко ли из сего Примечателям признать двух различных действующателей, которые нужны к устройению тела всякого Существа, имеющего образ. Потом показал я, что без высшей и разумной Причины сии

два нижайшие действователя не могут дать телу ни малейшего образа; понеже потрбно им первое действие, которого в них самих не могли мы найти.

О всеобщем Тройственном Числе

И так доказано, что необходимо надбно быть во временности действователю высшему, и понеже все нам показывает, что есть Причина физическая, невещественная и разумная, Начальствующая над всеми делами, которые Вещество нам являет, то все сии совокупные доводы должны твердо убедить нас. Прейдем к тройственному числу, чрез которое сия Причина явила в Стихиях свой Закон.

Знаю, что не скоро в том со мною согласятся, что я признаю не более трех Стихий, когда все вообще полагают четыре. Удивятся многие, услыша, что я говорю только о земле, воде и огне, умалчивая о воздухе. И так я должен изъяснить, для чего надлежит в самом деле допускать три только Стихии, и для чего воздух не в числе их.

Натура показывает, что в телах находится три только измерения; три только возможные находятся разделения во всяком Существо, имеющем протяжение; три только находятся фигуры в Геометрии; три способности, врожденные во всяком Существо; три только мира временные; три только степени очищения человеческого, или три степени в истинном В. К. Словом, в каком ни рассматривай виде сотворенные вещи, нигде не можно ничего найти сверх трех.

Когда же сей Закон повсюду с такою точностию усматривается, то для чего же находится ему и в Стихиях, которые суть основание тел? И как бы ему в содействиях Стихий явиться, когда б сами они не были покорены ему? И так надлежит здесь сказать, что самая тленность тел показывает леность и основания их, и противоречит тому, что сущность их поставляют в четырех Стихиях; ибо если бы состояли они из четырех стихий, то были бы нетленны, и мир был бы вечен; но как они составлены токмо из трех, то для того и не имеют бытия постоянного; понеже не имеют в себе Единицы. Сие весьма ясно для тех, которым известны истинные Законы числе.

И так когда выше сего доказано, что Вещество несовершенно и разруσιμο, то необходимость велит полагать сию рушимость в сущностях, составляющих Вещество, и что число его не может быть совершенное; понеже само Вещество несовершенно.

Не могу я здесь не остановиться и не предупредить смятения, в которое могут мои изображения привести многих. Я именую число три тленным и гиблющим; что же будет сие тройственное число, всеми столь благоговейно чтимое, что многие были народы, Которые далее трех и не счисляли?

Я объявляю, что никто вящее меня не чтит сего священного тройственного числа; я знаю, что без него ничего бы того не было, что видит человек, и что познает; я засвидетельствую, что по моему мнению оно от века существовало и будет существовать всегда, и нет ни единой во мне мысли, которая б сего мне не доказывала; отсюда же почерпну я и ответ на настоящее возражение, и дерзну сказать моим собратиям, что сколь ни чтят они сие тройственное число, не понятие их, которое имеют о нем, гораздо ниже того, какое должно бы иметь; я советую им быть осторожными в своих рассуждениях о нем. Наконец, то весьма истинно, что три находятся в едином; но быть не может едино в трех без того, чтобы таковое единое не

было подвержено смерти. И так мое положение ничего не нарушает, и я без опасения могу признать, что недостаточество Вещества основано на недостаточестве числа его.

Советую еще паче моим читателям различать священное тройственное число от тройственного числа действий во временных и чувственных вещах; несомненно, что тройственное, употребленное в чувственных вещах, рождено, Существует и поддерживается высшим тройственным; но как обоих способности и действия ясно друг от друга отличены, то не возможно будет понять, каким образом сие тройственное есть неразделимо и выше времени, когда вздумать судить о нем по оному, которое находится во времени; и как одно сие позволено нам познавать на сей земли, то я, в сем сочинении о другом почти ничего и не упоминаю.

И для того противно было бы моему намерению, если бы захотел кто выводить заключения из вышесказанного мною, и относить их, каким бы то образом ни было, к сему высочайшему предмету моего почитания, Разве токмо для вящего уверения о превосходстве и неразделимости сего священного тройственного числа. Обратимся к Стихиям.

О Воздухе

Я сказал, что Воздух не в числе Стихий; понеже в самом деле нельзя почесть особливою Стихиею грубую сию жидкость, которою мы дышим, которая расширяет, или сжимает тела, чем больше, или меньше бывает напоена водою, или огнем.

Но без сомнения в сей жидкости есть Начало, Которое должны мы называть воздухом. Но оно несравненно действительнее и сильнее, нежели Стихии грубые и земные, из которых тела составлены; что подтверждают бесчисленные опыты. Сей Воздух есть произведение Огня, не сего вещественного, Нам известного, но Огня, который произвел Огонь и все вещи чувственные. Одним словом, воздух необходимо нужен к содержанию и жизни всех стихийных тел. Он не может пребывать долее их; но не будучи, как они, Вещество, не может быть Стихиею; и следовательно справедливо сказано, что не может он входить в составление сих самых тел.

Какое же имеет он дело в натуре? Не убоимся сказать, что ему поручено сообщать Существом телесным силы и качества сего Огня, который их произвел. Он есть возница жизни Стихий, и его только помощью поддерживается их бытие; ибо без него все бы круги возвратились в центры, из которых они проистекли.

Но надлежит примечать, что в то же время, как он содействует содержанию тел, бывает также главным орудием их разрушения; и сей всеобщий Закон Натуры не должен уже нас удивлять: ибо двойственное действие, составляющее телесный мир, научает нас, что не может одно из сих действий властвовать иначе, как с утратою другого.

Для сей-то причины, когда Существа телесные не всеми своими частными силами пользуются, нужно их предохранять от Воздуха, Ежели желает кто соблюсти их в целости. Для сего-то рачительно укрываемы бывают все раны и все язвы, из которых бывают такие, для исцеления коих не требуется иных лекарств, как защита от действия Воздуха; для сего также Животные всякого рода ищут покрова, когда хотят спать; понеже во время сна Воздух сильнее над ними действует, нежели во время их бодрствования, когда все силы их готовы сопротивляться его нападению и еще обращать

оное к сохранению своего здоровья.

Если кроме сих свойств Воздуха желает кто яснее видеть его превосходство над Стихиями, то довольно ему заметить сие, Что когда Воздух сколько можно рачительно отделен от тел, то сохраняет всего свою силу и свою упругость, сколь ни насильственные и сколь ни продолжительные бывали бы производимы над ним опыты; для сего должно признать его невреждаемым, а сие не приличествует ни одной из Стихий, которые разрушаются тотчас, как только разлучились друг от друга; и так для всех сих купно причин должно его поставить выше Стихий и не смешивать с ними.

Однако могут здесь мне сделать возражение: хотя и не полагаю Воздуха в числе Стихий, но почитаю нужным к содержанию тел, и продолжение бытия его не долее их поставляю; сие самое необходимо, кажется, прибавляет еще одно Начало к составу телесных Существ; и так Стихии не будут тройкие, как я прежде утвердил. Потом, исследывая сходство, поставленное мною между Законом составления тел и числом сил, строящих тела, могут заключить, что надлежит также умножить и число сих действующих сил.

Без сомнения. Есть Причина превыше трех мною упомянутых временных Причин; ибо она и управляет ими и сообщает им их действие. Но сия Причина, властвующая над прочими тремя, являет себя нашим глазам чрез явление их. Она заключила себя во святилище, непроницаемого всем Существам, Покоренным временности, и ее обитель, как и ее действия, суть совершенно вне чувственности; и потому не можем ее включать в число трех Причин, употребленных к действиям образования Вещества и ко всякому другому временному действию.

Сие-то не позволяло нам допустить Воздух в число Стихий, хотя они купно с телам, от них рождаемыми, не могут жить без него ни минуты. Ибо хотя действие его необходимо нужно к содержанию тел, однако сам он не подвержен телесному зрению, так как подвержены прочие тела и Стихии. Наконец в раздроблении тела видим образом находим Воду, Землю и Огонь; и хотя несомненно знаем, что есть тут и Воздух, однако никогда не можем его видеть; понеже действие его есть иного чина иной степени.

И так всегда находится совершенное подобие между тремя действиями, нужными к существованию тел, и между числом трех Стихий, составляющих тела; ибо Воздух в рассуждении Стихии есть то, что первая и господствующая Причина в порядке действий временных, творящих тела. И как сия Причина не смешивается с тремя действиями, о коих теперь говорим, хотя и управляет ими: так и Воздух не смешивается с тремя Стихиями, хотя и оживотворяет их. И так мы основательно можем допустить необходимость сих трех действий, равно как не можем не признать и трех Стихий.

Разделение тела человеческого

При сем случае намерен я войти в некоторыя подробности в рассуждении всеобщих отношений сих трех Стихий к телам и способностям тел: сие покажет нам путь к открытиям другого рода и послужит к вящему подтверждению всех начальных моих положений.

Анатомисты имеют обычай разделять Тело человеческое на три части, то есть Голову, Грудь и нижнюю часть Чрева. Без сомнения, сама Натура показал им сие разделение, и тайным побуждением сами они оправдают то, что я намерен сказать о числе и разных действиях трех разных Начал

стихийных.

Во-первых, находим, что в Чреве содержатся и обрабатываются Начала семянные, потребные к произведению человека. Но как известно, что действие ртути (ртуты) есть основание всякого вещественного образа, то и нетрудно увидеть, что Чрево, или нижняя часть Чрева, представляет нам точное изображение действия Стихии ртутиальной.

Во-вторых, Грудь заключает в себе сердце, или средоточие крови, то есть Начало жизни, или действия тел. Но известно, что огонь, или сера есть начало всякого произрастания и всякого произведения телесного; и так довольно ясно сим показывается отношение Груды, или второго Чрева к Стихии серной.

Что касается до третьей части, или Головы, она содержит в себе источник и первоначальную сущность Нерв, которые в одушевленных телах суть орудия чувствительности: но известно, что соли также свойство есть делать все чувствительным; из чего ясно видеть можно совершенное сходство между их качествами; и так Голова имеет неоспоримое отношение к третьей Стихии, или к соли, что весьма сходно с учением Физиологов и о месте и источнике нервной жидкости.

При всем том сколь ни правильны сии разделения, и сколь ни справедливы их отношения к трем Стихиям, весьма бы ограниченное должен иметь зрение тот, кто не усмотрел бы в них нечто более. Ибо кроме того, что Голова содержит в себе Начало и орудия чувствительности, не можно ли увидеть, что она еще снабдена всеми органами, которыми животное может различать вещи полезные себе, или вредные; и потому особенную имеет должность соблюдать в невредимости свое Неразделимое? Не усматривается ли также и в Груды, что кроме средоточия крови находится еще вместилище воды, или сии ноздревые части внутренности, которые собирают воздушную влагу, и ее сообщают огню, или крови, дабы умерять ее жар?

И так не нужно было бы прибегнуть к Голове, чтобы найти наши три Стихии; можно бы видеть ясно все три в нижних двух частях. Что же касается до Головы, то хотя она и стихийная, однако увидели бы, что она и стихийная, однако увидели бы, что она как по ее орудиям, которыми она снабдена, так и по месту своему господствует над ними, занимает средоточие треугольника и содержит его в равновесии. Сим способом избегли бы мы сего всеобщего заблуждения, которое смешивает высшее с нижним и действительное со страдательным; ибо различность сих свойств начертана ясно даже и на Веществе. Но сии познания столь высоки, что не могут быть открыты всем.

Сего-то не усмотрели Анатомисты; ибо, отлучив свою Науку от всеобщей связи Знаний, Как учинил человек и с прочими науками, вздумали, что можно рассматривать тела и части тел каждое в особенности, и уверили себя, что выдуманые ими разделения не имеют никакого отношения к Началам высшей степени.

Однако в показанном мною разделении нашли бы они осязательное изображение четвертого числа, то есть того, без которого нельзя ничего познать; понеже, как увидим в следующем, оно есть всеобщая эмблема совершенства.

Но теперь я ничего более не скажу о сем числе, дабы не удалиться от моего предложения; довольно и упомянуть о нем, а предложу иные Истины, относительные к расположению разных Начал стихийных в Теле человеческом, равно как и во всех прочих Телах.

Человек, зеркало Науки

Когда Примечатели с такою ревностью желали познать происхождение вещей, то напрасно было искать оно вне себя и отдаленности, а надлежало бы обратить взор на самих себя: Законы собственного тела показали бы им и те Законы, которые родили все, что родилось: увидели бы они, что происходящее в груди их противобствие серы и соли, или огня и воды, поддерживает жизнь Тела, и что ежели которого-нибудь из сих действователей не станет, то и Тело перестает жить.

Потом, примерив сие примечание ко всему, что имеет телесное бытие, познали бы они, что сии два Начала противоположностию своею и сражением составляют жизнь и обращение телесное всея Натуры; и сего довольно было бы знать; человек имеет в себе все средства, равно как и все доказательства Наук; ему нужно только рассмотреть самого себя, чтобы узнать, как произошли вещи.

Гармония Стихий

Но надлежит также приметить, что сим двум силам, столь враждебным между собою, необходимо нужен посредник, который был бы преградой их действиям и препятствовал бы взаимному их одолению; ибо иначе все бы уничтожилось. Сей посредник есть Начало меркуриальное, основание всякого телесного состава, с которым совокупясь оба прочие Начала, стремятся к единой цели; он, везде с ними неотступно пребывая, принуждает их действовать по предписанному порядку, то есть производить и содержать образы Тел.

Ради сей гармонии тело животных ощущает безболезненно действие воды чрез Легкое и действие огня чрез кровь; понеже тот Закон, коего блюститель есть меркурий, Правит сими действиями и размеряет пространство их.

Ради сей же самой гармонии земной шар приемлет действие жидкостей чрез поверхность свою, а действие огня чрез центр свой, не ощущая от того никакого в себе неустройства; понеже тот же Закон и землю управляет.

Нет нужды повторять, что сии два примера показывают, что свойство жидкости есть умерять жар огня, который бы без сего вышел из пределов, как и видим пример в волновании крови животных и во всех изрыганиях подземного огня. Ибо нельзя не почувствовать, Что когда бы сии разные огни не умеряемы были жидкостию, проникающею до самого центра, то не было бы границ действию их, и они воспламеняли бы попеременно все Тела и всю Землю.

Ради сей-то причины животное дышает, а земля подвержена приливу и отливу своей водяной части; ибо животное дыханием принимает в себя жидкость, которая орошает кровь его, сверх той жидкости, которую он в пище и питии принимает. И земля приливом и отливом принимает во все свои части влагу и соль, нужную к орошению ее серы, или Начала ее растения.

Ошибки примечателей

Не говорю я, каким образом растение и минералы получают свою влагу: понеже они совокуплены с землею, то естественно должно им получать пищу и разварение оные от своей матери; ибо откуда им взять воду для своего орошения, которая бы не земле принадлежала?

Оставим здесь наших читателей делать сравнения со всем тем, что сказано им было о Причине, действующей и разумеющей; пусть примечают, что ежели все исходит от единые руки, то уповательно, что Закон разумный и Закон телесный одинакое течение имеют каждый в своей отделенной части и в деле, ему собственном. Пусть они познают наконец, что ежели везде есть летучее, надлежит быть и неподвижному, дабы удерживать первое. А мы между тем не престанем показывать, для чего столь изычные сравнения почти всегда забвенны были от Примечателей.

Для того, что не токмо не распознали они действователей и Законов в двух различных отделениях Существ, но не усмотрели даже, как выше мы сказали, действоавтелей и Законов различных в том же отделении; что разлучая все вещи и исследывая каждую порознь, видели их одинаковыми и отделенными, и не были столько мудры и разумны, дабы подумать об отношениях их с другими вещами.

Например, они еще не изобрели довольного изъяснения приливу и отливу, о коих я недавно говроил, от того единственно, что не отстали от вредной привычки раскатать науки и рассматривать каждое Существо в особенности.

О законах Натуры

Ибо ежели бы не отняли они у Вещества Начала его и не перемешали обоих; ежели б от сего самого Начала не отлучили Закона высшего, действительного и разумного; временного и физического, Которой долженствует направлять все его течение; увидели бы что никакое телесное Существо не может обойтись без сего Закона; следственно, и Земля, как и все тела, состоит под ним; увидели бы, что над сею Землею является существенно могущество двойственного Закона, неотменно нужного к бытию всякого Существа, телом вещественным одаренного.

Но из прежде реченного знаем, что один из сих двух Законов существенно содержится в Начале телесном всякого Существа, Имеющего образ, всеобщего или частного; а второй отвне приходит: и так надлежит сему второму Закону быть вне Земли, как и вне всех тел, хотя он необходимо нужен к бытию ее, также и к бытию их.

Таким образом и здесь, как в двояком движении сердца, находящегося во животном человеке, усмотрим присутствие двух Действователей, тесно сопряженных между собою, управляемых Причиною физическою высшею, и являющих поочередно свое действие, ощутительное для телесных глаз. Известно, что сие явление сил их имеет сходство с четырьмя переменами Луны, во время которых огненное солнечное действие изличает силу свою на соляную часть вселенной.

Хотя сих двух действователей познаем мы токмо из их ощутительного действия, равно как и Начала тел познаем только по их телесному произведению, или по внешнему их оболжению; при всем том неизвинительно сомневаться о их силе; понеже дела их показывают ее неосопримым образом.

И так сие явление прилива и отлива есть не иное что, как деяние в

большем виде представленное сего двойственного закона, которому всякое тело вещественное неотменно покорено.

К сему присовокуплю и то, что понеже мы видим в течении и во всех делах Натуры толикую правильность и чувствуем притом, что телесные Существа, ее составляющие, не могут иметь разума: то надлежит заключить, что находится во временности рука мощная и просвещенная, правительница их, рука действующая и поставленная над ними от столь же Истинного Начала, Как она сама; следственно, нетеленная, саможивотная, и что Закон, истекающий как от нее, так и от оногo Начала, Есть правило и мера всех Законов, действующих в телесной Натуре.

Стези Науки

Знаю, что сколь ни ясны сии истины, но поелику они вне чувств, то трудно им получить доступ к Примечателям, мне современным; ибо они, Погружая в чувственных вещах, потеряли чувствительность к тому, что не есть чувственное.

Но как путь, избранный ими конечно меньше доставляет им просвещения. Нежели показуемый мною, то не умолкну советовать им, чтобы причины чувственных вещей искали они паче в Начале их, а не Начало в вещах чувственных; ибо ежели ищут Начала Истинного и существенного, то как можно найти его в наружности? Ежели ищут Начала неразрушимого, то как найти его в том, что есть составное? Одним словом, ежели ищут Начала саможизненного, то как найти его в существе, Имеющем жизнь зависимую, которая должна кончиться, как скоро временное дело ее исполнено?

Но я одну только вещь скажу сим упрямым Искателям химер: ежели непременно желают они, чтобы чувства их понимали, то да начнут прежде искать чувств говорящих; ибо сим единым средством можно снискать им разумение.

Сей довод после будет у нас начальным положением; он даст уразуметь человека истинный способ достигнуть тех познаний, которые должны быть единственною целию их желания: а между тем не обленимся взглянуть на некоторые части Натуры, которые наилучшим образом могут доказать Примечателям достоверность тех различных Законов, котрые мы им предлагаем; здесь они сами собою убеждены будут в Истине тех Причин, котрые выше их чувств; понеже увидят, что течение их начертано на чувственных вещах ощутительным образом.

О Меркурии

Меркурий, как я выше сказал, есть вообще посредник огня и воды, которые, как враги непримиримые, не могли бы никогда согласно действовать без посредствующего Начала; понеже сие посредствующее Начало, заимствуя от естестве обоих, когда их разлучает, в то же время и сближает друг с другом; и таким образом направляет их свойства к пользе телесных Существ.

И так в Натуре, равно как в частных телах, есть Меркурий воздушный, который отлучает происходящее из земляной части огонь от жидкости, долженствующей излиться на поверхность Земли; понеже прежде падения сей жидкости воздушный Меркурий очищает ее и располагает так, чтоб она сообщила Земле благие токмо свойства; от чего рождается благотворное

качество росы и ее превосходство над недром дня и над туманом, которые оба суть жидкости, худо очищенные.

По причине сего всеобщего свойства Меркурий во всех телах держит средину между двумя враждебными Началами, огнем и водою, исполняя в произведении тел и в составлении то же дело, какое Причина действительная и разумная исполняет во всем, что существует, содержа в равновесии два Закона действия и противудействия, на которых состоит Вселенная.

Доколе Меркурий занимает сие место, дотоле благосостояние частного Существа невредимо; ибо сия стихия умеряет общение огня с водою: когда же напротив оба сии Начала получают способ преодолеть, или разорвать свои узы, и сойдутся, тогда сражаются всеми природными своими силами, и производят величайшие неустройства и разорения в Существо, Которое из них составлено; понеже в борьбе их непременно надлежит одному преодолеть другого и разрушить равновесие.

О громе

Гром есть совершеннейшее для нас изображение сей истины. Известно, что он рождается от сояных и серных испарений Земли, которые, извлечены будучи из природного их жилища действием солнца, а земным огнем наружу изгнаны, Подымаются в воздух, где Меркурий воздушный вбирает их в себя и облипает, Подобно как в произведенном чрез искусство порох уголь проникает и оболакивает собою серу и селитру.

В сем случае Меркурий воздушный не помещает себя меж двух Начал, составляющих пары; потому что слишком был бы он действующ, находясь в сем месте, а притом, будучи высшей степени, нежели они, не может с ними вместе составлять единого тела. Но он оболакивает их и заключает в себе по природному стремлению сжимать себя в сферический и круглый вид и по неотлучному его свойству все связывать и все обымать.

К сему же имеет он и другую способность весьма примечательную, то есть, делиться непостижимым нам образом, так что самый малейший шарик из сих соляных и серных паров находит себе в его частицах довольно вместилище. Сие-то собрание шариков производит облака, или матку перунов.

Но как в сем рождении грома не можем мы не познать наших вух действователей, совершенно отличенных друг от друга, то есть соли и серы, и сверх того изображения высшего действователя, или сего воздушного Меркурий, который связывает двух первых: то ясно видим, что необходимо нужны все сии разные сущности для произведения какого-либо состава; и сие показывает нам единое Вещество.

Но того недовольно, что мы находим здесь истинные знаки всех Начал, на которых учреждены всеобщие Законы Существ; надлежит еще найти их в разных действиях и в многообразности произведений, которые рождаются от смещения сих стихийных Сущностей.

Примем теперь в рассуждение громовые облака, яко соединение токмо двоякого рода паров, то есть земных и воздушных; но ежели бы не было такой силы, которая бы разгорячила их и привела в закисание, То никогда не увидели бы мы воспаления их. И так необходимо надлежит допустить внешний жар, который сообщился бы двум веществам, заключенным в Меркуриальном вместилище, и который бы разделил с треском все соляные и серные шарики, находящиеся в сих облаках; сей жар есть ощутительное

свидетельство всех Начал, Которые мы прежде утвердили, и которые легко могут читатели снести с теперешним предложением.

Но дабы тем удобнее учинить им сие, не бесполезно будет рассмотреть разные свойства соли и серы, которые оказываются в громовом ударе; ибо чрез сие можем подать некоторое понятие о двух главных Законах Натуры, поелику соль и сера суть органы и орудия сих двух Законов.

Внешний жар действует, как мы уже видели, на Вещества, составляющие тучу: разоряет меркуриальный их покров, который по естеству своему способен к делимости, проникает до внутренности двух Существ, и зажигает серную часть, которая отражает и отдаляет сильно соляную часть, коея присоединение было противно истинному ее Закону и делало болезнь в Натуре.

При таком вспыхе Меркурий раздробляется в столь мелкие части, что все, что заключал он в себе, выходит опять на свободу; сам же после сего совершенного разрешения упадает с жидкостью на поверхность земли; и для того-то дождевая вода больше имеет свойств, нежели прочие воды, понеже она более упоена Меркурием; а сей Меркурий гораздо чище Меркурий земного.

И так вся сия перемена производится на прочих двух сущностях, то есть на тех, которые в Натуре телесной суть знаки двух Законов и двух Начал бестелесных. И потому все в громе происходящие действия основаны на разных смешениях сих двух Веществ.

В самом деле известно, что огонь, будучи Начало всякого действия стихийного, собирает пары земные и небесные, из которых составляет перун; он же приводит их в кипение, и потом раздробляет их; и так огню должно приписать рождение и возжение перуна.

Что касается до шума, Происходящего от возжжения перуна, оный не иному чему приписать можно, как ударению соляной части о столбы воздуха; понеже огонь сам по себе не может издавать шуму; что легко видеть можно, когда он действует на свободе; и хотя огонь есть Начало всякого стихийного действия, однако ж ни одно из сих действия не было бы чувствительно в Натуре без соли: цвет, вкус, запах, звук, магнитная сила, электрическая сила, свет, все сие показывает себя и является чрез нее: для сего то не можем сомневаться, чтобы она не была также орудием и громового шуму; поелику чем более Вещество перуна напоено соляными частями, тем сильнее его и сверканье.

Не можем также сомневаться, что соль вместе втечение в цвет молнии, которой белее бывает, когда соль господствует, нежели когда сера преизобилует.

Наконец столь справедливо то, что соль есть орудие всех чувственных действий, что перун опаснее тогда бывает, когда изобилует солями; понеже возгарание его, будучи сильнее, производит удары крепче и разорения ужаснейшие.

Впрочем, сие возгарание от изобилвания соли бывает почти всегда в нижней части облака, как в грубейшей, менее подверженной жару, и следовательно способнейшей к замерзанию, от чего и бывает град.

Напротив, когда перун изобилует серою, гремение его не бывает столь резко и отрывисто, молния красного цвету, и огонь редко достигает до нас своим действием; понеже тогда обыкновенно вспыхивает вверху по причине слабости сея части облака, и по природному свойству огня стремится вверх.

Для того-то думают, что при всяком ударе падает перун на землю, хотя

не всегда имеем очевидное тому доказательство. Для сего также, зная вещества, из коих перун можно узнавать, на которую часть земли может он пасть, понеже всегда он стремится к сходственным себе веществам; однако ж нельзя определить той самой точки, на которую упадет; ибо для сего надобно совершенно знать путь его стремления; но в сражении и борьбе всех сих разных веществ направление пути переменяется ежеминутно.

Здесь ясно видим дело двойственного действия Натуры. При всем том все разные сии ударения, толико беспорядчные во наружности, ежели рассматривать их ближе, Равно как и все прочие действия телесные, представляют нам постоянный Закон Причины, правящей ими; паче же в сем стремлении веществ грома к веществам, им сходственным, сия причина являет свое могущество и свойство.

В самом деле, если бы перун стремился к такой части зменой, в которой бы мог он потерять свое сообщение с воздушными столбами, напоенными теми же веществами: то бы стремление его пресеклось и он бы угас в точке падения своего, когда бы сошло все вещество его. Для сей-то причины перун никогда не поднимается вверх, ежели упадет в глубокие воды; ибо тогда пресекается свободное сообщение его с Воздухом, и он там не находит сходственных себе веществ.

Но когда путь его стремления идет по воздушным столбам, отягченным веществами, ему сходными, тогда пробегает он их с большим, или меньшим усугублением сил своих, по количеству встречающейся ему сходной пищи. И так может он посредством всех сих столбов, из коих состоит атмосфера, Проложить весьма быстро разные дороги, и даже весьма противоположные друг другу: равно как должен отворотить свой бег, когда найдет противные себе вещества, или такое место, где воздух не имеет исхода; понеже таковой воздух, будучи непроницаем, делает ему непреодолимое сопротивление; словом, он не прежде остановится, как не найдет уже более веществ для своего питания; и когда, кажется, уже пресекается его течение, ежели встретятся новые вещества, сходные ему, воспринимает новые вещества, сходные ему, воспринимает он силы свои и производит новые действия.

Вот от чего течение его кажется быть столь непорядочно и вообще столь непонятно; однако нельзя отрицать, что и в самой сей неправильности есть Закон; понеже все Начала, доселе показанные, свидетельствуют о том, и все их произведения являют его: и так нет минуты, в которую бы сия натура себе самой была оставлена, и в которую бы она могла сделать хоть один шаг без сей Причины, которая поставлена управлять ею.

Я скажу только одно слово к тому, о чем мы теперь только говорили. Вообще думают, что кто увидит молнию, тому не опасен громовой удар. Посмотрим, какого вероятия достойно сие мнение.

Ежели бы в воздухе был один только столб и однажды бы возигался перун, то по истине, кто увидел молнию, тому не опасен был бы удар, который с нею сопряжен; ибо Время небесное столь скоро, что не может быть примечено на Земли.

Но как воздушные столбы, отягченные веществами, сходными перуну, бывают в не малом числе, то можно избежать от вспыху первого столба и не избавиться второго, ниже всех тех, которые после усмотренной уже молнии воспальятся; понеже перун не прекратит своего бега, покамест встречать будет столбы, удобные к его питанию.

Предохранительные средства от грома

Тогда человек, Который усмотрел первое блистание молнии, напрасно почтет себя в безопасности, доколе не обойдет молния всего ряда вспыхов предлагающих ее.

Однако ж то правда, что сие мнение не без основания, и по некоторому отношению нельзя его оспаривать; ибо не бывает молнии без вспыху, а тем паче не бывает вспыху без молнии; а как между ими нет почти никакого расстояния времени, в которое может человек поражен быть от первого вспыху, или от последнего: то явственно, что он не увидит сверканья того вспыху, коего ударом поражен будет.

Сии примечания натуральные сколь сами по себе ни маловажны, однако показались мне весьма способными, Чтобы начертать человеку повсеместность того Начала, к которому должен он прилепяться, ежели желает знать: к сему примолваю только то, что из всего того, что я предложил, читатель легко дознается, каким средством предохранять себя от грома. Оно состоит в том, чтобы пресечь столбы воздушные всякого положения, то есть и горизонтальные и перпендикулярные и прогнать к краям устремление перуна; ибо тогда находясь в средоточии, нельзя опасаться, чтоб оной приблизился.

Не скажу я причины сему, дабы не отступить от моей обязанности; пусть читатели сами изыскивают ее; я же прошу их размыслить о том, что прочитали о разных свойствах и действиях Стихии, равно как и о Законах, Правящих ими, хотя оные по наружности кажется быть в величайшем неустройстве; они без сомнения заключат из сего, что хотя не могут усмотреть Причин и действователей, блюстителей сих Законов, однако не возможно отрицать существования их. Станем продолжать наше исследование, и докажем самым человеком действительное бытие Причин высших, или отменных от чувственного.

Отношение Стихий к Человеку

Выше сего учиненные показания о сходстве трех Стихий с тремя разными частями тела человеческого, могут относительно к человеку иметь изъяснение высшее и достойное человека, Которое тем паче должно быть ему приятно, что прямо относится к его Существо, И покажет ему различие способностей его чувственных и способностей разумных, или лучше сказать, способностей его страдательных и способностей действительных.

От неведения сих вещей большею частию люди впали во все заблуждения о собственном их естестве; и ради того, что не усмотрели они весьма явных неравностей, не имеют еще первых понятий о Существо своем.

Заблуждения главные

Ибо истинная причина, по которой они почли себя подобными скотам, есть без всякого сомнения та, что не различили они разных своих способностей. И так смешав способности Вещества со способностями умными, Не познали они в человеке более, как единое Существо, а потому и единое токмо Начало и единое естество во всем, что существует: таким образом человек, Скоты, камни, вся Натура, для них суть одинакие Существа, отличные друг от друга токмо по составу и расположению органов своих и по наружному образу.

Не повторю я здесь того, что при начале сего сочинения уже сказал о разности врожденных действий в Существах, равно как и о разности всего Вещества и его Начала; из чего можно было ясно видеть, сколь много те заблуждали, которые смешали все сии вещи. Но прошу моих читателей приметить со вниманием, что происходит в скотах, которым приличествует, как и человеку животному, разделение их образа на три различные части, и рассмотреть, не может ли нам каждое из сих трех отделений показать способности, точно разные, хотя и одному Существу они принадлежат, и хотя все имеют целью и концем своим вещественность.

О весе, числе и мере

Кому, в самом деле, не известно, что все учреждено по весу, числу и мере? Но вес не есть число, число не мера, и мера не есть ни которое из первых. Да будет же мне позволено сказать, что число есть то, что рождает действие; мера есть, что учреждает его; и вес то, что производит его. Но сии три слова хотя могут вообще ко всему быть прилагаемы, однако без сомнения не должны означать то же значить и в Животном и в Человеке, одаренном умом: но тем не менее, ежели три части тела Животного основаны на сих трех Началах, должны мы найти их отношение к каждой части.

Посредством органов, находящихся в голове, Животное приводит в движение Начало своих действий; почему и должно отнести число к сей части тела.

Сердце, или кровь, способно бывает к чувствованию, больше, или меньше сильному по мере силы и по сложению тела животного; а как пространством сего чувствования определяется и пространство действия в чувственной части; для того мера приличествует второму отделению тела животного.

Наконец чрева дело есть, по силе кроткого Закона Натуры, разваривать пищу в желудке, а в недрах приготавливать семена возродительные. Для сей причины вес должен относиться к сей третьей части, которая купно с прочими двумя составляет существенно всего животного.

Понеже мы не можем не почувствовать разного свойства сих троякого рода действий, то необходимо должно признать существенную разность и между способностями, являющимися оные. Притом не можем отрицать, что сии разные способности вмещены в одном Существе; и посему нельзя не признаться, что хотя сие Существо составляет единое неразделимое, но тем не менее явствует, что в нем не есть все одинаково, что способность возрастать не есть так, которая делает его чувствительным; а сия не есть та, Которою Существо производит и исполняет свои действия по мере своей чувствительности, и что каждое такое деяние имеет на себе свой знак отличительный.

Различные действия в Животном

Пренесем сие примечание и к человеку: мы чрез сие можем предохранить его от ужасного того замешательства, в которое тщатся ввергнуть его. Ибо ежели примечено уже, что в человеке вес, число и мера представляют способности не токмо разные между собою, но бесконечно выше тех, которые в Веществе чрез сии три Закона нам явлены; то по справедливости можем из сего заключить, что Существо, одаренное

такowymi способностями, весьма разнствует от Существа телесного; а познав сие, неизвинительно будет смешивать одно с другим.

Всяк легко согласится на то, что три упомянутые разделения могут приложены быть к человеку в отношении к телесным его действиям, как и ко всякому Животному; ибо человек в сей части есть Животное. Может он, как Животные, помощью органов, в голове находящихся, являть свои способности и дела Животные. Он ощущает, подобно им, чувствования в сердце, И также, как они, ощущает в чреве те действия, которым по телесным Законам покорены все Животные, ради своего сохранения рождения.

И так в сем разумении вес, число и мера принадлежат ему столь же существенно и точно так, как всякому другому Животному.

Но после сего невозможно уже сомневаться, чтоб сии три знака не имели в человеке и таких содействий, каковых ни малейшего следа не представляют все свойства Вещества.

Различные действия в Разумном

Ибо во-первых, хотя мы согласились, что все мысли нынешнего человека приходят к нему отвне, однако ж нельзя и в том спорить, что внутреннее деяние и сознание сих мыслей происходит внутрь его и независимо от телесных чувств. В сих внутренних деяниях найдем мы совершенное изображение сих трех знаков: веса, числа и меры; откуда уже потом истекают все деяния чувственные, на которые человек решится по силе своей свободы.

Первый из сих знаков есть число, которое прилагаем мы к мысли, яко Начало и подлежащее, без которого никакое последующее деяние не могло бы состояться.

После сей мысли находим в человек волю добрую, или злую, и которая одна есть мерило его поведения исообразности с правосудием; чего ради приличнее всего кажется сей воле второй знак, или мера.

В-третьих, от сей мысли и от сей воли рождается деяние, сходственное с ними; и сему деянию, как плоду оных, должно приложить третий знак, или вес. Однако ж, сие деяние бывает внутри человека, как и мысль и воля: правда, что в последствии рождается от него деяние чувственное, которое представляет взору телесному порядок и течение всего того, что происходило в разуме; но понеже союз внутреннего сего деяния с происшедшим от него чувственным деянием есть истинное таинство человека; для того не могу я далее о нем говорить, не наруша скромности и не подвергаясь опасности; и хотя после, когда буду рассуждать о языках, поговорю и о сем, однако с осторожностью.

О двух Натурах Человека

Но сие не препятствует признать со мною во внутреннем, или разумном человеке вес, число и меру, изображения Законов, на которых все основано; и хотя признали мы также сии три знака и в Скоте, однако всячески отсережемся сравнивать Скота с Человеком; понеже в Скоте не действуют они далее и не могут действовать, как токмо над чувствами; в человеке же напротив действуют над чувствами и над разумением, но так, как свойственно каждой из сих способностей, и притом относительно к степени,

какую одна перед другою занимает.

Если кто упорно отрицает сии две способности в Человеке, то я прошу его обратить только взор свой на самого себя, и он увидит, что разные части его тела, в которых являются сии способности, суть явные показатели разнствия сих способностей.

О двух универсальных Натурах

Когда Человек желает рассматривать вещь умственную; когда намеревается решить какое затруднение: не в голове ли тогда происходит вся его работа?

Когда же напротив рождается в нем чувствование, какого бы свойства оно ни было, и от какого бы побуждения ни произошло, от разумного, или от чувственного: не в сердце ли тогда оказывается всякое движение, Всякое волнение, всякие ощущения радости, удовольствия, Печали, боязни, любви и всех страстей, какие быть в нас могут?

Не чувствуем ли также, сколь действия, Происходящие в каждой сей части нашего существа, Противны друг другу; и ежели бы они не связаны были высшим союзом, то сами по себе были бы непримиримы?

Явная сия разность долженствует паки убедить человека, что в нем есть больше, нежели одна натура.

Если же человек, не смотря на свое состояние отринования, находит еще в себе Натуру выше чувственной и телесной; для чего же не хотеть ему допустить подобную Натуру и во всеобщем Чувственном, но также отличную и превосходнее Вселенной, хотя и поставленную над сею единственно для управления.

Обиталище души телесной

Отсюда же научимся, что должно думать о вопросе, который беспокоит вообще людей, то есть: в которой части тела обитает Начало действительное, или душа, и в каком месте назначено седалище всех ее деяний.

В Существах телесных и чувственных действующее Начало находится в крови, которая, как огонь, есть источник телесной жизни; посему, сообразуясь сказанному нами о разных способностях Существ, не можем мы спорить, что главное его обиталище в сердце, из которого простирает оно свое действие во все части тела.

Не должно здесь препинаться возражением тех, которые говорят, что ежели душа телесная в крови, то должно ей разделяться на части и убывать, когда животное теряет часть своей крови; ибо утратою крови ослабевает токмо действие души, поколику теряет она средства своего действия; но сама ни малого не терпит повреждения; понеже, будучи простая, необходимо должна быть неразделима.

И так то, что называем смертью тел, есть не иное что, как совершенный конец сего действия, которое лишается своих помощников, как то бывает в болезнях, от истощения сил происходящих; или стесняется, как то бывает в мокротных болезнях; или наконец чрезмерно делается свободным, и чрез того прекращенным и прерванным, как то бывает при уязвлениях членов, необходимо нужных к жизни тела.

Обиталище души разумной

Хотя и утверждаю я, что жизнь, или душа телесная находится в крови, однако должен примолвить и то, что кровь есть нечувствительна. Сие замечание может показать человека разность между способностями Вещества и способностями Начала Вещества, И не допустить их смешивать два Существа столь различные.

Поелику человек подобен животным жизнью его телесною и чувственною, то все, приписуемое действующему Началу животному, может ему приличествовать относительно токмо к сей его части. Но что касается до его Начала разумного, как оно не сотворено обитать в Веществе, то весьма ошибаются люди, когда ищут жилища его в Веществе, И назначают ему обиталище недвижимое и узы, взятые от составов телесных, будто частица Вещества нечистого и тленного может служить оградою Существоу сей природы.

Гораздо достовернее можно сказать, что оно, яко Существо невещественное, не может, как токмо с невещественным же Существом иметь союз, или сродство, а со всяким другим Существом общение его есть невозможно.

Связь разумного с чувственным

На невещественном телесном Начале человека, а не на иной какой части Вещества его опочивает Начало его разумное: с ним-то оно совокуплено и на время Всевышнюю десницею, осудившею его в сие узилище; однако по естеству своему оно господствует над телесным Началом, как и телесное Начало господствует над телом; и нельзя уже нам сомневаться в том, что оно в верхней части тела, или в голове, как выше показали мы, являет все свои способности; одним словом, оно употребляет сие Начало к исполнению чувственных дел сих способностей. Сим-то средством ясно распознается обиталище и должность двух разных Начал человека.

Однако, не взирая на то, что Начало телесное по своей натуре и по своему месту ниже разумного Начала, человек ради союза своего с ним ощущает в своем разумном Существое страдания, беспокойства и недостаточества, и ту страшную темноту, котроая вводит его в Заблуждения. Сей-то союз принуждает его покоряться действию чувств сего телесного Начала, которого посредством ныне ему необходимо нужно, чтоб наслаждаться истинными принадлежностями, ему определенными.

Но как сие посредство переменчиво и непостоянно, и не всегда показывает ему свет в полоном сиянии, то для сего человек и не получает от него тех выгод и удовольствий, которые вместны естеству его.

О безобразии и болезнях

Для сего-то повреждения натуральные, или случайные, которые может ощущать Начало чувственное телесное, весьма вредны и разумному Началу; потому что от них слабеют и исполнитель его действия и орудие представлений его.

Сии приключения так понравились Материалистам, что они почти их твердою подпорою своей системы, то есть, положили за основание разумных

способностей человека сложение тела его, сделали их зависящими во всем от доброго, или худого расположения тела, которое происходит от переменного течения Натуры.

Но после того, что сказано было о Свободе человека и о разности двух Существ, составляющих его, сии возражения неважны: человек не всеми пользуется способностями, которые могли бы принадлежать разумному его естеству; понеже по самому своему происхождению не все люди получают одинаковую меру способностей, и понеже премногие случаи, не зависящие от их воли, могут ежеминутно растроивать телесное их сложение: но человек виновен, когда собственным нерадением погубляет те способности, которые даны ему. Не все рождены для одинакого Наследия, но все ответственны за то, которое им по жребию дано.

И так, какое бы неустройство, какой бы беспорядок ни ощущал человек в своем телесном составе и в разумных своих способностях, не должно почитать его для сего неповинным пред Правосудием; понеже сколь ни мало число и сила оставшихся ему способностей, но он должен дать в них отчет; а только от того, Который находится в безумстве, истинное Правосудие не может ничего взыскивать; потому что тогда уже сие Правосудие наказует его.

Не надобно также думать вместе с нашими противниками, что таковые неустройства и беспорядки телесные Началом своим имеют некий слепой Закон, которым они тщатся истолковать Натуру. Мы в следующем покажем, как поведение человека в телесном его житии простирается и на самых его потомков; покажем также в пристойном месте, сколь велики способности Начала, Или сей причины временной, которой необходимо должно быть поручено правление Вселенной.

И так, размышляя о естестве сей причины временной повсеместной, которая не токмо существенно господствует над телами, но которая должна быть предводительницей во всех человеческих действиях, легко увидим, может ли что-нибудь случиться в сей телесной области без побудительной причины и цели.

Но паче должно верить, что все сии безобразия, все сии приключения, которым подвержены мы как по нашему телесному Существу, так и по Существу разумному, Всеконечно имеют свое Начало; но что мы не всегда его познаем; ибо ищут его обыкновенно в мертвом Законе Вещества вместо того, чтобы искать в Законах Правосудия, в злоупотреблении нашей воли, или в прегрешениях наших Предков.

Пусть ослепленный и легкомысленный человек ропщет на сие Правосудие, которое протирает наказание за отцовские грехи на потомство. Не приведу я ему доказательство сего Закона физического, по которому нечистый источник сообщает свою нечистоту протокам своим; понеже сей Закон всем известный бывает ложен и во зло употребляем, когда прикладывают его к тому, что не есть тело. Еще менее узрит такой человек, что сие Правосудие, как может наводить скорбь на Детей чрез Родителей, так может убелять и омыwać Родителей чрез Детей, и сего довольно, чтоб остановить наши Умствования о сем Правосудии, доколе не будем допущены в его Совет.

Сие благоразумное, Праведное и спасительное помышление есть награда от самой Премудрости: как же она дарует оное тем, которые думают, что могут пробыть и без ее светильника, И уверились, что не имеют нужды в ином предводителе, кроме собственных чувств и грубых общенародных понятий?

Следствия отрезания члена

Вопрос, объясняемый мною о месте, которое занимает душа в теле, ведет меня естественным образом к другому столь же важному вопросу о телесном Начале, и который не менее затрудняет Примечателей, то есть: для чего человек, лишившийся по случаю которого-нибудь члена, несколько времени имеет чувство, которые кажутся быть в том члене, кого уже он не имеет.

Если бы душа, или Начало телесное по мнению Материалистов была делима, то конечно по отрезании члена человек не страдал бы в сей части; понеже доли телесного Начала с отнятием члена, в коем они находились, разорвали бы связь с своим источником, исчезли бы сами собою и не могли бы дать никакого знака чувствительности.

Но и не в члене отрезанном должны мы искать Начала сей чувствительности; понеже напротив сей член с минуты своего отделения уже есть ничто для тела, от которого он отделен.

И так единственно в самом телесном Начале можем найти причину сего происшествия, и вспомнив все Истины, доказанные мною, можем сказать, что в составе человека теперешнего как телесное его Начало служит орудием и органом способностям разумного его Существа, Так тело его служит орудием и органом способностям телесного его Начала.

Мы видели, что когда сие телесное Начало ощущает расстройство в главных органах тела, которые непременно нужны для действия разумными способностями; то может случиться, что и разумное Начало страдает от того; но не уповаю, чтобы кто подумал, что таковое страдание может дойти до того, чтобы повредить естество сего разумного Начала, ниже до того, чтоб разделить его каким-либо образом. Известно, что оно, поелику простое Существо, всегда пребывает одинаково, а токмо в способностях своих ощущает неустройство, и то потому, что как орган нужный для действований их, и который должен доставлять ему противодействие разумное внешнее, без коего нельзя ему обойтись, не находится в состоянии совершенном; то действие сих способностей разумных уничтожается, или возвращается на самое разумное Существо.

В первом случае, то есть, когда действие способностей уничтожается, Существо разумное доказывает токмо в себе лишение; и сие есть зачатое слабоумия, или безумства; но не бывает тут болезненного чувствования, как то и известно, что дурачество не сопряжено с страданием.

Во втором случае, то есть, когда действие обращено на самое Начало, Показывается в нем смятение, беспорядок и недугование, которое есть точное страдание разумное; понеже сие Начало, которое всегда стремится действовать, чувствует себя стесненным в употреблении своих способностей.

Точно то же бывает и в страдании телесном в случае лишения члена. Тело долженствует служить органом Началу телесному, одушевляющему его: ежели сие тело теряет который нужный член, то и Начало телесное чрез то теряет часть своего органа, и не может уже действовать своими способностями во всем их пространстве; понеже действие той способности, которой нужен был отнятой член, не находя принадлежащего себе пособника, уничтожается, или обращается на самого себя: тогда-то происходит смятение и болезнь, весьма чувствительные в телесном Начале, от коего оно истекло, и тем паче, что отнятием члена подается удобность внешним и разорительным действиям отражать с вящею скоростью действие телесного Начала, И

понуждать его обратиться к своему средоточию.

И так, не взирая на сие страдание, не можем допустить, что телесное, или другое какое Начало утратило часть от себя, а признаем просто, что всякое Существо телесное, Имея нужду в органах для исполнения своего действия, одлаженствует тогда страдать, когда сии органы расстроены; потому что они не могут тогда производить дела, им свойственного.

Не совсем бесполезно заметить, Что сие может только случиться над четырьмя внешними членами, или над четырьмя отношениями тела: ибо из трех главных частей, составляющих туловище с головою, ни которое не может быть отнято без неминуемой гибели всего тела.

О трех действиях временных

Повторим краткое все то, о чем теперь говорено. Показал я чрез разные свойства Стихий многие различные действия в составе тела; показал я, что кроме двух противоположных действий, врожденных в сих телах, есть Закон высший, которым они управляемы, даже и в самых величайших сражениях их и в величайшем их возмущении; показал я потом, что сей высший Закон находится и ныне в человеке, в котором он отличен от чувственного, хотя и сопряжен с оным: и так не можем уже отрицать, что есть три действия, необходимо нужные для путеводительства временным вещам, по подобию трех Стихий, из коих составлены тела.

Из сих трех действий, которых поставила первая Причина управлять рождением Существ телесных, одна есть сия Причина временная, разумная и действительная, которая определяет действие Начала, врожденного в Зародышах чрез посредство второго действия, или того отражательного действия, без которого, Как мы выше признали, не было бы никакого произведения; и без сомнения из всего того, что мы видели доселе, довольно ясно усматривается и необходимость сей Причины разумной, коей действие высшее долженствует править двумя действиями нижними.

Источник невежества

Каким же образом случилось сие, что люди не познали ее, и вздумали, что можно без нее успевать в познании Натуры? Сего видна теперь причина. Они превратили числа, на коих основаны сии действия, так как превратили и те, на коих основаны Стихии; ибо с одной стороны где три, там признали два; с другой же стороны там думают видеть четыре, где есть только три; то есть, рассматривая два страдательных действия тел, потеряли они из виду Причину действующую и разумную, и от того не распознали и смешали действие и способности сей Причины со способностями двух нижних действий, равно как не распознали страдательной способности трех Стихий от способности действительной воздуха, который есть одно из сильнейших Начал противодействия Стихий. Когда же таким образом обезображены стали сии числа, то Примечатели не усмотрели уже отношения, находящегося между тройственным числом Стихий и тройственным числом действий, которые всеобщее и частное строение тел производит.

Не усмотрев же сего отношения и уничтожа его, Не почувствовали они необходимости и превосходства сего действия разумной Причины над двумя нижними действиями, служащими основанием всякому произведению телесному: все сии разные Причины и действия приняли они одно за другое,

или лучше сказать, всех их смешали в одно.

Да и могли ли они предостеречь себя от сего заблуждения, когда сперва уже смешали Вещество с Началом Вещества; а приписав Веществу все свойства Начала его, легко было им приписать ему также все свойства и действия вышних Причин, которые непременно нужны для его существования.

Но теперь нельзя не увидеть, что не признавать могущества и необходимости третьей Причины есть лишить себя той помощи, которая одна остается Человекам ко изъяснению течения Натуры; есть давать ей иные Законы, нежели какие она получила; есть приписывать ей то, чего нет в ней; словом, сие есть допускать то, что не только не имеет правдоподобия, но что вне всякой возможности.

Необходимость третьей Причины

Кому неизвестно, что поставили люди на место сей Причины необходимые? Кто не ведаёт тех детских умствований, которыми они хотели без нее истолковать Законы Вещества и соорудить Систему вселенной? Слепые толкователи происхождения вещей, цели сотворения, долговременности его, действий его, сколько ни изъясняли они все сие, всегда говорили языком сомнения и неизвестности; и все их учение не столько есть Наука, Сколько непрестанный вопрос.

О случайности

Когда могли единою силою своего разума сделать сами сии примечания и усмотреть необходимую надобность Начала, которое бы предводительствовало Натуре; тогда или искали сего Начала в самом первом Существо и не убоились унижать его пред нами, не отделяя действия его от действий чувственных вещей, или слегка мыслили о необходимости действующего между Существом первым и Веществом, и не дав себе довольно времени рассмотреть, Какая б могла быть сия посредствующая Причина, назвали ее невразумительно причиною слепую, роком, случайностию и иными именами, которые, будучи без жизни и действия, усугубляли только тьму, в коей человек ныне погружен.

Не увидели они, что сами виною сей тьмы, что сия случайность рождена единственно от воли человека и место свое имеет только в невежестве его; ибо не может он отрицать, что законы, на которых состоят все Существа, должны иметь деяния неизменяемые и влияние всеобщее; но когда он растроивает исполнение оных в степенях Существ, подчиненных власти его, или когда сам себя ослепляет: тогда не зрит уже более сих нерушимых Законов и заключает, что они и не существуют.

При всем том нельзя ему подумать, Чтобы в деяниях и творениях первой Причины могла быть случайность; понеже как сия причина есть единственный и неисчерпаемый источник всех Законов и всех совершенств, то надлежит и порядку, который вокруг ее царствует, быть неизменяему, подобно собственной сущности ее.

Ниже в делах временной разумной Причины может иметь место сия случайность; потому что как ей особенно поручено временное творение Причины первой, то не возможно сему творению не стремиться непрестанно к своей цели и не одолевая всех препон.

И так токмо в деяниях частных Натуры телесной и в делах воли человеческой можем мы не увидеть правильности и содействий всегда верных и всегда предвиденных. Но если бы человек не забывал никогда, сколь тесным союзом сии деяния частные с волею его связаны, если бы всегда в памяти содержал, что он поставлен царствовать над самим собою и над чувственною областью; тогда увидел бы он, что, исполняя свое звание, не токмо возмог бы узреть Законы всеобщие, которыми правятся высшие области, и которые он столь часто не узнавал; но даже почувствовал бы, что власть сих Законов, навсегда нерушимых, изливается даже и на его Существо, равно как и на частные приключения темной его области, то есть, тогда бы не было случайности ни в отношении к нему, ни в отношении к какому-либо происшествию в Натуре.

Тогда если бы усмотрел он неустройство в частных деяниях сей Натуры, или если бы не знал причин происшествия их и правил, по коим они учреждаются, не мог бы приписать сего беспорядка и сего невежества иному чему, как токмо своему нерадению, или несправедливому употреблению воли своей, котрая или не воспользовалась тогда всеми своими правами, или предпочла незаконные.

Но чтоб снискать разумение сих истин, надлежит больше иметь упования, нежели каковое примечатели имеют, на великость человека и на могущество воли его; надобно верить, что ежели он выше существ, окружающих его, то пороки его, Равно как и добродетели, должны иметь непременно отношение и влияние на все его Владение.

И так должно согласиться, что невежество и развратная воля человека суть единственные причины сих сомнений, которыми видим его обуреваема ежедневно. Таким образом попустив загладиться в себе идее порядка и закона, объемлющего все, поставил человек на место их первую химеру, какая представилась его воображению; ибо и в самом ослеплении своем ищет он непрестанно начальной причины движущей Натуру: таким образом возобновляет непрестанно сие наказания достоянное заблуждение, чрез которое, посеяв добровольно вокруг себя неизвестность и случайность, сделался столь несправедлив и несчастен, что приписывает вину оных своему Началу.

И те самые, которые не отрицали, что телесные вещи имели начатие, не полагали им иной причины, как случайность, не ведая, что надобно быть первой Причине существования их, или не подумав, чтоб Причина, котрая вне их, могла рачить о них столько, чтобы привести их в действие; однако ж, уверены будучи, что сие существование не безначально, вместили они все в одни свойства тел и силу действующую врожденную, котрая одушевляет их, и Закон высший, повелевший им родиться.

Такому же следовали они порядку и в изъяснении Закона, содержавшего бытие сих самых существ телесных; да сему и нельзя было уже быть иначе. Положа происхождению вещей основание мечтательное и ложное, надлежало сообразовать с ним и прочее здание; и так по их мнению тела живут сами собою и родились сами собою.

Что касается до тех, которые утверждают, что Вещество и телесные Существа всегда свое имели бытие, то их заблуждение гораздо грубее и оскорбительнее для Истины. Оба сии учения равно не познали Закона и первой Причины вещей, но одно из них проповедовало только, что в истолковании происхождения вещей можно обойтись и без Причины действительной и разумной; другое же уничижило сию Причину, поставя на

равнее с нею Начало действительное телесных Существ и не почитая ее ни выше, ни древнее Вещества.

Примечатели далее поступили; ибо положив столь невнятные уставы течению и естеству вещеу, заключив себя в столь тесном круге, Принуждены были приводить к сему кругу все явления и все происшествя, зримые во вселенной. По их мнению Существо, Не имеющее ни разумения, ни цели, сотворило и непрестанно творит все вещи; и поелику две только Причины суть орудия всего, что творится, то, как скоро нашли сих двух Причин в Существах телесных, не почли за нужное искать высшей Причины.

Счастье, что Натура не покоряется мыслям человек; как ни слепа она, по их мнению, но оставляет их умствовать, а сама исполняет свое дело. Сие есть купно и неоцененное для них благо и изящнейший знак великости Существа физического и временного, которое правит ими, что течение сей Натуры столь твердо и неколебимо; ибо не позволяя системам человеческим проникнуть себя, и доказывая недостаток оных постоянным своим следованием данному ей Закону, принудит она их может быть некогда признаться в своих заблуждениях, оставить мрачные стези, по коим они влачатся, и искать Истины в светлейшем источнике.

О третьей Причине

Но дабы предупредить беспокойство подобных мне, которые могут подумать, что сия Причина действующая и разумная, о которой им говорю, Есть вымышленное и мечтательное Существо, скажу им, что есть люди, которые опознали ее Физическим образом, и что всякой также узнал бы ее, когда бы возложил на нее свое упование и потщился очистить и укрепить свою волю.

Однако должен я уведомить, что не принимаю сего слова Физический в общенародном смысле, приписывающем существенность и бытие тем только вещам, которые ощущаются чувствами вещественными. Самое малое размышление о всем том, что содержится в сем Сочинении, довольно покажет, сколь мало люди понимают смысл слова Физический, когда прилагают его к наружностям вещественным.

Примечание о двух Началах

Прежде, нежели приступлю к другому предложению, останавлиюсь я здесь на время, чтобы отвратить могущее родиться затруднение, хотя я его несколько уже решил. В начале сего сочинения сказал я, что существуют два Начала противоположные, которые сражаются друг с другом, и хотя я показал, что злое Начало ниже доброго: однако после примечаний, которые делали мы над телесною Натурою, может кто подумать, что сии два Начала имеют необходимую друг в друге нужду к своему существованию, так как показали мы, что две нижние Причины, заключенные в телесных существах, необходимо друг другу нужны в рождении произведении.

К избежанию сей ошибки довольно припомнить мой довод, что всякое произведение, всякое дело, всякий плод в телесной натуре, равно как и во всяком другом чине Существ, бывает всегда ниже своего Начала родителя. По сей низости телесная Натура немощна сама собою родиться без действия двух Причин, которые мы признали в ней и которые доказывают ее слабость и зависимость.

Но ежели временное сие сотворение произошло от Начала высшего и доброго, как и не можем в том сомневаться, то сие Начало долженствует повсюду являть свое превосходство и свою главнейшую принадлежность, которая есть иметь в себе все без изъятия, кроме зла, и кроме своих собственных способностей не иметь нужды ни в чем к сотворению всех своих произведений. Какое же должно быть состояние злого Начала? Не то ли, чтобы токмо служить к показанию великости и могущества доброго Начала, которого никогда не возмогут поколебать злоухищрения злого.

И так нельзя сказать, чтоб злое Начало было и есть нужно вообще к существованию и явлению способностей доброго Начала, хотя сие злое Начало, имея втечение в бытие времени, необходимо нужно к поданию случая рожденьям всех явлений временных; ибо, как есть явления не во времени, и как Начало злое не может выступить из временности, явствует, что Начало доброе действует без него: что можно видеть подробнее в последующем.

И так да научатся здесь люди отличать паки Законы и способности Начала единственного, вообще и во всем доброго и саможизненного, от Законов и способностей нижайшего Существа вещественного, которое ничего своего не имеет и не может жить без внешних вспоможений.

Союз истин

Довольно, думаю, показал я подобным мне, сколь неосновательны мнения человеческие о всех пунктах, о которых доселе рассуждаемо было. Поставлены будучи на путь, чтобы научиться отличать тела от Начала, врожденного им, убеждены будучи о простоте, единстве и невещественности сего Начала нераздельного, Неосообщаемого, которое не терпит никакого смешения, и которое всегда пребывает одинаково, хотя образ, которой оно производит и которым себя одевает, и подвержен беспрестранный перемене, могут они ясно видеть, что поелику Вещество состоит неоспоримо в зависимости, и действует однако по Законам всегда одинаковым, то две нижние Причины, содействующие воспроизведению его, и все деяния бытия его не могут всеокнечно обойтись без действия Причины высшей и разумной, которая повелевает, чтобы они действовали, и управляет ими, чтобы действовали с успехом.

Следственно, признаются они, что две нижние Причины необходимо должны быть покорены законам Причины высшей и разумной для того, чтоб времена и единообразность были наблюдаемы во всех их деяниях, чтобы плоды всех их разных действий не были ничтожны, безобразны и сомнительны, и чтоб могли мы понимать порядок, которой повсюду царствует.

Нетрудно им будет потом согласиться, что сия высшая Причина, не будучи покорена никаким Законам Вещества, хотя и поставлена ему путеводительницею, долженствует быть совсем отменна от него, что средство к познанию обеих есть поставлять каждого из них в своей степени, примечать особенные их способности, сравнивать их друг с другом для того, чтобы увидеть их разности, а не для того, чтобы смешать их, делать сие различие и в прочих Существах Натуры и в малейших ее частях, где и телесные и умные очи ее показывают нам, что есть всегда вместе два Существа, и что они соединены насилием; но притом помнить всегда, что сей союз есть временный, а не почитать его таким, который всегда был и должен

всегда быть; ибо напротив мы видим, что он ежедневно прекращается.

Сии все примечания учинят человека благоразумным и мудрым, И воспретят ему пускаться безумно в неведомые стези, из которых не может выйти иначе, как обратным шествием, или должен впасть в отчаяние, когда почувствует, что далеко зашел, а времени ему мало осталось. Они же отведут его от камня претыкания, о который многие падают, когда сами собою и притом окруженные мраком дерзают судить о своем собственном и о естестве Истины. Мы увидим далее частые падения, которые были и суть следствиями вышереченного. Увидим, что сие есть источник большей части человеческих страданий, равно как ради отторжения своего от светлого состояния первого человеки час от часу ныне более утопают в стуже и бедствии.

Глава IV

Аллегорическая картина

Некоторые люди, воспитанные в невежестве и лени, достигнув зрелого возраста, вознамерились осмотреть пространное Царство; но как были побуждаемы к тому суетным токмо любопытством, то мало старались узнать истинные средства, которыми управляема была сия страна. Они не имели ни столько отважности, ниже доверенности, чтобы получить доступ к Вельможам, которые могли бы им открыть тайные пружины правления; и так довольствовались тем, что скитались из города в город и смотрели без всякого внимания на публичные места, где, видя толпящиеся сходбищи народа, который казался быть оставлен собственной воле, не подумали ни мало о порядке и мудрости законов, тайно охраняющих покой и благоденствие жителей; они возомнили, что все граждане равно праздны, и живут в совершенной независимости.

В самом деле, все видимое ими не являло не просвещенному их разуму ни правил, ни Закона. Таким образом, следуя убеждению токмо своих глаз, не могли они познать, что люди, имеющие высший сан и власть, Правили сим народом, который, казалось им, шатался беспорядочно: они уверили себя, что в земле сей нет ни Законов, ни начальника, или ежели оный и есть, но не имеет ни силы, ни действия.

Прельстися такую независимостию и не предусмотря худого следствия своих действий, почли себя самовольными и неподверженными никакому закону и вздумали, что могут свободно вдаться своим прихотям; но скоро учинились жертвами своего заблуждения и неосторожных Умствований; ибо не дремлющие Правители Государства, увидав о их беспорядках, лишили их Свободы и столь крепко заключили во узы, что они, томяся в глубоком мраке, не могли и знать, возвращен ли им будет когда свет.

Неразумение примечателей

Таков точно был поступок и участь тех, которые дерзнули сами собою судить о Человеке и Натуре: занимаясь всегда бесполезными и суетными учениями, заключили чрез навязчивое свое зрение в тесные пределы, и не могли обозреть всей обширности подлежащего им пути, остановились при

наружностях вещей, и не стараясь проникать далее, не узнали, или отвергли все то, чего не могли усмотреть. В телах узрели они токмо обложение их и преобразили оные в Начала. В Законах сих тел увидели два токмо действия, или две причины нижние, и тотчас отвергли Причину высшую, действительную и разумную, коей дела смешали с делами двух прочих причин.

Потом, обнадеясь на свои заключения, сделали из всего Существо вещественное условное, к которому безумно примеряли все Существа Натуры, совсем обезображенной ими; и по сему-то недостаточному образцу отважились начертать Человека.

Да и подлинно нельзя ожидать, чтоб они не сделали тех же ошибок в рассуждении его, какие сделаны были прежде в рассуждении всей Натуры. Не только не лучше в его теле, как и в прочих Существах телесных, различили они Начало от вместилища его, или наружной одежды, и не лучше познали и исследовали течение его и Законы; но еще превратно смешали сие телесное вместилище человека с его Существом разумным и мыслящим, так как смешали они Начало врожденное во всех телах с Причиною действительною и разумною, которая управляет телами.

Таким образом, не распознав сперва Причины высшей от способностей, врожденных в Существо телесном, а потом смешав способности двух разных Существ, составляющих нынешнего человека, не возможно было им признать в них действие сей самой Причины действительной и разумной, которая, сообщая Натуре все силы, подает купно и человеку чрез его разумение все понятия о потерянном им благе. При всем их невежестве не только отважились они дерзновенно определять Естество и Натуру человека, но еще вздумали толковать все усматриваемые в нем несогласия и положить основание делам его.

Опасность заблуждений о Человеке

Когда человек ложно умствует о стихийной Натуре, заблуждения его, Как мы видели, неважные имеют следствия: ибо поелику мнения его не могут иметь влияния во всегдашнее течение Существ, то непременимые Законы их не престают исполняться с одинакою точностию, хотя человек не познал и обезобразил Начало оных. Но не таковы ошибки, относительные к нему самому: они конечно будут ему всегда пагубны; ибо как он есть сам блюститель своего Закона, то при всяком своем проступке, или забвении оного действует против себя самого и к явному своему предосуждению; словом, если справедливо сие, что он тогда и бывает счастлив, когда знает и исполняет Законы своего Начала; то злоключения его и страдания суть явный знак его Заблуждений и проступков, от сего воспоследовавших.

Посмотрим же, что может произойти от сего Существа так обезображенного; может ли оно стоять без главного своего подкрепления?

Не трудно угадать нам следствия сего рассмотрения, ежели приведем на память сказанное нами о том состоянии, в которое должна б была прийти Натура, когда бы предана была страдательному действию двух нижних Существ, необходимо потребных для всякого воспроизведения телесного. Известно, что сии два Существа, будучи страдательными, Никогда не могут сами собою ничего произвести, ежели Причина действительная и разумная не даст им власти и силы привести в действие то, что находится в них.

Но если бы можно было предположить в сих нижних действующих

волю, оставя однако их в прежнем бессилии: то явствует, что когда вознамерятся они произвести в действие сию волю без помощи Причины действительной, от которой необходимо зависят, то дела их будут безобразны и окажут в себе весьма явный беспорядок.

Теперь то, чего не можем сказать о сих нижних действителях, лишенных воли, приложим к человеку, одаренному оною, и потщимся еще лучше открыть вредные плоды его заблуждений, которые намерены мы опровергать.

Человек ныне состоит из двух Существ: из одного чувственного, а другого разумного. Мы дали уразуметь, что в происхождении своем не подвержен он был сему составлению, и что, пользуясь преимуществами простого Существа, имел в себе все и ни в чем не имел нужды для своего содержания; понеже все содержалось в драгоценных дарах, полученных им от своего Начала.

Показали мы потом, с какими строгими и неперменными условиями Правосудие сопрягло восстановление человека, учинившегося преступником чрез несправедное употребление своей воли. Видели мы, говорю, сколь страшным и сколь многочисленным претконвениям подвержено обитание его в области чувственной, которая столь противна истинному естеству его. А притом признали мы и то, что тело, коим он ныне обложен, будучи одного роду с чувственными вещами, есть для него темная завеса, закрывающая от взору его истинный свет; она же есть и непрестанный источник мечтаний его и орудие новых его преступлений.

И так в происхождении своем человек имел Законом своим царствовать над чувственною областью, равно как и ныне еще ему сие принадлежит; но как он одарен был силою несравненною, и не связан был никакими путами, то и преодолевал все препятствия. Ныне же не имеет уже тех сил, ниже той Свободы; а при всем том находится гораздо в большей опасности, так что нельзя изъяснить, коликим неудобствам подвержен в сражении, которое ныне должен выдерживать.

Вот как ужасно состояние нынешнего человека! Когда произнесено было противу него молниеносное определение, то от всех даров, полученных им, осталась у него тень токмо Свободы, сиречь воля, не имеющая почти никогда ни силы, ни власти. Все прочее могущество отъято было; и став соединен с Существом чувственным, сделался не иное что, как состав двух нижних Причин, по подобию оных, которые правят всеми телами.

По подобию, говорю, а не по равенству; понеже цель двух естеств человеческих гораздо благороднее, и свойства их гораздо отменнее; но что касается до деяния и работы способностей их, оба они подчинены совершенно тому же Закону; и две нижние Причины, из коих составлен нынешний человек, не имеют, так сказать, сами по себе более силы, нежели две нижние Причины телесные.

Правда, что человек, яко разумное Существо, Всегда имеет над телесными Существами сие преимущество, что чувствует нужду, которая оным неизвестна: однако не больше их может сам собою удовлетворить ей; не больше также может сам собою оживотворить разумные свои способности, как и они не могли одушевить своего Существа, то есть, не может он лучше их пробыть без Причины действительной и разумной, без которой ничто, сущее во времени, не может действовать успешно.

Какие же плоды может ныне человек произвести, когда при всем своем бессилии, которое в рне видим, вздумает, что нет ему иного Закона, кроме

собственной воли, и когда отважится шествовать без предводительства сей Причины действительной и разумной, от которой он против воли зависит от которой должен всего ожидать, равно как и Существа телесные, с которыми он к несчастью его смешан стал?

Конечно, собственные его творения же будут иметь никакой важности, ни силы; понеже лишены единственного своего подкрепления; а две нижние Причины, из коих он ныне составлен, непрестанно в нем сражаясь, будут только терзать его и погружать в горестнейшую неизвестность.

Он подобен двум линиям угла, которые могут двигаться каждая в противную сторону, удаляться друг от друга, сближаться, сходиться и положены быть одна на другую; но не могут произвести никакой фигуры, если не присовокуплена будет к ним третья линия: ибо сия третья необходимо нужна, дабы утвердить непостоянность двух первых, дабы ограничить их положение, дабы различить их ощутительным образом друг от друга, и составить наконец фигуру, без сомнения обильнейшую из всех фигур.

Вот однако какими напрасными покушениями занимается человек ежедневно: трудится над невозможным делом; желает составить фигуру из двух линий, то есть довольствуется токмо действием двух нижних Причин, из которых составлено нынешнее естество его, и непрестанно силится исключить сию Причину действительную и разумную, без которой не возможно пробыть. Таким образом, не взирая на очевидную необходимость сей Причины, удаляется от нее, бежит от мечты к мечте, и не находит себе постоянной точки; понеже без содействия третьего Начала не можно быть совершенному делу; а ежели кто желает, скажу на сие доказательство, что как скоро кто дошел до трех, тот уже бывает и при четырех.

О различных установлениях

Размышляя потом о ужасной неизвестности, в коей зрит себя, изумевается, видя беспорядок, сопровождающий стопы его, и тотчас отрицает бытие сего Начальника порядка и мира, которого не познал он или от нерадения, или от маловерия.

А иногда, влекомый силой Истины, ропщет на сие Начало, которое сперва отвергнул, и чрез то сам доказывает справедливость сказанного нами о переменчивости и безрассудности всякого Существа, которого способности не совокуплены и не укреплены природным их узлом.

Не токмо нельзя нам подумать, чтобы человек мог всеми своими ошибками хотя мало поколебать сию Причину, от которой он удаляется; но из естества его теперь мы должны познать, что он один страдает за свои заблуждения; понеже, яко Существо свободное, один он может виновен быть: надлежит знать, что сия Причина, невредимая в своих способностях, как и в своем естестве, простирает лучи свои на человека; они очищают его, а сами неосквернены остаются.

И так станет продолжать наши рассуждения, и объясним затруднения, встречающиеся Примечателям, когда отваживаются одни без предводителя рассматривать установления земные, учрежденные ли от самих людей, или те, которым они приписывают высшее происхождение. Здесь то ослепленные люди, не умея отличить произвольного от неизменяемого, составили из обоих безобразное смешение, которое удобно может затмить самые чистые понятия. Впрочем, исследование сих вещей без сомнения есть важнейшее для человека, в котором весьма нужно ему остерегаться ошибок; понеже отсюда

он должен научиться править своими способностями.

Источник ложных примечаний

Исследуем, для чего люди, смотря на разные всех времен и разных Народов уставы, употребления, обычаи, законы, религии, богослужения, вздумали, что нет ничего истинного, все поставлено на произволения и на договорном согласии человеческого; и что поелику все между людьми есть произвольное и условное, то предписание должностей и порядок натуральный и существенный, который должен служить им светом путеводствующим, есть мечта.

Если бы справедливо было то, что все учреждено на договорном согласии, как они утверждают, Праведно было бы их заключение; позже тогда не было бы различия между добром и злом; следственно, все их поступки были бы ни добры, ни злы, и никто бы не имел причины полагать правил их делам. Но если Примечатели ошибаются от того, что не усмотрели в человеке двух способностей, составляющих его; если смешали в нем разумное с чувственным и отнесли к первому все применения и разногласия, которым второе подвержено; если прибавили к сим заблуждениям еще и то, что смешали Причину действительную и разумную с частными способностями человека: то можем ли мы иметь какую доверенность к столь неосновательному и ложному учению?

Таков, однако, был путь наследования их, сиречь, они почти никогда не простирали взора своего далее чувственности: но как сия способность чувственная ограничена, и не имеет силы потребной, чтоб управлять собою, то всегда повторяет взору их знаки токмо разнообразия, зависимости и неизвестности; и так от нее единственно и от нее единственно и от нее, преданной собственному ее Закону, введены все разности, которые примечаем мы на земле.

В самом деле, все части порядка гражданского и политического, соединяющего разные Народы, имеют ли иную цель, как токмо Вещество? И самая нравственная часть всех их учреждений возносится ли выше сего порядка человеческого и видимого? Самые добродетельнейшие установления приведены к правилам чувственным и к Законам внешним; потому что Установители их, шествуя одним, без путеводца, не могли достигнуть далее сего предела.

И так разумная способность человека совсем за ничто вменена в сих делах; а тем менее еще что-либо значила в тех примечаниях, которые столь часто над ними деланы были. Чего ради надлежит остерегаться принимать происшедшие от того умствования, не исследовав прежде, как далеко могут простирались их заключения, и можно ли их прилагать ко всему; а без того невозможно нам допустить их; понеже Истина должна быть всеобщая.

О установлении религий

Начнем наши примечания с Установления почтеннейшего у всех Народов вообще, которое праведно почитают они творением не человеческих рук. Усердие, с которым во всем мире чтится сие священное постановление, доказывает ясно, что все люди имеют в себе изображение его и идею. Во всех Народях видим совершенное единообразие в главном основании Религии; все они признают высшее Существо, все понимают за долг молить его, И все

молятся ему; все чувствуют надобность, чтоб молитва их имела свой образ, все и учредили оный; и никогда воля человеческая не могла уничтожить сей истины, или поставить другую на место ее.

О ложных религиях

Однако способы поклонения первому Существу, употребляемые у разных Народов, Представляют нам, подобно прочим установлениям, Разногласия и непрестанные и произвольные отмены как в практике, так и в теории, так что из всех Религий не находится и двух, которые бы одним образом чтили его. При сем спрошу я, могла ли бы сия разность быть, когда бы люди следовали единому предводителю и не потеряли из виду единственного света, могущего их просветить и согласить? Свет же сей есть ли иное что, как не сия Причина действительная и высшая, которая должна держать равновесие между чувственными их и разумными способностями, и без которой не возможно ни единого правого шага сделать?

Она должна питать в человеке первоначальную идею о Существе едином и всеобщем, равно как и познание Законов, по которым человеки должны тогда поступать, когда сие Существо позволяет им приблизиться к себе. Удаляясь от сего света, человек предается руководству собственных токмо способностей, которые и сами тогда ослабевают и совсем почти уничтожаются; тьма возлагает на них столь мрачный покров, что без помощи благотворной десницы никак не может он от оногo свободиться.

При всем том хотя человек тогда бывает оставлен самому себе, однако тем не менее обязан путешествовать. Чего ради среди сего ужасного невежества, мучимый идеей и надобностию сего Существа, И чувствуя себя отлученным от него, возводит к нему смятенный взор свой и чтит, так как смысла его велит; и хотя не ведает он, ту ли воздаст он честь, какой требует сие Существо, однако лучше желает воздавать оную, как умеет, нежели от невоздавания никакой мучиться тайным неким угрызением и раскаянием.

Сие есть частию Начало ложных Религий, обезобразившее ту, которой должна была следовать вся Земля: так дивно ли, что дела благочестивые человека и богослужение его столь разнообразны; видны ли все сии противоречия, все сии обряды, противные друг другу, и все сии чиновположения, которые опровергают друг друга, и которые в самом деле не представляют разуму ничего истинного: Все сие не есть ли плод человека, который, сняв броду со своего воображения, все творит по прихотям и по своей слепой воле? Не долженствует ли все сие здравому рассудку показаться не важным; понеже не видит он тут отношения между Служением и тем Существом, к которому Установители и их сообщники желали оное возности?

Но спрошу я, не большая ли часть сих разногласий и самых ощутительных противностей касается токмо того, что подвержено плотскому зрению человека, сиречь чувственности? Какое же можно сделать заключение противу сего Начала, которого в них и следов не видно? Не остается ли оно твердо и невреждено, хотя бы мрачный смысл человеческий ввел перемены даже и в теорию и в догматы; понеже доколе человек непросвещен единственным своим светом и не утвержден на своем единственном основании, не может уверен быть о неложности и чистоте своего учения и о правоте своих действий; и наконец, какого бы свойства ни были сии заблуждения, возмогут ли они что-либо противу Истины?

Ежели еще не престали Примечатели заблуждать и слепоствовать, то для

того, что не различают они человека, изуродованного и владеющего токмо частью себя, от человека обладающего всеми своими способностями; а потому, что не различают источника зрараженного, из коего человек почерпает безобразные свои произведения, от того, из которого надлежало бы ему почерпать, Проповедывают нам его неспособным познать что-либо постоянное и верное.

Истины, не зависящие от Человека

Однако посмотрим, до чего может простираться собственная власть человека, когда оставлен он сам себе; дадим ему принадлежащие права, и рассмотрим, нет ли чего выше, нежели что он делает и знает.

Во-первых, видели уже мы, что люди со всеми своими умствованиями о Натуре должны покоряться Законам ее: мы довольно показали, что Законы сей Натуры постоянны и непременны, хотя исполнение оных по следствию двух действий, находящихся во вселенной, часто повреждаемо бывает.

Вот уже и есть одна Истина, над которою произволение человека не имеет никакой силы. Поздно теперь против сего представлять чувствования и впечатления всякого рода, Производимые разными телами в наших чувствах и разнствующиe во всяком неразделимом, которые подали повод опровергать, что нет никакого правила в Твари. Мы предварили сие возрождение, сказав, что Натура может действовать токмо чрез отношение.

Можно еще подтвердить сие положение тем, что сей Закон отношения не более произволению человека подвержен, как и сама Натура, и что мы не властны ни в чем переменить следствий сего Закона; ибо отвращать оные и предупреждать не есть переменять их, а напротив сие есть паче утверждать их постоянность.

И так ясно познаем, что есть в телесной Натуре Власть выше человека, которая покоряет его своим Законам: не можем мы о бытии ее сомневаться, хотя тщание человека познать и изъяснить сию Власть весьма редко награждено было довольным успехом и просвещением.

Во-вторых, приведем себе только на память, как мы доказали слабость и немощь Натуры в рассуждении тех Начал, от которых получила она свое происхождение и ежедневно получает свое существование и свое противудействие, то и увидим, что ежели человек подчинен Натуре сей, тем паче должен быть подчинен высшим Началам, управляющим ею и содержащим ее; и хотя он столь же мало понял власть их, как и Натуры, однако бытие их отрицать запрещает рассудок, ежели б чувство и не утверждало.

Что же произойдет из всего того, что человек может сделать, выдумать, сказать, Поставить противу Законов сих Начал высших? Не токмо они не повреждаются от сего ни мало, но вящее являют свою силу и власть, Предав человека, удаляющегося от них, собственным его сомнениям и смятенному воображению, и осудив его пресмыкаться. Доколе не захочет их познать.

Довольно и сих примечаний, чтоб показать, сколь недостаточен человек, когда принимает чувственность за правило себе и за предводителя; ибо ежели немощь, Примеченная в телесной Натуре, не позволяет нам приписывать ей дела, Производимые ею; ежели человек собственным рассудком может достигнуть до восчувствования неотменной надобности в помощи Причины действительной, без которой телесные Существа не имели бы никакого видимого действия: то человек имеет нужду только в самом себе,

дабы признать бытие сей Причины действительной и разумной, и дабы чрез нее достигнуть до Причины первой и единственной, которая произвела вне себя все Причины временные, определенные к совершению ее творений и к исполнению велений ее.

Я объявил, что сия Причина действительная и разумная имеет всеобщее действие как над Натурою телесною, так и над Натурою мыслящею. В самом деле, она есть первая из Причин временных и такая, без которой никакое Существо, имеющее бытие во времени, не может стоять; она действует над сими Существами по самому Закону естества своего и по правам ее чина во вселенной. И потому, не взирая на то, что Существа, Населяющие сию вселенную, постигают ее, или нет, она каждому из них подает помощь; а понеже она есть действительная и разумная, надлежит и Существам мыслящим быть участниками ее благотворения, равно как и не мыслящим.

Вот, для чего утверждал я, что все Народы земные необходимо признали высшее Существо. Не сделали они всех различий, которые поставил я между разными причинами; не отличили они сей Причины действительной и разумной от Причины первой, которая совершенно отделена от чувственности во времени; часто и смешивали ее с нижними Причинами Творения, которым иногда воздавали они честь; и для того не получали от своего богослужения той помощи, которой могли бы ожидать, когда бы шествовали по пути, более освещенному. Но сие предложение весьма далеко заведет нас.

Довольно заметить, что поелику действие сей Причины действительной и разумной есть всеобщее, то должно было человеку и по чувствованию и по размышлению познать необходимость ее; и как бы он ее ни представил себе, мог обмануться в истинном только свойстве ее, а не мог не познать бытия ее.

После сего признания человек не мог не простирать своего шествия далее; чувства его и собственные размышления направили второй его шаг, как и первый, хотя он еще сам собою, идя по сей новой стезе, не мог обрести большей известности, ниже вящего просвещения.

Но наконец, что бы он тут ни открыл, когда уже признал Причину высшую в Натуре, когда признал также, что она выше и мысли, не мог отрицать, что находятся и Законы, которыми она действует над всем покоренным ей, и что, ежели Существа, долженствующие всего ожидать от нее, не исполняют сих Законов, не могут надеяться от нее никакого просвещения, жизни, или подкрепления.

К сим заключениям доведен он чрез примечание течения самой Натуры телесной, с которою он соединен, например: увидел он, что когда преступил Законы ее в рассуждении времен и в рассуждении производства земледелия, то земля давала ему плоды несовершенные и нездоровые; увидел, что когда не соблюл порядка четырех времен года и всей точности в возделывании земли, то получил из того следствия бесплодные и безуспешные. Сие самое научило его ощутительным образом, что сия телесная натура управляется Законами, и что Законы сии принадлежат существенно Причине действительной и разумной, коей необходимость чувствуют все люди.

О разности религий

Подобным образом, Размышляя потом и о своем Существом мыслящем, Почувствовал, что поелику ничего не может без Причины первой, то нужно стараться всячески умилоствить ее себе; понял он, что понеже сия Причина

охраняет его и печется о его благостоянии, то надлежит быть поставленным от нее и средствами к сохранению его от зла; что следственно деяния, служащие в пользу человеку, должны угодны быть сей Причине, и что вредные ему несообразны ее Закону, который есть делать благополучными все существа, и что следовательно сии существа не могут ничего лучше сделать, как действовать всегда по ее хотению и воле.

Но как человек не мог един исследовать, имеет ли выдуманное им богослужение верные отношения как к нему, так и к Существу первому, которому желает он воздавать честь: то всяк по произволению полагал способы, удобнейшие по его мнению умиловать сие Существо; и все Народы, которые сами собою вступали в изыскание сего установления, учредили оное так, как воображение их, или частное какое обстоятельство советовало разуму.

Вот для чего все Племена земные разнствуют между собою как в обрядах богослужения, так и в самом понятии и изображении того Существа, которое было целию их служения! Вот для чего также, хотя разнствовали они между собою в правилах богослужения, но все согласны были в том, что необходимо надлежит оному быть; потому что все уверены о бытии Существа высшего и все чувствовали нужду и желание иметь его своим подкреплением

О ревности без просвещения

Если бы люди, Преданные таким образом себе самим, имели столько же добродетели и чистой совести, сколько ревности к сим учреждениям, каждый бы из них следовал мирно принятому богослужению, не угнетая тех, в которых примечает разнствия. Но как ревность без просвещения скоро вводит в заблуждение, то люди без всякого изъятия предпочли свое творение всем прочим; то же самое начальное основание, которое побудило их самих собою учредить богослужение, велело им почитать его единым истинным; они вздумали, что тем лучше исполнять свои должности, когда не попустят быть никакому другому; они вменили себе в заслугу пред сим идолом сражаться и гнать друг друга; понеже в мрачных своих намерениях соединили честь его с своими выгодами, так что нет почти ни единого Народа, который бы не думал, что тем чтит высшее Существо, когда осуждает богослужение, разнствующее от избранного им.

Сия есть, как всякому известно, одна из главнейший причин браней, как всеобщих, так и частных, и неустройств, которые ежедневно возмущают разные части Тела политического и опровергают крепчайшие Государства, хотя впрочем есть бесчисленные другие причины раздора довольно известные и столь суетные, что не стоят того, чтобы я в сем Сочинении вступил в исчисление их и рассмотрение.

Но всех сих заблуждений и всех злодейств, которые учинили люди во имя своей Религии, есть ли иной источник, как не то, что они поставили себя на место просвещенной руки, долженствующей предводительствовать ими, и что думали быть руководимы истинным Началом, когда в самой вещи сами себе руководствовали?

И так надлежит тотчас заключить из предыдущего, что все человеки, По своим единственно размышлениям и по гласу внутреннего чувства, не могли не признать бытия некоего Существа высшего, Равно как и надобности служить ему. Сей идеи не может человек сам совершенно загладить, хотя и часто затмевается она у многих.

Что и неудивительно в самом деле; ибо есть и такие люди, которые загладили в себе идею даже своего существа, и в которых толико ослабели внутренние способности, что почли себя смертными и гибнущими.

О причине побудительной в Человеке

Но равным образом надлежит заключить, что как сия идея о бытии высшего Существа и о необходимости богослужения не отдельна от самой сущности человека, то также она есть последний предел, до которого может человек на сей земле сам собою достигнуть: сии только плоды могут произрасти от способности его чувственной и разумной, когда обе действуют собственными токмо силами. Сие чувство есть первоначальное семя в человеке; но ежели противодействие иные силы не приведут его в движение, то не может оно явить ничего твердого, и произведения его не будут иметь никакой крепости, подобно как зародыши Существ телесных остались бы недействительны и бесплодны, ежели б Причина действительная и разумная не направляла их противодействия и всех вообще деяний, относительных к ним.

Гораздо более удостоверимся в истине сего предложения, когда размыслим о естестве и свойствах Причины разумной и действительной; она отлична от Причины первой; она есть первый действительный ее: не дает она семян Существам телесным, но одушевляет их; не дает она человеку способностей разумных и чувственных, но правит и просвещает их. Одним словом, ей, как первой и превысшей всех Причин временных, поручено предводительство над ними, и ни которая из сих Причин не может пробить без ее помощи и не покоряться ей.

Ежели чрез нее токмо единую являют себя вещи, то ничто не может без нее учиниться чувствительным; а как мы не можем на земле познавать иным образом, как токмо чрез чувственное, то какой же получим успех в познаниях, когда сия Причина действительная и разумная сама не будет содействовать нам и не произведет того, что единой токмо ей можно производить во вселенной?

И так мы видим, сколь нужно обоим способностям человека предводительство и подкрепление сей Причины временной повсеместной. Не подаст она ему идеи о Существе первом, коего она есть первая Причина действующая, но покажет свойства сего первого Существа, являя оные чрез произведения чувствительные; ниже подаст ему идею о служении сему первому Существу, но просветит понятия его об оном, и представляя ему чувствительным образом способности сего первого Существа, даст ему равномерно почувствовать и точные средства воздавать ему честь.

О единстве богослужения

Здесь вижу конец всем сомнениям человеческим и всем воспоследовавшим от них разногласиям: сия Причина действительная и разумная, определена будучи приводить все в действие и править, конечно примирит все, когда власть ее призовется в помощь. Единственное для человека средство избегать погрешностей есть то, чтобы не отсупать от нее ни в каких деяниях, ни в каких учреждениях, так как она ни из какого порядочного деяния Натуры не исключается. Тогда человек твердо может быть уверен, что знает истинные отношения того, чего ищет; не будет тогда

разногласия между Религиями Народов, Понеже все они будут иметь единый свет; не будет у них раздоров в догматах и богослужении, Понеже познают первую причину вещей; кратко сказать, все будет в согласии, понеже всяк будет шествовать по истинному своему Закону.

И так не можем сомневаться, что всех разностей, которые видим в догматах и богослужении народов, источником было то, что сии народы в установлениях своих не утверждались на сей Причине действительной и разумной, которая единая долженствовала быть их путеводительницею, и которая одна могла соединить их; не можем, говорю, сомневаться в том, что Свет ее есть единственная точка соединения, что вне ее ничего нельзя надеяться, кроме заблуждения и страдания, и что ей единой приличествует по ее естеству и свойству сия истина непобедимая, что вне центра нет ничего постоянного.

Надеюсь, что из сказанного здесь мною никто не вздумает подозревать меня, чтоб я намерен был уравнивать все разные богослужения земных Народов и не отдавать ни которому из оных преимущества, или бы проповедовать бесполезность богослужения. Напротив, я утверждал, что нет ни единого народа, который бы не чувствовал нужды в оном; и теперь утверждаю, что богослужение всегда будет существовать, доколе будут люди на земли; но доколе не будут они утверждаться на общем основании, не могут избежать разделения, и следственно не возможно будет им достигнуть желаемой цели. И так не токмо я утверждаю необходимость богослужения, но еще показываю яснее необходимость единого богослужения, понеже под управлением единого Начальника, или единой Причины долженствует оно быть.

Не должно также спрашивать у меня, какое из всех учрежденных богослужений есть истинное: главное положение, которое я теперь доказал, служит вместо ответа на все такие вопросы. То богослужение, которым предводительствует сия Причина действительная и разумная, Всеконечно есть правое и доброе; но в котором не начальствует она, то богослужение или никакое, или худое: вот правило. Наставников и путеводителей народных долг есть сличать свои уставы и свое путеводительство с Законом, который мы им представляем; наше же намерение не есть судить учрежденных богослужениях, но подать способ Начальникам оных и Служителям судить самих себя.

Недоумение Человека

Я должен ожидать здесь возражения, которое само собою следует, относительного до сей Причины действительной и разумной, которую объявил я Начальницею главною и единственною над всем, что долженствует производимо быть во вселенной. Могут люди согласиться в том, что необходимо должна действовать сия Причина над Существом телесными; правильность и единообразие содействий ее в произведениях не позволяют им в том сомневаться: однако скажут мне, что хотя они и признают необходимость ее действия в управлении поступков человеческих, но какими же средствами узнавать им, присутствует ли она при них когда, или нет? Ибо как догматы и учреждения их в сем роде ни малой не имеют единообразности, то надлежит им иметь иной Закон, а не мнение только, дабы увериться, на правом ли они пути.

Здесь то человек показывает слабость свою и немощь, и тем самым придает важность и силу нашему доводу; ибо ежели бы человек мог сам

собою избрать и основать богослужение, то власть Причины действительной и разумной, которую признал я за непременно нужную, была бы излишня в сем случае.

Правило Человека

Ежели же сия Причина действительная и разумная не может никогда познана быть чувствительным образом от человека, то не можно ему никак достоверно знать, что он нашел добрый путь, и что богослужение его истинно; понеже сия Причина должна все производить и являть: и так надобно человеку иметь сию достоверность, но получить ее не от человека же; а надобно, чтоб сама сия Причина представила разуму и глазам его ясные свидетельства своего одобрения; надобно ему наконец, поелику люди могут его обмануть, иметь средства не обманываться самому, и иметь всегда при себе, к чему бы мог он прибегнуть и получить очевидную помощь.

Прежние положения, которые столь часто я доказывал, довольно подтверждают достоверность теперешнего предложения. Не признали ли мы на многих местах, что человек свободен? А яко свободное существо, не отвечает ли он за свои дела добрые, или злые, которые должны происходить от выбору мыслей добрых, или злых, входящих в него? Но был ли бы он повинен отвечать за них, когда бы не имел в себе способности распознавать их безошибочно? И так видим, что всякое деяние, которое он рождает, обязан неотменно сличать с данным ему правилом, и доколе не увидит сообразности своих дел с сим правилом, дотоле нет ничего для него надежного.

Но какое же быть может сие правило, как не соизволение и согласие Причины действительной и разумной, которая, управляя всеми Существом, покоренными времени, должна очевидное держать равновесие между разными способностями человека, подобно как держит оное между разными действиями Существ телесных, или Вещества?

Ибо ежели она определена правительницею способностей человека, тем паче надлежит ей управлять действия оных. В действиях же сих важнейшее есть наблюдать верно Законы, могущие умиловить к нему первое Начало, и приблизить его к сему Существом, которому воздавать честь повсюду чувствует себя обязанным. Когда же Причина действительная и разумная есть надежнейшая подпора, долженствующая подкреплять все стопы его; когда она есть необманчивый свет, долженствующий освещать все деяния мыслящего Существа его: то необходимо надлежит сему же всеобщему Путеводителю начальствовать и в установлении богослужения человеческого, Как и во всех прочих его действиях, и начальствовать так, чтобы глас его и свидетельство не подвержены были никакому сомнению.

Знаю, что сим вопрос еще не решен; доказать, сколь нужно, чтобы Причина действительная и разумная сама положила Законы нашим поклонениям первому Началу, не есть доказать, что она уже и полагает оные. Но я объявил, где человек должен искать сему свидетельства; да не ожидают от меня дальнейших показаний. Не приведу я в пример моего собственного опыта, Сколь много ни обязан я полагаться на оный. Было время, когда бы я нимало не поверил тем истинам, которые теперь за неоспоримые признаю. Несправедлив был бы я и безрассуден, когда бы вздумал повелевать моим читателям, чтобы они мне верили. Нет! Не обвиняюсь повторю, что сердечно желаю, чтобы никто из них не полагался на мои слова; ибо я, поелику

человек, Не имею права на доверенность моих собратий: но я бы несказанно возрадовался, когда бы каждый из них возымел столь высокую мысль о себе самом и о Причине, бдящей над его благоденствием, чтобы мог твердо уповать, что чрез терпеливость и тщание можно ему удостовериться в истине.

О таинственных догматах

Я знаю, что с намерением мудрым, и которое непонятно простолюдинам, Начальники и Служители всех почти Религий проповедывали догматы свои с благоразумием, а паче со скромностию, которая достойна похвалы: они без сомнения знали совершенно, сколь высоко их звание, и чувствовали, сколь нужно быть отдалену от них простому народу: и сие делали они конечно ради того, что яко блюстители ключа Науки, желали лучше привести народ к слепому почитанию ее, нежели повергнуть тайны ее в осквернение.

Ежели точно таковы были побудительные причины сего их поступка, не могу одного похулить. Покров и безмолвие есть предпочтительное убежище истины, и обладающие ею не могут довольных взять предосторожностей, дабы сохранить ее в чистоте; но не можно ли также представить им, что опасно, чтобы сие не попрепятствовало распространению ея; что их долг есть открыть ей способы к произращению своих плодов, печься о ее защите, а не погребать ее; наконец, что излишнее тщание сокрывать ее может быть пресекает путь к достижению цели ее, Которая есть распространиться и восторжествовать.

И так благоразумие, думаю, Велит им исследовать прилежнее слово Таинство, из которого сделали они ограду своим Религиям. Могли бы они наложить покров на важнейшие пункты, и открытие оных поставить мздою трудов и постоянности, и тем испытывать своих учеников, и подавать таким образом упражнение разуму их и ревности; но не должно было сии открытия сделать столь трудными, чтобы весь мир потерял надежду получить оные; не должно делать бесполезными изящнейшие способности Существа мыслящего, которое, рождено будучи в обители света, довольно несчастно и тем, что не обитает там, ежели бы еще и не отняли у него надежды узреть его на сей земле; одним словом, я бы на месте их возвестил Таинство, яко истину покровенную, а не яко непроницаемую; и я имею счастье знать доказательство, что сие определение было бы гораздо лучше.

И так ничто не препятствует мне твердо стоять в тех основательных положениях, которые стараются напоминать людям, и уверить моих собратий не только в том, что надлежит необходимо Причине действительной и разумной управлять ими во всех их деяниях, следственно и в имеющих отношении к богослужению; но еще и в том, что в их власти состоит увериться о ней самим чрез себя, и тогда не останется у них ни малейшего сомнения.

В самом деле, посмотрим только на поведение разных народов, увидим, что все они почитают свое богослужение утвержденным на том основании, которое я полагаю. Кто не знает, с каким рвением защищали они свои церемонии и догматы богослужения? Не каждый ли из них поборал по своей Религии с толикою ревностию и отважностию, как бы твердо уверенный, что сама истина установила ее?

Но что я говорю? Не все ли Толки, не все ли Мнения ограждали себя именем истины? Не видел ли свет, что самые величайших мерзостей

Служители прикрывались священным сим именем, зная, что сим средством удобнее обольстят народ? От чего же сей путь стал общий всем, ежели б Начало оно не находилось в человеке? Для чего б человеку и при самой неправоте своей искать подкрепления в сем имени, ежели бы не признавал он внутренно, что сие имя мощно и ему нужно; а притом для чего уверять, что истина правит стопами его, если бы не чувствовал он, что они могут действительно ею направляемы быть?

Надеемся, что сих примечаний довлеет к удостоверению читателей наших в том, что необходимо нужно и возможно в течение Причины действительной и разумной во все действия человека, а особливо в познание и делание тех Законов, которыми должно управляемо быть их служение первому Существу, Которого никто чистосердечно не мог не признать.

О наружности Религии

И так когда самое естество их предписывает им Закон никогда не ходить без сей помощи, и когда все доселе начертанные главные положения показывают, что есть возможность получить оную: то явствует, что они не престанут заблуждаться и подвергать себя всяким опасностям, доколе будут действовать сами собою. Но еще виновнее учинятся, ежели объявят себя прочим людям за таких, которые путеводительствуемы истинным светом, а сами не будут точно о нем уверены.

Но сколько бы ни заблуждали они, или сколь бы ни бессовестны были, какие бы ни вводили нелепости в свои установления, касающиеся до Религии, мы теперь уже знаем, как я и прежде сказал, что нельзя из того заключать, что нет ни правила, Ни истины для человека. Но паче должны мы увидеть, что ошибки людей в сем роде могут падать токмо на наружные и на чувственные пункты Религий их, и что, понеже люди ниже первого Существа и ему совершенно подчинены, то все их мнения и все противоречия никогда не могут поколебать его.

О нравоучении

Сие есть первое заключение, которое должно вывести из всего вышесказанного о различии Религии и богослужений. Оно не допустит человека благоразумного и привыкшего проникать сквозь покровы вещей обмануться разнообразностию сих учреждений, ниже поколебаться при всеобщих людских противоречиях. Теперь он должен уже видеть источник оных и не сомневаться, что ежели человек имеет идею врожденную о первом Существе, то надлежит ему иметь и средство неизменяемое и единообразное, чрез которое бы мог засвидетельствовать ему, что знает его и воздает ему достою честь; средство, долженствующее быть единым и также неколебимым, как и самое Существо сие, не смотря на то, что люди ошибаются ежедневно в сущности и того, и другого.

Из сего купно видеть можем, сколь недостойны вероятия те, которые тащтся доказать Религию Наукою о правах, и сколь праведно награждается таковое их тщание худым успехом. Ибо нравственная Наука хотя есть из певрых должностей теперешнего человека, однако не всегда преподаваема была Учителями, столько просвещенными, чтобы можно было ее справедливо употребить к сему; она всегда почти простиралась не далее чувственности телесной, и потому долженствовала разнствовать по местам и по разным

навыкам, на которых человек основывал свою добродетель; сверх того как сия нравственная Наука есть токмо прибавок к Религии, то хотя бы до самого крайнего совершенства доведена была, то и тогда бы употреблять ее за доказательство значило бы сказывать, что истинные доводы неизвестны, но что есть доводы, которые необходимо должны таковыми называться.

О древности религий

Не бесполезным почитаю здесь упоминуть, что в сем случае погрешают нынешние Учения, которые приводят все Законы человека к нравственной Науке, и всю свою Религию к деяниям человеколюбия, или к утешению несчастных в вещественном порядке, сиречь, к сей добродетели, столь естественной и столь незнатной, на которой современники наши хотят соорудить системы свои, и которая, заключая человека в круге дел, совсем страдательных, бывает токмо покровом невежеству и теряет тогда всю свою цену в глазах мудреца. Добродетель сия без сомнения есть в числе наших обязанностей, и никто не должен ни под каким видом пренебрегать ее; но сии учителя не стесняли бы наших должностей в круге деяний временных и чувственных, если бы не уверили себя, что вещи чувственные и человек одного чину и одной природы.

После сего заключения должны мы ожидать второго, которое поможет нам сразить и опровергнуть другое заблуждение Примечателей, относительно к сему же, и которое естественно проистекает из того же источника.

В самом деле, ежели, по их мнению, познание высшего Существа, чтимого ими, равно как и надобности богослужения, не есть врожденное человеку, то происхождение и зачатие установления Религий было бы совсем неизвестно. Весьма трудно было бы узнать, Каким образом, или когда оные выдуманы; ибо в таком случае не было бы для людей иного правила и Закона, как токмо непрестанные превращения Натуры, или побуждения прихотей и воли: следственно, каждая минута могла бы быть эпохою новой Религии, равно как всякую минуту могли бы уничтожаться древнейшие Религии, и опровергаемы быть друг за другом все какие ни есть на земли.

Ежели принять сие предположение, то явствует, что как таковые учреждения были токмо творение слабостей и прибытка, всякий истинный человек не токмо мог бы их презреть, но обязан был бы потреблять все свои силы к истреблению малейших следов их как в себе, так и в своих собратиях.

Но понеже доказано нашими начальными положениями, основанными на естестве человека, Всеобщее основание всех Религий для всех народов, то всяк должен уже удостовериться, что сие чувство родится вместе с человеком; следственно опровергается тем всякое затруднение, в рассуждении происхождения сей идеи о высшем Существом и о должном Ему служении.

О сродстве мыслящих существ

Согласие и сходство идей о сих двух пунктах, Примечаемое у всех народов, суть естественные плоды сего нетленного семени, врожденного во всех людях, которое говорило им во все времена, хотя и то неоспоримо, что люди всегда делали из него нелепые и ложные употребления; то же можно сказать и о единообразности Законов, которую надлежало бы им наблюдать в их богослужении; ибо хотя чрез пагубное следствие их Свободы непрестанно

удаляются они и никогда почти не узнают Причины физической, высшей, поставленной руководствовать сим богослужением, равно как и всеми прочими их деяниями; но скоро увидим, что никогда они не были лишены способности чувствовать ее и разуметь; понеже как скоро привязаны стали ко времени, сия Причина действительная и разумная, которая существенно надзирает над временем, никогда не могла упустить их из виду, и они бы пользовались сим преимуществом, если бы не сами убежали и оставляли ее.

Если желаем вящее убедить себя об отношениях, находящихся между человеком и сими лучезарными истинами, которых блюстителем его признаем, рассмотрим только свойство мысли, увидим тотчас, что мысль, будучи проста, Единственна и непреложна, не может совместна быть, как токмо единому роду Существ; ибо нет ничего общего у Существ разного естества; увидим, что когда человек имеет в себе сию первоначальную идею о Существо высочайшем и о исполнительнице его изволений Причине действительной и разумной, надлежит и ему быть той же Сущности с сим высочайшим Существом и с Причиною, котроая есть посредница между обоими; увидим, говорю, что мысль всем им обще должна принадлежать, а все Существа, немогущие принимать сообщения сей мысли, ниже подать малейший оный знак, непременно должны быть исключены из чину сих Существ, о которых теперь говорим.

Таким образом человек мог бы снискать познание о себе самом, когда бы научился отличать себя от всех Существ страдательных и телесных, окружающих его. Ибо как бы он ни силился вразумить их во уставы правосудия, в познание высочайшего Существа и в прочие вещи принадлежащие мысли его, не увидел бы ни в одном из сих Существ телесных и чувственных никакого знака, Никакого доказательства, что оно понимает его. Все, что может он ожидать, да и то не от всякого животного, что заставит понять и исполнить деяния своей воли, не могли однако вразумить его в причину оных; да и к сему сообщению, чтоб учинить его совершенным, потребно человеку вспомнить природный их язык, коего знание он утратил; ибо поддельные средства, которыми ныне дополняет сей недостаток, суть токмо доказательства его бессилия и того, что великость не состоит в хитрости, но в силе и власти.

Когда же напротив того человек, преставши устремлять свой взор на Существа чувственные и телесные, обращает его на свое собственное Существо, и в намерении познать оное, рачительно употребляет свою способность разумную: тогда понимает он, и так сказать, осязает лучи того света, которого хотя чувствует быть вне себя, но которого также чувствует сходство с собою; новые идеи вступают в него, удивляется он радостно, что они кажутся быть ему нечужды. Но увидел ли бы в них толикое сходство с собою, ежели бы источник их и его не были подобные? Чувствовал ли бы в себе такую радость и удовольствие, взирая на лучи истины, изливающиеся на него, Если бы их и его Начало не имели одинакой сущности?

Сие показывает нам, что, поелику мысль человека подобна мысли первого Существа и Причины действительной и разумной, надлежало быть между ими совершенному соответствию с Начала бытия человека. Когда же подлинно на сей взаимности, находящейся между всяким Существом мыслящим, основаны все Законы, долженствующие направлять человека как в познании сего высочайшего Существа, так и в служении, Ему воздаваемом: то можем теперь видеть ясно, какое должно быть происхождение Религии между людьми, и не столь же ли она древна, как и они сами.

Разность между неведественными Существами

Однако показанное теперь мною подобие между всеми Существами, одаренными мыслию, требует, чтобы я притом заметил весьма важное различие, которое упускает большая часть людей, и от того скитается в густом мраке и подвергается ошибкам, весьма неизвинительным.

В самом деле, когда приписывают люди мысль Существу неведественному, как то человеку, и когда притом услышат от кого, как то и от меня слышали, что Начало Вещества есть неведественное: то хотят, чтобы и сие Начало имело мысль, и не умеют вообразить, чтоб можно было отрицать ее в нем.

С другой стороны, ежели я отнимаю мысль у неведественного Начала Вещества, Недоумеваются, что не должно ли отнять ее также и у неведественного Начала человека; понеже в обоих сих различных Существах мнят они видеть одинакое естество, и следственно одинакие свойства. Но сие есть плод того же заблуждения; для того что не хотят различить двух естеств, столь различных между собою, впадают они в сии великие погрешности. Обратим же их к первым Началам, на которых мы уже утвердились.

Все неведественные Существа происходят посредственно, или непосредственно от единого источника, однако не суть равны. О сем их неравенстве не можем сомневаться; понеже человек, который есть Существо неведественное, признает выше себя Существа неведественные, коим обязан он почтением и уважением, яко зависящий от них; признает, что хотя по своему естеству и по неведественной мысли и подобен он сим Существам неведественным, однако гораздо ниже их, потому что может лишиться употребления своих способностей и заблудиться, когда напротив Существа, господствующие над ним, удалены от сей страной опасности.

Вещества Начало есть неведественное и негиблющее, также как и неведественное Начало человека; но разность между ими есть та, что одно одарено мыслию, а другое не имеет оной; и сие потому, как я недавно сказал, что Существо неведественное человека происходит непосредственно от источника Существ, а неведественное Существо Вещества происходит от оногo чрез посредство.

Не нарушу. Думаю, скромности, ежели скажу, что различает их обоих число, как то после изъяснено будет; но паче надеюсь показать чрез то истинную услугу подобным мне, когда уверю их, что есть Существа неведественные, которые не мыслят. Ибо многие из современных мне Примечателей не почитали себя уже Материалистами, как скоро могли дойти до того, чтоб допустить и признать со мною неведественное Начало в Веществе. Но Материализм состоит ли единственно в несовершенном познании и в несправедливой идее о Веществе и его Начале, и не есть ли паче и не будет ли всегда настоящий Материал тот, который ставит в том же роде и чин неведественное Начало человека разумного и неведественное Начало Вещества.

И так всячески советую не смешивать истинных понятий, Которые есть в нас о сих вещах, и верить, что есть Существа неведественные, которые не мыслят. Сие различие и сия истина долженствует разрешить все затруднения, относительные к сим вещам.

Если однако остается еще сомнение о мысли, которую я представил общею и единообразною во всех Существах, отличных от Вещества и от

чувственности, и во утверждение сего сомнения приведет кто сию столь приметную разность в разумных способностях человеков, что каждой из них столь же неравно снабден сими способностями, как и телесными и чувственными: я согласен с таковым сомнящимся, что в самом деле, судя по всеобщей разности, усматриваемой в разумных способностях человеческих, трудно покажется поверить, чтоб все люди имели равную идею о их Существое, Равно как и о служении, коим обязаны ему.

Но мы никогда и не утверждали, что идеи всех равны в рассуждении сей цели, довольно для нас, что они подобны. Не нужно, да и не возможно, чтобы все люди чувствовали равно свое Начало; но то неоспоримо, что все чувствуют его, и нет ни одного, который бы не имел о нем идеи, какова бы она ни была. Сего признания токмо желаем мы от людей, а прочее довершить есть дело Причины действительной и разумной.

Не удалюсь от моего предложения, ежели поговорю несколько о природной разности, усматриваемой в разумных способностях человека; да и полезно научиться знать, каковы были бы они в первобытном своем происхождении, когда б человек пребыл в своей славе, и каковы ныне, когда он ниспал от оной.

Когда бы человек и удержал при себе все преимущества первобытного своего состояния, и тогда бы без сомнения в разумных способностях потомства каждого человека оказалась разность; ибо как все сии способности суть знаки Начала первого, от которого они проистекают, а сие Начало есть всегда ново, хотя всегда одинаково; то изобразительные его знаки должны служить собою являть непрестанную его новизну, и чрез то показывать его обилие. Но сии разности не токмо бы не произвели в селовеках несовершенства, ниже нанесли бы им печаль и унижение, но никому из них не были бы и приметны; в непрерывном наслаждении своем не имели бы они времени сравнивать их, и хотя бы данные им способности не равной были меры, однако обильного удовлетворяли бы всякого, кому они достались.

Напротив того, в теперешнем состоянии человека, кроме сего неравенств, от первобытного состояния текущих, которым нельзя не быть, подвержен он еще и другим, Происходящим от Законов чувственной страны, им обитаемой; и сие усугубляет трудность употребления первобытных его способностей и тем паче увеличивает разность их. Однако ж, как он не осужден к смерти и ко всегдашнему лишению сих первобытных способностей, стихийная область усугубляет ему токмо препятствия, а он всегда обязан непременно трудиться, чтобы преодолевать оные. Наконец и ныне, как и в первобытном его состоянии, довлела бы мера даров, ему посланных, если бы всегда имел он твердое намерение употреблять их в свою пользу.

Но кому не известно, что человек не токмо не старается обращать сии препятствия к своим выгодам и к своей славе, но умножает оные ложным употреблением своей воли, неправильными рожденьями, неведением вещей, сходственных, ему или противных, в которое он ежедневно углубляется, тако ж множеством и других причин, котрые непрестанно губят в нем сии способности, и столь много безобразят, что почти не возможно и распознать их.

Сим образом человек, постепенно упадая, теряет истинное понятие о принадлежащих ему преимуществах; ощущает в сердце своем некую пустоту, и не зная более истинных своих наслаждений, унижается и ставит себе цену по разностям условным, которые в развращенной токмо воле его существуют, но к которым он потому более прилепляется, что выпустя из рук

единственную свою подпору, не имеет ничего, что бы его подкрепляло.

Однако, не взирая на сии первобытные разности, усугубленные еще или препинаниями, Поставленными человеку в чувственной стране, или порочными его наываками, можем ли мы сказать, что изменилось естество человека, когда уже видели, что и телесные Существа не изменяют оногo, не взирая на то множество перемен, которым собственный Закон их и рука человеческая может их подвергнуть?

Дань, возложенная на Человека

Когда же самая природа и сущность человекoв влечет их признать высочайшее Существо, и показывает, что поелику они привязаны к чувственной стране, надлежит быть чувственному и способу воссылать оному Существо моление: то нет сомнения, что, как бы люди ни заблуждали, Закон для них никогда не может прменяться. Могут они дело свое более продолжить и учинить затруднительнее, как в самой вещи ежедневно и делают по своему ослеплению и неразумию, но никогда не могут избавиться от обязанности исполнять оноe. На одного может быть наложено более, нежели на другого от природы самой, или от собственной погрешности; но тем не менее каждый должен заплатить свою дань; а сия дань со стороны человека не иное что, как чувствование, сознание и справедливое употребление способностей, составляющих его.

И так, сколько б ни обезображен был человек, всегда должны мы находить в нем первый Закон его, понеже естество его есть то же; должны всегда почитать его подобным тому Существо, которое сообщает ему мысль, понеже сия мысль не может находиться соответственно, как токмо между Существами одинакого естества; должны мы, говорю, признать его совокупленным нераздельно с идеею Начала его и с идеею должностей, Привязывающих его к оному; понеже мы согласились, что сии идеи суть общие всем людям; следственно, нельзя отрицать, что они рождаются и непрестанно живут с человеками. Для сего мы отнесли к самому происхождению человека эпоху рождения Религии его.

Заблуждение о происхождении Религии

Какого же уважения стоят те безрассудные и несмысленные мнения, которые сие священное установление производят от страха и боязни человекoв? Как могла от сих слабостей родиться столь высокая идея о путеводителе, который может их просвещать и утверждать их стопы, если бы не было уже сего семени внутри их? Когда же имеют в себе сие семя, для чего приискивать ему иное происхождение?

Нет! нельзя сказать, чтоб устрашительные перемены Натуры родили в человеке сию идею. По большей мере могли они быть средствами возбудить в человеке драгоценные способности, которые столь часто усыплены бывают; но отнюдь не сообщили ему семени сих способностей, Понеже по ним только он и есть человек.

А еще менее они подали ему все просвещение и все знания, нужные к совершенному отправлению должностей, относительных к его Религии и его служению; понеже как скоро человек чувствует в себе недостаток сего просвещения, тотчас же чувствует, что получить оноe может токмо от Причины разумной, которая поколику выше его, то тем паче выше Натуры

вещественной. Но как человек при всей своей бедности и недостатке по естеству своему выше сей самой Натуры телесной, то какой же помощи и какого просвещения от нее ожидать может?

Из сего видно, сколь посредственные плоды всеми переменами стихийной Области могли быть произведены в человеке, и сколь безрассудно искать в них источника сил его и великости.

Чрез сие не утверждаю, как и выше я сказал, чтобы страшные происшествия, которым Натура стихийная подвержена, не были часто возбуждателями способностей разумных, в человеке уснувших, и не приводили ему на память идеи первого Существа и необходимости служить ему.

Я даже соглашаюсь, что человек в скорбном своем состоянии, в которое он часто впадал и которое долженствовало сделаться ужаснее ради всегдашнего невежества, из вещей, рассеянных вокруг его, избрал такие, которые показались ему мощнее прочих, и просил от них помощи противу угрожающих несчастий. Соглашаюсь, что избрав себе сих Богов, воздавал им почтение чувственное и приносил жертвы. Соглашаюсь, что та же ошибка могла быть в разных частях земли в разных видах, по мере большей, или меньшей боязни человека, И сия могла быть причина разнствия между Религиями.

Что же можно из сего вывести противное положением, Мною защищаемым? Не видна ли побудительная причина сих установлений, и не видно ли, сколь мало важен предлог оных? Не явствует ли наконец, что самые установители, не могли утаить немощи своих Идолов, старались подкрепить их размножением числа их, часто отметали их по своей воле и на их места иных поставляли, и также непостоянны были и в выборе средств к умилостивлению их? Но когда бы неподвижное светило направляло намерения их, тогда бы и они сами и дела рук их были безопасны от сих противоречий.

Из сего явствует, что исследователи сего дела излишне распространили свои заключения. Что страх и суеверия в разных местах родили установления Религии, или справедливее сказать, ввели разности в учрежденные уже Религии, несправедливо было бы из сего заключить, что таков источник и всех Религий, и что отсюда человек почерпнул начальные правила и понятия, которые ему суть общи со всеми подобными ему. Однако не невозможное дело показать еще яснее причину сего заблуждения, и открыть ее совершенно.

Не объявил ли я, что человек составлен из способностей чувственных и из способностей разумных? Не надлежало ли из сего понять, что поелику чувственные его способности общи ему со скотами, то он способен к навыкам, также как они; а сии навыки, принадлежа все чувственному, не могут родиться иначе, как помощью причин и средств чувственных же?

Не надлежало ли с другой стороны понять, что разумные способности человека, поелику принадлежат к тому чину, который выше чувственных причин, не могут состоять под начальством сих чувственных причин, и что ради приведения в движение и ради оживотворения их потребно противодействие причины и действителя иного чина, то есть, который бы был одинакого естества с разумным Существом человека.

Здесь находится решение задачи: надлежит различить дела человека чувственные от первых его идей, которые принадлежат разумному его Существому; надлежит рассмотреть, что климат, растворение воздуха и все приключения Натуры вещественной и чувственной, больше, или меньше

важные, могут действовать на нравы, навыки и на внешние дела человека, могут даже по связи его с чувственностью действовать страдательным образом на его разумные способности; но что стечение всех стихийных перемен, какие б они ни были, не могут ему подать идеи о высшей Причине, ниже о главных пунктах, которые мы в нем открыли; понеже, одним словом, все теперь исследуемые нами причины, будучи по своему естеству в чине чувственных вещей, могут действовать на чувственное, и никогда не разумное.

Тогда увидим во всех сих плодах немощи и страха человеческого ложное токмо употребление и безрассудное направление разумных его способностей; но не увидим в них никогда происхождения их. Ибо сии способности разумные когда и действуют над чувственным, то просто токмо приводят его в движение, а не сотворяют оное, хотя они и выше его: кольми паче, когда действует над ними чувственность, Не получают от нее никогда рождения своего, ни жизни, хотя она и колеблет их.

Разумное семя человека Человека

И так мы опять возвращаемся к нашему главному положению, что начатие Религии относить должно к первой минуте бытия человека.

Ежели после таких доводов держащиеся противного мнения еще от него не отстанут и упорно будут утверждать, что человек обрел в нижних и чувственных причинах источник тех понятий и всего просвещения, которых, как мы утверждаем, семя имеет он в себе: то для конечного опровержения их системы довольно спросить у них следующее: ежели, по их мнению, перемены вещественной Натуры дали человекам Религию, то для чего же скоты не имеют своей Религии? ибо они находились при всех сих переменах, также как и люди.

Не остановимся долее при таком мнении, а потщимся паче познать всю цену сего насажденного в нас семени; потщимся, говорю, восчувствовать, что ежели сие драгоценное семя, получа свое природное удобрение, долженствует дать нам неисчетные плоды, то также ничего не произведет, кроме беспорядка и смешения, ежели получит чуждые ему удабривания. Наконец припишем сим ложным удабриваниям недоумения человека, которые показал он во всех своих шагах, которые делал без предводителя своего.

Первая религия Человека

Но я предвижу любопытство моих Читателей о сем природном удабривании, о непреложных содействиях Причины действительной и разумной, которая мною признана за непременно нужный для человека свет; словом, о сей Религии и о сем единственном богослужении, которые, по объясненным мною положениям, привели бы все богослужения к единому Закону.

Хотя уже сказал я, что человек не от подобного своего должен ожидать доводов и свидетельств верных о сих истинах; по малой мере может получить от него начертание их, которое я и намерен ему предложить.

Однако я не скрою от него, какое себе насилие делаю, предпринимая сие. Не могу взглянуть на науку без стыда, видя все что человек утратил, и я желал бы, чтоб никто не узнал от меня того, что я знаю; ибо не нахожу в себе

ничего достойного; для сей-то причины не могу изъяснить сих вещей иначе, как символами.

Религия человека, в первобытном его состоянии, подчинена была наружному богослужению, как и ныне, хотя образ одного был особенный. Главный Закон сего человека был обращать непрестанно взор свой от востока до запада, и от севера до полудня, то есть определять широты и долготы во всех частях вселенной.

Чрез сие получал он совершенное сведение всего, что в ней происходило; очищал от злодеев всю свою область, безопасно делал дорогу путешественникам благонамеренным, и учреждал порядок и тишину во всех государствах, покоренных владычеству его; чрез сие являл он в полномости могущество и силу первой Причины, возложившей на него сей высокий сан; и сие служение было самое достойное, почтительное и угодившее для нее; ибо, будучи по естеству своему едина, не имела она никогда иной цели, как распространить повсюду свою единицу, то есть устроить блаженство всех Существ.

Однако, если бы человек в отпращивании вверенных ему обширных должностей не имел вспомоществования, не мог бы один объять всех ее частей: чего ради имел он при себе служителей верных, которые исполняли его веления с точностию и скоро. Он помыслит, служители читают его изволения, и начертывают их письменами, столь ясными и столь изразительными, которые безопасны были от всякого двоемыслия.

Понеже первая Религия его неизменяема, то хотя и пал он, однако обязан еще к тем же должностям; но как переменил он климат, то надлежало перемениться и Закону, по которому должен отправлять дела Религии.

Вторая религия Человека

Перемена сия состоит в том, что ему сделались необходимыми в богослужении чувственные средства, в котором никогда не должно бы им иметь места. Однако ж как сии средства сами предстают ему естественным образом, то не велик ему труд сыскать их, но гораздо больший дать им силу и употреблять с успехом.

Во-первых, при всяком шаге находит он свой Олтарь; и сей Олтарь всегда украшен Лампадами неугасающими, Которые столь же долго будут существовать, как и самый Олтарь.

Во-вторых, всегда имеет он при себе курение, так что каждую минуту может совершать дела своей Религии.

Но при всех сих преимуществах ужасно подумать, сколько отдален человек от своей меты, сколько еще надлежит ему делать покушений для приобретения возможности исполнять совершенно первые свои должности; да и когда достигнет он сего, останется всегда в невозвратном порабощении, которое будет являть над ним даже до конца жестокость его осуждения.

Сие порабощение состоит в том, что сам собою ничего не может, а всегда должен зависеть от сей Причины действительной и разумной, которая одна только может наставить его на путь, когда от одного удалится, которая одна может поддержать его на оном, И которая должна ныне направлять все стопы его, так что без нее не токмо не может он ничего познать, но даже никаких плодов от своих познаний и собственных способностей получить не может.

О чтении и писании

А притом, не имеет он того, чем во время своей славы владел; тогда читал он самые сокровеннейшие мысли и своих Начальников и подчиненных, и мог следственно по своей воле иметь с ними сообщение. Но в страшном наказании, коему ныне подвергнулся, не может льститься восстановить сие сообщение иначе, как начав прежде учиться писать, счастлив он, когда уже вступает в обучение читать; ибо, есть многие люди, и притом славные своими знаниями, которые проводят жизнь, не читая никогда.

Однако нельзя сказать, чтобы некоторые и не читали, не писали никогда; но сии суть особенные преимущества, а всеобщий закон есть начинать писанием; напротив сего в первобытном состоянии человек мог свободно заниматься всегда чтением. Но как наказание человека должно происходить во времени, то сей Закон времени обязывает его восходить постепенно, хотя то и трудно, но неотменно нужно ради восстановления своих прав и познаний; напротив чего в первом его происхождении ничего медленно не делалось, и каждая его способность соответствовала всегда нуждам его, и тотчас действовала по его желанию.

О Книге Человека

Сии неизреченные преимущества заключались в обладании и разумении Книги бесценной, которая была в числе даров, полученных человеком с его рождением. Хотя сия Книга состояла из десяти только листов, но заключала в себе все просвещение и все Науки о том, что было, что есть и что будет; и могущество человека было тогда столь велико, что он имел способность читать вдруг на десяти листах Книги и обзирать ее одним взглядом.

По низвержении его хотя и осталась при нем сия Книга, но лишился он способности читать ее столь удобным образом, и не иначе может уже знать все листы ее, как один после другого. Однако ж никогда не вступит он в полное обладание своих прав, пока не выучит всех их; ибо хотя каждый лист содержит в себе познание особое и себе собственное, однако все они десять так связаны, что нельзя ни одного совершенно узнать, не познав всех их; и хотя я сказал, что человек не иначе может их читать, как один после другого, но ни один шаг его не будет верен, ежели всех он совсем не прочтет, а особливо четвертого, который служит точкою соединения всем прочим.

Истине сей люди мало внимали, а весьма было нужно им приметить ее и познать; ибо все рождаются с Книгою в руках; и ежели изучение и разумение сей Книги есть точная их должность, то легко рассудить, сколь важно, чтоб не сделать в рассуждении ее ошибок.

Но их нерадение в сем случае дошло до крайности: никто почти из них не усмотрел сего естественного союза десяти листов Книги, По коему они совершенно неразделимы. Иные остановились в половине сей Книги, другие на третьем листе, некоторые на первом, откуда и произошли безбожники, материалисты и деисты; иные ж хотя и усмотрели союз сей, но не поняли того важного различия, которым отделяются листы друг от друга, и увидя, что все они совокуплены, почли их равными и одинакого свойства.

Что же произошло из сего? То, что поставя себе предел на том месте Книги, Которого пройти не имели мужества, и утверждаясь на своем мнении, которое однако из сей же книги почерпнуто, возомнили, что имеют ее всю, а потому возмечав, что не могут уже ошибиться в своем учении, тщились всеми

силами сие доказать. Но отсеченные сии истины, не получая никакого питания, скоро погибли в руках отщепивших их; и у сих несмысленных людей остался токмо призрак Науки, которой не могли они показать за твердое тело и за истинное существо, не прибегнув к обману.

Отсюда-то произошли все те заблуждения, которые в последствии сего сочинения рассмотрим, равно как и те, которые уже мы показали в рассуждении двух противоположных Начал, в рассуждении естества и Законов Существ телесных, в рассуждении разных способностей человека, в рассуждении начальных положений и происхождения Религии его и богослужения.

Мы увидим после, на какую особенно часть Книги пали ошибки; но прежде дополним идею, какую должно иметь о сей несравненной Книге, и опишем разные Науки и разные свойства, которых познание заключается в каждом ее листе.

Первый лист предлагал о повсеместном Начале, или о Центре, из которого непрестанно истекают все Центры.

Второй о случайной Причине вселенной; о двойственном Законе телесном, который поддерживает ее; о двойственном Законе разумном, действующем во времени; о двойственном естестве человека, и вообще о всем, что составлено и создано из двух действий.

Третий об основании Тел, о всех содействиях и произведениях всех Родов. Здесь находится число невещественных Существ, которые не мыслят.

Четвертый о всем действующем; о Начале всех Языков как временных, так и тех, которые вне времени; о Религии и богослужении человека. Здесь находится число Существ невещественных, которые мыслят.

Пятый о Идолопоклонстве и гниении.

Шестой о Законах создания мира временного, и о естественном разделении Круга полупоперешником, или радиусом.

Седьмой о причине Ветров, Приливе и Отливе моря; о Лестнице географической человека; о истинной его Науке и источнике произведений его разумных, или чувственных.

Восьмой о числе временном того, который есть единственное подкрепление, единственная сила и единственная надежда человека, то есть об оном Существе истинном и физическом, которое имеет два имени и четыре числа; поелику оно есть действительно купно и разумное, и поелику действие его простирается на четыре Мира. В сем же листе о Правосудии и о всех властях законодательных, где также содержатся и права Государей, и власть Полководцев и Судей.

Девятый о зачатии человека телесного во чреве жены, и о разделении треугольника всеобщего и частного.

Десятый наконец был путь и дополнение к девяти предыдущим. Сей без сомнения был существеннейший, без которого все прочие были бы неведомы; ибо когда расположить все десять в круге по числительному их порядку, то увидишь, что сей более всех имеет смежности с первым, от которого все истекает; и ежели желает кто судить о важности его, то надобно знать, что чрез него Создатель вещей есть непобедим; понеже он есть ограда, защищающая его со всех сторон, которую никакое Существо прейти не может.

И так, понеже в сем исчислении содержатся все знания, которых может человек желать, и Законы ему предписанные, то явственно, что никакой науки не постигнет, ниже может исполнить своих истинных должностей, не

прибегнув к сему источнику, так равным образом может он быть уверен, что достигнет оно, когда забудет свою волю, и позволит действовать воле Причины действующей и разумной, которая одна должна за него действовать.

И так поздравим его, что он еще может в бедности своей обрести такого помощника; да наполнится сердце его надеждою, зря, что и ныне возможно ему безошибочно открыть в сей драгоценной Книге естество и свойства Существ, причину вещей, истинные и непреложные Законы Религии своей и служения, которое непременно обязан он воздавать первому Существу, то есть, поелику человек есть купно разумен и чувствен; а как нет ничего такого, что бы не было которое-нибудь из обоих; следственно, должен он познать отношения свои ко всему, что существует.

Ибо, когда Книга содержит в себе не более десяти листов, но при всем том заключает в себе все: то нет ничего такого, чтоб не принадлежало по своей натуре к которому-нибудь из сих десяти листов. Почему всякое Существо показывает само свой чин и к которому листу принадлежит. И так каждое Существо подает нам средства познать все, что до него относится. Но дабы направить себя на путь познания, надлежит уметь распознавать Законы истинные и простые, которые составляют естество Существ, от Законов выдуманных людьми на место сих, ежедневно поставляемых.

Погрешность в рассуждении Книги Человека

Обратим взор на ту часть Книги, которая, как я сказал, более прочих употребляема была во зло. Она есть четвертый лист, который, как мы признали, более всех относится к человеку; поелику на нем написаны должности человека и справедливые Законы его Существа мыслящего, равно как и правила Религии его и богослужения.

В самой вещи если бы он следовал точно, постоянно и с чистым намерением всем пунктам, ясно там написанным, мог бы он получить помощь от самой руки, наказавшей его, вознестись над сею развращенною Страною, в которую изгнан в наказание, и обрести следы древней той власти, по силе которой определял он некогда широты и долготы для удержания всеобщего порядка.

Но как с сим четвертым листом сопряжены были столь сильные вспоможения, то, как мы сказали, и заблуждения его в сей части должны быть важнейшие; и в самом деле, если бы человек не пренебрег преимуществ сего листа, то все на Земле пребывало бы еще в блаженстве и мире.

Первое заблуждение человека было то, что переставил сей четвертый лист, и место его занял пятым, на котором написано о идолопоклонстве; понеже таким образом обезобразив Законы своей Религии, не мог получить от них тех плодов и той помощи, какие получил бы, если бы пребыл в истинном богослужении. Напротив сего, получа в награду только тьму, погрузился в нее, так что не возжелал и света.

Таков был поступок Начала, о котором сперва мы сказали, что оно учинилось злым по собственному изволению; таков поступок был и первого человека, таков же и многих его потомков, а особливо между Народами, Приемлющими свой Восток при Юге Земли.

Сие заблуждение, или сие беззаконие не прощается, а подвержено напротив неупустительному и строжайшему наказанию; но простолюдины безопасны от сих заблуждений; ибо шествующие токмо падают, а большая

часть не шествует; однако ж как можно поступить вдаль, не шествуя?

Второе заблуждение состоит в грубом понятии о свойствах, принадлежащих сему четвертому листу, и в том, что почтены они удобными к истолкованию всего; ибо прикладывая их к вещам, с которыми не могут они сходствовать, не возможно ничего обрести.

Кому не известны также худые успехи тех, которые полагают четыре Стихии за основание Вещества, Не смеют отнять мысли у скотов, стараются сыскать сходство между счислением Солнечным и счислением Лунным, которые ищут на земли долготы и квадратуры круга; одним словом, которые ежедневно ищут подобных открытий и никогда не находят удовлетворительных себе успехов, как то мы в продолжении сего Сочинения будем показывать? Но как сие заблуждение не устремлено прямо противу всеобщего Начала, то последователи его наказуются токмо невежеством, и оно не требует очищения.

Есть еще третье, которое состоит в том, что человек при сем своем невежестве возомнил себя быть владетелем священных преимуществ, которые в самом деле четвертый сей лист мог бы ему сообщить; в таковой мысли рассеял между подобными себе составленные им самим несправедливые понятия о Истине, и обратил на себя взоры Народов, которым надлежало бы возводить оные к первому токмо Существо, к Причине физической действующей и разумной, и к тем, которые трудами своими и своими и своими качествами снискали право представлять на Земли лице ея.

Сие заблуждение меньше первого пагубно, но гораздо вреднее второго; понеже оно подает людям ложную и детскую идею о Создателе вещей и о путях, ведущих к Нему; ибо наконец всякий из тех, которые имели столько неразумия и дерзости, что не устыдились так о себе объявлять, учредил особливую Систему, особливое Учение и особливую Религию. Но сии учреждения, и сами по себе и по недостаточному своему постановлению нетвердые, не могли не быть еще более повреждаемы, так что, будучи темны и мрачны с самого зачатия своего, в продолжении времени совершенно открыли свое безобразие.

Происхождение разности религий

Присовокупим страшные злоупотребления познаний, заключающихся в четвертом листе Книги, коей блюстителями родимся; присовокупим происшедший от того беспорядок к тому, что мы заметили о невежестве, страхе и немощи людей, и отложим символы: то и будем иметь изъяснение и происхождение сего множества Религий и богослужений, употребляемых между Народами.

Смотря на сию безобразную их разноту и взаимное противоречие, обличающее несправедливость их, не можем не ощущать к ним презрения; но когда вспомним, что сии разности и сии нелепости падали всегда токмо на чувственное; когда вспомним также, что Человек, по дару мысли своей будучи образ и подобие первого Существа мыслящего, все свои Законы приносить с собою; тогда признаем, что и Религия его равномерно с ним же рождается; что не токмо она в нем не есть следствие примера, упрямства, невежества и страха, который мог быть в нем произведен превращениями Натуры, но что напротив сии-то все причины так часто ее обезображивали и доводили человека к тому, что он стал недоверять своему единственному средству противу зол своих. Тем паче признаемся, что он один страдает от

своих перемен и слабостей; что источник его бытия и путь, коим ему позволено достигнуть к оному, тем не менее пребудут чисты, и что может он твердо уповать обрести точку соединения, которая бы была общая со всеми подобными ему, когда только обратит очи к сему источнику и к единственному свету, могущему его туда препроводить.

Сии-то надлежит нам иметь понятия о истинной Религии человека и о всех тех, которые на земли несправедливо насилии сие имя. Теперь исследуем причину заблуждений, учиненных примечателями в Политике; ибо рассмотрев человека самого в себе и относительно к его Началу, весьма нужно кажется рассмотреть его в отношениях к подобным ему.

Глава V

Сомнительность политиков

Когда рассматриваем человека в политическом его отношении, то подобно как и в предыдущих примечаниях представляет он в двух видах: в первом, каков он мог и должен бы быть в общественном состоянии; а во втором, каков он есть в сем же состоянии. Исследывая со тщанием, каков он должен бы быть в общественном состоянии, научимся судить лучше и о том, каков он есть ныне. Сие сличение есть несомненное и единственное средство открыть ясно таинства, в которых скрывается происхождение обществ, показать основание прав Государей и положить правила управления, по которым государства могли и должны были бы быть содержимы и управляемы.

Политикам, которые больше прочих старались следовать течению Натуры, величайшее было затруднение согласить все общественные Установления с начальными правилами правосудия и равенства, усматриваемыми в них. Как скоро сведения они, что человек свободен, то и вздумали, что он рожден быть независимым, и тотчас судили, что всякое подвластие противно истинной сущности его.

И так в самом основании, по их мнению, всякое Правление есть погрешность, и человек не должен бы иметь над собою иного начальника, кроме самого себя.

Но как мнимая сия погрешность зависимости человека и властвования над ним везде непрестанно встречается их глазам, то не могли они удержаться от любопытства, чтобы не поискать происхождения и причины ее; тогда-то воображение их, приняв самую вещь за ее Начало, пустилось летать по своей воле, и тогда-то Примечатели показали столько же малознания, сколько и в изъяснении происхождения зла!

Они вздумали, что проворство и сила вручили начальство повелителям людей; и что верховная Власть основана токмо на бессилии попустивших себя покорить. Чего ради сие немощное право, не имея никакой существенной твердости, может, как видим, быть колеблемо и попеременно переходить во всякие руки, которые имеют силу и дарования, потребные к завладению оным.

Другим понравилось описать подробно насильственные, или хитрые способы, которыми, по их мнению, основаны государства; они представили нам ту же систему в обширнейшем виде. Таковы суть тщетные умствования

тех, которые полагали побудительною причиною сих учреждений нужды и суровость первых людей, и говорили, что сии необузданные люди, живучи как ловцы в лесах, делали набеги на упражнявшихся в земледелии и скотоводстве, желая пользоваться всеми выгодами их; что потом для удержания своего превосходства, насильем присвоенного, и которое было точное угнетение, сии хищники власти принуждены были учредить законы и наказания. Таким образом кто был хитрее, отважнее и замысловатее всех, остался наконец властелином и утвердил свое господствование.

Но тотчас и видно, что сие не могло быть первое общество; понеже предполагаются уже земледельцы и пастухи. Однако ж таково почти было главное мнение тех Политиков, которые решительно утверждали, что Начало правосудия и равенства не могло никак быть основанием Правлений. К сему то заключению приводили они все свои системы и нужные к подтверждению их примечания.

Некоторые думали поправить сию несправедливость, положа за основание всякого общества общее согласие и единодушное изволение неразделимых, из которых оно составлено, и которые, поелику не сильны были каждый в особенности переносить опасные следствия естественной свободы и независимости подобных своих, принуждены были отдать в руки единого, или нескольких людей, права естественного своего состояния и обязаться соединенными силами подкреплять власть избранных ими начальников.

Принужденное соединение в общежитие

И так, в силу сего добровольного поступления, власть, от него проистекшая, не есть уже, говорят они, неправедная. Потом, основав власть Повелителя на том же согласии, равно как и выгоды Подданных, учредили таким образом политические Тела; остается между ими разность в частных токмо средствах управления, которые могут переменяться по временам и случаям.

Сие мнение кажется быть самое рассудительное и сходнейшее с желаемым естественным понятием о правости Правлений, в которых особы и имение находятся под покровительством верховного Начальника, и в которых сей Начальник, имею целию токмо общее благо, ничем более не занимается, как подкрепляет Закон, долженствующий доставлять оное.

Напротив того, в насильственном соединении зрится токмо образ свирепства гнусного, где Подданные суть жертвы, и где Тиран все выгоды общества, над которым учинился владыкою, единому себе присволяет. О правлении сего рода не стану я много говорить, хотя оно и не без примеров; но поелику не видно в нем никаких следов правосудия, ни рассудка, не может оно согласоваться ни с которым истинным начальным правилом, природным человеку; иначе скопище разбойников надлежало бы назвать политическим Телом.

Добровольное соединение в общежитие

Однако ж не довольно начертать понятие о произвольном соединении людей; не довольно также и того, что в образе Правления, который бы от него произошел, кажется было бы более правильности, нежели во всех учрежденных насильем: надлежит еще рачительно исследовать, возможно ли

сие добровольное совокупление, и не столь же ли мечтательно и сие здание, как и насилем учрежденное общежительство. Сверх того надлежит рассмотреть, что ежели бы и возможно было таковое согласие, то мог ли бы человек законным образом приступить к таковому постановлению.

Посему-то исследованию Политики могут судить о действительности Прав, служащих во основание Обществам; и когда найдутся они недостаточными, легко будет усмотреть, узнавши, в чем они погрешают, какие необходимо должно поставить на место их.

Не требуется великого размышления, чтобы почувствовать, сколь трудно представить себе добровольное соединение целого Народа. Чтобы мнения всех могли быть единогласны, надобно, чтобы все одинаково представляли себе побудительные причинны условия нового обязательства; а сего не бывало и быть никогда не может в той Стране и среди тех вещей, которых основание и предмет есть Чувственное; ибо не должно более сомневаться, что в Чувственном все относительно и нет ничего постоянного.

Кроме того, что надлежало во всяком Члене утушить склонность к любоначалию, или желание быть близким к Начальнику, требуется еще соглашение бесчисленных мнений, которое никогда еще между людьми не встречалось, как о выгоднейшем образе Правления, так и о всеобщей и частной пользе и о множестве других вещей, которые должны составлять Статьи Договоров.

И так не нужно распространять примечания, чтобы согласиться, что учреждение общежительства на свободном соизволении всех членов ни малого не имеет правдоподобия, И чтобы признаться, что не возможно, чтоб было когда подобное общество.

Но допустим возможность сего, допустим сие единодушное стечение всех голосов, И положим, что образ сего Правления, равно как и Законы, приличествующие ему, утверждены общим согласием: остается еще спросить, Имеет ли человек право вступить в такое обязательство, и согласно ли с рассудком полагаться на те обязательства, которые он сам составил.

Из всего сказанного доселе о человеке читатель должен уже знать его столько, чтобы наперед почувствовать, что таковое право никогда не могло быть ему дано, и что сие его Деяние было бы ничтожно излишне. Во-первых, припомним о той Указательнице пути неизменяемой, которую мы признали предводителем его, не упустим никогда из памяти нашей, что все шаги его, которые без ее руководства он делает, бывают сомнительны, понеже без нее человек не имеет света, и она по самой сущности своей поставлена руководствовать ему и начальствовать при всех его действиях.

И так ежели бы человек без соизволения сей Причины, бдящей над ним, вступил в столь важное обязательство, каково есть подчинение себя другому человеку: то он должен в сомнении находиться, соорбазен ли поступок его собственному его Закону, и следственно служит ли к его благополучию; и сего бы довольно было удержать его, ежели б хотя мало внушил он глас благоразумия.

Потом, размыслив прилежнее о своем поступке, не признался ли бы, что не только он подвергается быть обманут, но еще и все главные уставы Правосудия прямо нарушает, уступая другим человекам те права, которыми законно не может располагать, и о которых знает, что они существенно содержатся в руке, долженствующей все за него делать?

Во-вторых, сие обязательство было бы неосновательно и безрассудно потому, что ежели воистину сия Причина, о коей говорим, должна быть ему

всегда и везде путеводительницею, и всю нужную к тому власть и силу имеет в себе, то свосвсем бесполезно употреблять вместо ее иного руководителя. Тем паче должны мы тоже сказать, рассуждая о человеке сходственно с Политиками: немощь, говорят они, и нестерпимая трудность естественного состояния принудила его выбрать себе Начальников и Покровителей. В самом деле, ежели бы сей человек имел силы поддерживать себя, не имел бы нужды в посторонних подкреплениях; а ежели не имеет он сих сил; ежели, потеряв оные, хочет ими поступиться другому человеку: то что же ему даст и где же искать того, что составляет вещество Договора?

И так в самой вещи добровольное общежительства учреждение есть столь же несправедливое и безрассудное дело, сколько и несбыточное; потому что в нем должен человек человеку вручить такое право, которым сам не обладает, то есть право располагать самим собою; и потому, что когда отдает право, которого сам не имеет, то делает договор, ничего незначущий, которому ни Начальник, ни Подчиненные не могут дать никакой силы, поелику не мог он связать ни того, ни другого.

Теперь совокупим все вышесказанное. Ежели насильственное составление общества есть явное свирепство, а добровольное не возможно и купно противно Правосудию и разуму: то где же найти нам истинные Начала правлений? Ибо наконец есть Государства, которые познали их и им следуют.

В сем-то изыскании, как я уже сказал, Политики все свои силы истощают; и ежели то только могли они найти, что мы видели, то справедливо можем утверждать, что они не сделали еще первых шагов к своей Науке.

Ложное заключение политиков

Есть, правда, в них некий тайный глас, побуждающий их согласиться, что какая бы ни была причина составления политического Тела, но Глава его есть непременно блюститель верховной власти и могущества, которое само собою долженствует подчинять ему всех подданных; признают они, говорю, в Государях превосходную силу, которая естественно вселяет почтение и повиновение.

Сие и я за честь себе поставляю вместе с Политиками исповедать пред целым светом; но как не могли они открыть, откуда сие превосходство должно произойти, то не умели сделать себе о том ясного понятия, и для того дальнейшие их заключения ничего им не открыли, кроме лжи и противоречий.

Почему многие из них, не весьма довольны будучи своими открытиями, и не находя способов изъяснить человека в обществе, прибегли к первой своей идее и принуждены были сказать, что ему не надлежало бы быть в обществе; но мы ясно увидим, что сия догадка не более основательна, как и вздуманная ими о средствах, составивших общежительство, и что она есть паче ясное доказательство недоумения и торопливости их Рассуждений.

Об общественности человека

Чтобы решить сей вопрос, стоит только посмотреть на человека. Жизнь его не есть ли цепь непрерывных зависимостей? Самое деяние вступления его в телесную жизнь не являет ли уже знаков подвластности его, к коей осужден он на все время живота? В рождении его не нужно ли действие внешней

причины, дабы зародыша его оплодотворить и возбудить в нем противодействие, без которого он не жил бы? А сие не есть ли то уничижительное подвластие, которое обще ему со всеми существами Натуры?

Как скоро явился он на свет, сия зависимость бывает еще ощутительнее; потому что глаза телесные человекóв суть уже свидетели ее. Тогда в совершенном его бессилии и немощи, подлинно позорной, потребна ему помощь существ его рода и бесчисленные их попечения, дабы не умереть, доколе, достигнув возраста могущего обойтись без них, относительно к нуждам тела, Придет в себя и начнет пользоваться всеми преимуществами и силами своего телесного существа.

Но так устроено естество человека и так расположила Мудрость бдящего над ним Ока, что прежде, нежели достигнет он сего предела независимости телесной. Ощущает иного рода нужду, которая еще теснее связует его с десницею, подкреплявшею младенчество его; нужду, говорю, разумного существа его, которое, начиная чувствовать свое лишение, волнуется и пускается слепо на все, что может возратить ему спокойствие.

В слабом сем возрасте естественно обращает он свое внимание на все окружающее, а паче на тех, котроые, вспоmоществуя ему ежедневно в телесных нуждах, по праву кажется должны быть первыми блюстителями доверенности его. У них при каждом шаге просит он познания о самом себе, и от них только в самом деле и должен оногó ожидать; ибо их дело есть направлять его, подкреплять, Просвещать, сколько позволяет возраст, вооружать противу Заблуждения и приуготовлять ко брани; словом, их долг есть делать над разумным существом его то, что делали они над телом его, когда ощущал он болезни, не будучи в силах ни сносить, Ниже избавить себя от них. Вот без сомнения истинный источник общежития людей, и вот притом картина, могущая показать человеку, какая есть главная должность его, когда он становится Отцем!

Для чего в скотах не находим ничего сему подобного? Для того, что по естеству их не свойственны им таковые нужды; для того, что скот, управляем будучи Чувственным, когда сия нужда не побуждает его, то он ничего более не знает; для того, что потребности тела суть мера всех его способностей; а как скоро сии потребности удовлетворены, то нет у него ни чувствительности, ниже желания; и потому-то нет у него общественного союза.

Да не приведут мне в пример привязанность скотов к своим ли подобным, или к человеку; мы говорим здесь о естественном токмо течении и побуждениях существ; а все, какие могут быть представлены, примеры суть конечно плод навыка, который, как инде мы сказали, может приличествовать и находиться в скоте, как в существе чувственном.

Равно не могут здесь приведены быть в довод те сонмищи Животных, которые живут и странствуют вместе на земле, или в воде, или в воздухе; их совокупляет частная каждого нужда чувственная; но истинной привязанности друг к другу столь мало в них, что одно из них может погибнуть и отстать, а прочие того и не приметят.

И так из примечаний сих о первых летах нашего вещественного бытия видим, что человек не с тем рожден, чтобы жить отделенну от прочих. Видим, Что, когда и телесная его зависимость исполнилась, остается он еще привязан несравненно крепчайшим узлом, понеже оный относится к его собственному существомó; видим, говорю, что ради нужд, неотлучных от настоящего его состояния, будет он всегда искать сообщества подобных себе;

и ежели б они никогда не обманывали его, или ежели сам уже не развратился, не подумал бы удаляться от них, хотя телу его и не нужна уже помощь их.

Следственно, Суетно искан был источник общественности в единых чувственных нуждах и в сем сильном средстве, которым Натура привлекает человека к Существом своего рода ради произведения их; ибо, поелику в сем подобен он скоту, а скот не живет в общественном состоянии: то единое сие средство было бы недостаточно к установлению человеческого общества. Для сего я и говорю токмо о способностях его тех токмо, которыми он отличается, и котрые побуждают его иметь с подобными своими сообщением нравственных дел, откуда надлежит проистекать всякому праведному составлению общества.

Когда в совершеннейшем возрасте человека разумные способности начинают возвышать его над всем видимым, и когда узрит он некоторую светлость в темноте, объемлющей нас; тогда для него рождается новый порядок вещей; не токмо все тогда требует его участия, но еще сколько сие участие долженствует возрастать для тех, которые дали ему вкусить счастье быть человеком, Равно как и для тех, котрым он в свое время может дать вкусить оное?

Чем далее шествует он в поприще жизни, тем более общественный сей союз укрепляется распространением намерений его и мыслей; наконец при приближении старости, когда силы его начнут изменяться, он вступает телом в прежнее немощное состояние, которое было спутником младенчества его, вторично учиняется предметом сожаления других человек, и возвращается паки в зависимость, пока общий всем телам Закон исполнится и над его телом, и скончает течение его. Каких более требовать доводов, что человек не назначен проводить жизнь один и без всякого общественного союза?

Как то и видим, что в сем простом естественном обществе есть всегда существа, Которые дают, а другие, которые получают; что всегда тут есть начальство и зависимость, то есть истинный образец того, каково должно быть политическое общество.

Источник политических заблуждений

Сего-то не рассмотрели те, которые, рассуждая о сих вещах, утверждали, что состояние общественное противно Натуре, и не нашед средства оправдать сие Общество, Ниже согласить его с первоначальными положениями Права естественного, решились послать его во изгнание.

Что касается до нас, которые чувствуем нужду союза и взаимного сношения между людьми, то не приведут нас в сомнительство ложные и неправедные некоторые узы, совокуплявшие их часто в общественное Тело; мы весьма уверены, что человеки не родились бы, каковы они теперь, с сими взаимными нуждами и с сими способностями, обещающими им толикие преимущества, Если бы не было законных средств привести их в силу и получить от них все возможные плоды.

Но как употребление сих средств может только иметь место во взаимном сообщении нераздельных; а сие сообщение, в рассуждении теперешнего состояния человека, подвержено бесчисленным неудобствам; то не будем мы отменять для сего политических Тел, но покажем только твердейшее основание, нежели какое дано им было до сего дня, и начальные правила, более удовлетворяющие.

Но теперь уже должно увидеть, что источник мрачности, в которой

запутались Политики в рассуждении сей материи, есть тот же, который затмевает до ныне понятия у Примечателей Натуры; они, подобно как и сии, смешали Начало с его одеждою, силу условную человека с его истинною силою, и от того все затмили и обезобразили.

О первом владычестве Человека

Сверх сего мы видели, сколь бесплодны были все сии примечания над Натурою, которыми хотели отлучить ее от Причины действующей и разумной, коея содействие и власть необходимо нужны, как то и доказано.

Следственно узнаем, что и Политиков шествие, будучи подобно оным, должно быть равным образом бесплодно; они искали начальных оснований Правительств в человеке отделенном, и не лучше нашли оные, как и Примечатели не нашли в Веществе источника его произведений и всех его содействий.

Как не можно представить себе круга без центра, так и никакая из сих Наук не может стоять без своей опоры; и для того все сии системы не могут держаться о себе, и падают не по иной какой причине, как ради собственной слабости.

Ежели человек по первому своему происхождению назначен был начальствовать и повелевать, как мы сие довольно ясно утвердили; то какое же понятие должны мы себе сделать о его Владычестве в сем первобытном его состоянии, и над какими Существами вручим ему власть? Над равными ли ему? Но во всем, что существует, и что можем себе представить, нигде не видится знака такового Закона: напротив того все нам сказывает, что власть оказываема быть может токмо над нижними Существами, и что самое слово власть необходимо подает идею о превосходстве.

И так, не входя в дальние исследования, на какие Существа простирались тогда права человека, довольно признать, что не могли они простираться на подобных ему. Если бы человек остался в первобытном его состоянии, то без сомнения никогда бы он не владычествовал над людьми, и политическое Общество никогда б для него не существовало; ибо не было б тогда для него уз чувственных, ниже умственного недостатка; единственная цель его была бы действовать с полною силою своими способностями, а не трудиться, как то ныне делает в восстановлении оных.

Когда человек ниспал из сей славы, и осужден стал к несчастному нынешнему состоянию, то прежние права его не уничтожены, но только удержаны стали, и ему оставлена возможность трудиться и доходить собственным старанием до того, чтоб возвратить им прежнюю силу.

Следовательно, мог бы и ныне он управлять, как в первобытном состоянии, не имея однако в подданстве подобных себе. Но сего владычества, о коем говорим, человек не может приобрести и им пользоваться иначе, как чрез те же достоинства, которые тогда сделали его владыкою, и не иначе, как нося древний свой Скипетр, может он возвратить себе по справедливости имя Царя. Таково было первобытное его состояние, которого он еще и ныне может надеяться ради неизменяемой сущности природы его; словом такова была его древняя власть, во время которой, повторяю еще, права человека над другим человеком же неизвестны были; ибо совсем не возможно было, чтобы сии права существовали между двумя равными существами во время славного и совершенного состояния их.

О новом владычестве Человека

Но в состоянии очищения, которому человек ныне подвержен, не только имеет он удобность возратить древнюю свою власть, которою и пользовались бы все человеки, не имея однако в подаднстве своем существ своего рода; но может еще приобрести имное право, о котором не имел он познания в первобытном своем состоянии, то есть право властвовать над прочими людьми: и вот откуда сия власть произошла!

В сем состоянии наказания, в котором человек осужден пресмыкаться и в котором видит только покров и тень истинного света, больше, или меньше сохраняет он воспоминание славы своей, больше, или меньше питает желание возратить оную по мере свободного употребления разумных своих способностей, по мере трудов, уготованных ему от Правосудия, и по мере звания, которое должен он иметь в деле.

Одни попускают себя в порабощение, и падают при бесчисленных камнях претыкания, которыми усеяна сия тина стихийная; другие мужественно и счастливо избегают оных.

И так должно сказать, что кто больше предохранит себя от оных в том меньше обезображена будет идея Начала его, и тот менее удалится от первобытного своего состояния. Когда же прочие люди не употребили тех же стараний, и не имеют ни тех же успехов, ни тех же даров: то явствует, что тот, который имеет пред ними все сии преимущества, должен быть выше их и управлять ими.

О Верховной Власти

Будет он выше их во-первых по самому делу, понеже разнствует от них существенно по способностям и по могуществу, коих сила будет очевидная; сверх того выше их должен он быть по необходимости; понеже они, упражнявшись меньше его и не получа тех же плодов, конечно будет иметь в нем нужду, потому что собственные их способности недостаточны и затемнены.

Ежели сие затемнение в человеке дойдет до развратности, то тот, кто предохранил себя от того и от другого, становится его владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть им и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения Законам Начала его, так и для безопасности и примера общества: он должен употреблять над ним все права рабства и подданчества; права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве.

И так сие есть истинное происхождение временного владычества человека над подобными ему, равно как узы его телесной природы были началом первого сообщества.

Владычество сие не токмо нельзя почитать угнетением и притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею оною подпорою, и самым несомнительным средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так и противу нападений всех его врагов.

Одеянный сим достоинством, поелику не может быть блажен иначе, как придерживаясь крепко тех качеств, которыми приобрел он владычество, старается для собственной пользы устроить блаженство подданных своих. Да не помыслит кто, чтоб сие упражнение было суетно и бесплодно; ибо сей

человек, какого мы здесь изображаем, не может быть таковым, не имея в себе всех средств поступать без ошибки, и не получая от своих изысканий очевидных плодов.

О достоинстве царей

В самом деле понеже свет, освещавший человека в первобытном его состоянии, был неисчерпаемым источником способностей и качеств, то чем ближе человек может к оному свету приблизиться, Тем более должен он распространять свое владычество над человеками, удаляющимися от оногo, и тем более должен он знать, чем может удержаться между ими порядок, и на чем основать твердость Государства.

Помощию света сего должен он иметь возможность обозревать вдруг и с успехом удовлетворять нуждам всех частей Правления, знать твердо истинные начальные основания Законов и Правосудия, уставы воинского порядка, Права Частных людей и свои, Равно как и то множество пружин, которыми движется Государственное Управление.

Также должен он иметь возможность устремлять взор свой и власть свою простирать и на те части Государственного Управления, которые ныне во многих Державах не поставляются главною целию, но которые в том правлении, о котором мы говорим, должны быть крепчайшим узлом, то есть Религия и лечение болезней. Наконец даже и в Художествах, к увеселению ли, к пользе ли служащих, не может он не наставить на путь и не показать истинного вкуса. Ибо светильник, счастливо полученный им, разливая повсюду свет, долженствует ему освещать все вещи и открывать связь оных.

Сие изображение, хотя должно казаться химерическим, однако не имеет в себе ничего несходного с тем понятием о Царях, которое мы найдем в себе, когда захотим исследовать подробно.

Ежели размыслим о воздаваемом им от нас почитании, то не увидим ли, что мы приемлем их за образ и лицо, представляющее Высшую Десницу, и по силе сего сана приписываем им более качеств, силы, свыше и премудрости, нежели прочим человекам? Не с сожалением ли некоторым смотрим на них, как они подвергаются слабостям человечества, и не показываем ли желанья, чтобы они себя не иначе являли, как токмо чрез деяния великие и высокие подобно той руке, от коей почитаем их всех посаженными на Престоле?

Но что я говорю, не под именем ли сей священной власти они являют себя нам и права свои учиняют сильными? Хотя б и не уверены мы были, что ею они действуют, однако не от того ли, что чувствуем возможность сего, рождается в нас некоторая боязнь могущества их, и сие чувство почтения, которое они в нас вселяют?

И так все сие показывает нам, что первое их происхождение есть превыше власти и воли человекoв, и долженствует нас утвердить в предложенном мною понятии, что их источник есть выше тех источников, которые приискивала им Политика.

О науке царей

Что касается до тех способностей и тех качеств, которые, как мы доказали, должны находиться в Царях, возвративших древний свет свой, то о них возвещают нам сами Начальники Обществ; потому что действуют они так, как бы обладали всем, что чувствуем быть им принадлежащим.

Имя их не есть ли печать всех могуществ, которые изливают они в свое Государство? Полководцы, Судьи, Князи, все Государственные Чины не от них ли получают власть? И когда она переходит из рук в руки, даже до последних ветвей общественного древа, то не по силе ли первого ее истечения? Не требуется ли также их соизволения и в употреблении полезных дарований, а иногда и тех, которые к единому увеселению служат?

Во всех сих случаях Государи сами подают нам очевидный знак, что они должны быть средоточием и источником, откуда должны проистекать все сообщаемые от них преимущества и власти: ибо и самое производство сего сообщения и обряды оно всегда показывают, что они суть, или могут быть управляемы в их выборе надежным светом, и что они сведомы о способностях Подданных, которым поверяют часть своих прав. Да и самые сии предосторожности с их стороны, равно как и происходящие от них решения, предполагают не токмо личную в них способность, но суть как бы свидетели ее.

Ибо все разыскивания, назначаемые от Государей в разных случаях, и согласие их, подразумеваемое в рассматриваниях и решениях разных Судилищ их, не должны почитаемы быть за следствия невежества в разных вещах, подлежательных Законоположению их. Сие не значит, будто они не могут узнавать всего сами собою, напротив нельзя не предполагать сего; понеже они сами учреждают сии судопроизводства. Но поелику отправляют они во Временном звание Существа истинного и бесконечного, то лежит на них всеобщее и бесконечное действие, и подобно оному Существу необходимо должны не иначе производить ограниченные и частные действия, как чрез свои принадлежности и чрез орудия способностей своих.

О законности Государей

Если войдем в подробное рассмотрение всех пружин, движущих и содержащих политические Правления, то же самое и в них найдем отношение ко способностям начальников, управляющих ими: отправление Правосудия как гражданского, так и уголовного, хотя и чрез иные, а не чрез их руки, однако ж всегда силою их власти производимое, доказало бы ясно, что могут они иметь средства узнавать права и погрешности подданных, и определять верно пространство и твердость первых, и купно исправление вторых. Попечение их о наблюдении Законов Правления, о непорочности нравов, о твердом хранении Догматов и обрядов Религии, о приведении в совершенство Наук и Художеств; все сие подтверждает нам, что надлежит находиться в них свету обильному, который на все простирается, и следственно которому все известно.

И так не удаляемся от Истины, когда приписываем человеку, обладающему всеми преимуществами первобытного его состояния; и те преимущества, которых ощутительное изображение видим в Царях, и можем праведно сказать, что чрез сие научаемся знать, каков мог бы и должен быть человек и в сей нечистой Стране, обитаемой им ныне.

Не скрою я однако, что, представляя в сем виде Царей и вообще всех Начальников сообществ, в каком я их изобразил, подается повод ко множеству возражений. Как люди привыкли изъяснять вещи самими же ими, а не помощью Начала их, то должно показаться им новостью, что все их права и все власти имеют источник такой, который не принадлежит им более, но который однако так сходен с ними.

О законных правлениях

Почему, не великое имея познание сих Начал, и спросят тотчас у меня, что какой же довод могут иметь Народы о законности Начальников их, и по чему можно судить, что занимающие места оных праведно владеют ими.

Не преступлю, думаю, меры, ежели скажу, что свидетельства сему найдутся очевидные как для самих Начальников, так и для Подданных, которые будут делать праведное и полезное употребление своих разумных способностей, и касательно до сей статьи отсылаю к вышесказанному мною о свидетельствах истинной Религии. Тот же ответ может послужить и на теперешнее возражение: понеже Установление священное и Установление политическое имеют ту же цель, того же предводителя, и тот же Закон, то и надлежало бы им всегда быть в той же руке; а когда они друг от друга отделились, тогда-то оба потеряли из виду истинный свой разум, который состоит в совершенном согласии и единстве.

Второй вопрос может быть сей, что, допуская возможность такого Правления, какое я описал, можно ли найти примеры оного на Земле.

Не поверили б мне конечно, ежели бы я стал уверять, что все Правления учрежденные сходны с образцом, здесь показанным; ибо в самой вещи большая часть их отдалены от оного. Но я прошу подобных мне быть уверенными, что истинные Государи, равно как и законные Правления, не суть Существа воображательные, что были они во всех временах, есть и ныне, и всегда будут; понеже сие входит во всеобщий Порядок, и понеже сие входит во всеобщий Порядок, и понеже наконец сие принадлежит к Великому Делу, которое есть нечто другое, нежели Философический камень.

Третье затруднение, которое может родиться из утвержденных мною начальных положений, есть сие: мы видели, что всякий человек может надеяться возратить потерянный свет, а при всем том и признаю Государей между людьми; ибо ежели каждый человек достигнет меты своего восстановления, кто ж будут тогда Начальниками? Не все ли люди тогда равны будут, и не все ли будут они Царями?

Сие затруднение разрушается тем, что сказано мною о препятствиях, останавливающих столь часто человека в его течении, и которые, умножаясь от его неразумия и ложного употребления воли, столь редко и столь неравно со стороны человека преодолеваемы бывают.

О военном институте

Можно к сему припомнить и то, что я сказал о естественной разности разумных способностей человеков, где можно было заметить, что ежели сравнивать их и в сем едином виде, то всегда останется между ими неравенство, но неравенство такое, которое им неогорчительно, и не уничтожит их; понеже великость их будет в каждом существенная, а не относительная, каковы суть договорная и на произволении основанная.

Сие изображают нам некоторым образом законы установления Воинского, которое из всех творений человеческих наилучше и вернее изображает первобытное состояние, И которое для сего есть благороднейшее из всех Учреждений: хотя не больше справедливо и не больше твердо основание его, как и прочих дел человеческих, ондако для благоразумного человека оно долженствует быть первое по порядку, ежели и включить его в

число предрассуждения; но еще повторяю, оно столь благородно и к столь многим побуждает добродетелям, что почти то и забыть можно, что надлежало бы ему быть истинным.

И так, принимая сие установление за сходнейшее с Началом человека, Найдем, что члены, составляющие воинское тело, почитаются за одаренных и снабденных способностями, нужными каждому по чину его. Они почитаются, каждый в своем классе, достигшими и исполнившими назначенную им цель.

При всем том, хотя все сии Члены неравны, нет безобразия во всеобщей их связи, ниже унижения для каждого нераздельного; понеже каждого должность определена, и не вменяется в стыд быть ниже прочих членов того же Тела, но стыдно быть ниже своей степени.

Притом сии воинские Тела, поелику составлены из неравных Членов, не могут ни на минуту остаться без Начальника; ибо всегда есть один Член, который выше другого.

Если бы сии Тела не были творение рук человеческих, то разности и превосходство членов их ограничены были бы непреложными пределами; и тогда качество и точная цена подлежательной вещи служили бы правилом. Но когда Законодатель не следует путеводительству истинного своего света, и однако же должен действовать, то дополняет он сие, учредя цену и достоинство такое, которое б могло быть легко узнаваемо и определяемо помощью токмо телесных глаз. После различия Степеней следует старшинству распределять права в Телах воинских; и ежели бы где-нибудь не более двух Солдат было, то Закон велит, чтобы старший повелевал.

О неравенстве людей

Сей Закон, хотя и выдуманный, не есть ли указатель справедливости моего положения; и ежели предположить, что все люди вступили во владение своих преимуществ, то, поелику никогда не было бы между ими совершенного равенства, но надобно ли думать, что и тогда бы они имели Царей?

Однако великая была бы нелепость принять сие сравнение по смыслу слов, В Воинских Телах, поелику они суть творения человеческие, нельзя быть иным разностям, как токмо условным: как то и есть, что в них вышний и нижний по природе своей суть одинакого рода; и не смотря на сии столь казистые различия, в самой сущности все они подобны, потому что всегда они суть люди, находящиеся в лишении.

Но в естественном Порядке, если б каждый человек достигал до последней степени своего могущества. То каждый человек был бы Царь. Но как Цари земные не признают других Царей своими Владыками, и следственно не подчинены друг другу: так и в сем случае, если бы все человеки вступили в полное владение своих прав, то ни Владык, ни Подданных людей же, Не было бы между людьми; все они были бы Государи в их Владении. Но сие, повторяю, не в теперешнем состоянии вещей быть может, чтоб все человеки достигли до сей степени величества и совершенства, которая учинила бы их независящими друг от друга; и так ежели с начала сего отриновенного состояния были всегда между ими Начальники, то надобно надеяться, что и всегда оные будут; и сему надобно быть непременно, доколе время наказания совершенно исполнится.

И так надежно утверждаю я на восстановлении человека в первое его Начало происхождение власти его над подобными ему, происхождение

могущества его и всех прав Державствования политического.

Безбоязненно даже уверяю, что сие есть единственное средство изъяснить все права, и согласить множество различных мнений политиков, относительно к сей материи; понеже, чтобы признать одно Существо высшим над Существами того же рода, надлежит искать сие преимущество не в том, в чем оно с ними сходствует, но в том, чем от них отличается.

А как человеки по теперешней их природе осуждены к лишению, то с сей стороны все они сходны между собою совершенно, а разнятся малыми оттенками; и так не иначе могут они надеяться учредить между собою существенные разности, как усиленно стараясь выйти из сего лишения.

О светильниках правлений

Я думаю, что не можно представить собратии моей удовлетворительнейшего начертания Общества, как то, которое мы выше сего утвердили на нуждах телесных человека и на его любознании; а поставить еще над ним Начальника, какого я начертил, есть дополнить и утвердить природную и скрытую во всех нам идею о человеке общественном и о начале Правлений.

В самом деле, в таком обществе видели бы мы повсюду порядок и деятельность, которые составили бы непрерывные утехи и радости для всех Членов политического Тела; видели бы, что и для самых телесных скорбей находили бы они себе облегчение; ибо, как я показал, свет, управлявший зачатием общества, разливался бы и обымал все его части. Тогда среди тленных вещей представился бы величественнейший образ и справедливнейшая идея совершенства; тогда бы восстановился сей блаженный век, коего бытие, говорят, существует только в воображении Пиитов, для того что мы от него удалились, и не зная сладости его, имели слабость поверить, что поелику сей век миновался, то следственно и совсем исчез.

Притом должно сказать, что ежели таков есть Закон, долженствующий связывать и управлять людей; ежели сей есть единственный Светильник, который может, не наруша правды, совокупить их в единое тело: то несомненно, что отступая от него, не могут ничего ожидать, как токмо невежества и всех бедствий, которые неизбежны скитающимся в темноте.

О преданности к Государям

И так ежели следующее рассмотрение о Правлениях, принятых людьми, покажет в них безобразия; то можно заключить, что сии безобразия произошли и есть от того, что удален стал от них сей самый свет, и что основатели политических Тел не знали Начал их, или что преемники попустили испортиться оным.

Но прежде, нежели вступлю в сие важное исследование, должен я успокоить страшливые Правления, которые могут встревожиться моими мнениями, и опасаться, чтоб я, открыв их недостаточество, не уничтожил должного им почтения; и хотя на некоторых местах сей Книги показал я уже мое высокопочитание к особе Государей, равно как и к сану их; однако не неприлично здесь еще повторить сие уверение, дабы убедить всех моих читателей, что мир и устройство есть всегдашняя цель моих желаний; что я всем Подданным полагаю за непреложный долг повиноваться Начальникам,

и что обвиняю без изъятия всякое непокорство и противление, поелику они прямо противны тем правилам, которые намерен я утвердить.

Не можно не поверить сему торжественному объявлению, ежели припомнить то, что я утверждал прежде о Законе, долженствующем здесь направлять человека во всех его поступках. Не показал ли я, что все непрерывные его страдания суть следствие ложного употребления воли его; что употребление сей воли учинилось ложным тогда, как человек оставил своего предводителя, и что, следственно, ежели поступит также безрассудно и ныне, то продолжит свои преступления и усугубит тем свои несчастья?

Я осуждаю всякое противление, даже и тогда, когда бы неправосудие Начальника и Правительства дошло до высшей степени, и когда бы ни который из них не сохранял ни малых следов основания властей своих; понеже сколь ни несправедно, сколь ни гнусно таковое Управление, но я уже показал, что не Подданный учредил себе Законы политические и Начальников, так не его дело и опровергать их.

Но надлежит показать сему причины подробнейшие: ежели зло находится токмо в образе управления, а Начальник сохранил в себе сию силу и сии неоспоримые права, которые предполагаем в нем яко плод подъятых им уже трудов и упражнений: то он имеет в себе все способности нужные, чтобы узнать недостаток Правления и его поправить; и так нет нужды Подданному касаться оного.

Если же есть недостаток и в Правлении и в Начальнике, Подданный же умел себя от оного предохранить исполнением той общей всем людям обязанности, чтоб никогда не удаляться от неизменяемого Закона, долженствующего путеводительствовать людям; то сей последний будет знать, как охранять себя от притеснений, не употребляя к тому насилия; или лучше сказать узнает, не есть ли сие от Высшей десницы посланное наказание; и тогда не осмелится ни роптать, ниже противоборствовать Правосудию.

Наконец, если находится недостаток и в Начальнике, и в Правительстве, и в Подданном, в таком случае не должно спрашивать у меня, что делать; ибо сие не будет уже государственное Правление, но разбойничество; а для разбойничеств нет Законов.

Бесполезно также было бы возвещать в таком неустройстве находящимся людям, что чем долее пребудут в нем, тем более навлекут на себя страданий и болезней; что польза истинного их блага не позволяет никогда неправду неправдою отражать, и что до тех пор будет они угнетаемы бедствиями, доколе не станут стараться покорить свою мысль и волю природному их правилу. Таковые увещания не найдут себе места в сем шумном смятении; ибо они суть глаголы разума, а Существо самовольствующее не рассуждает.

Да не противуполагают мне паки сей трудности в распознавании знаков, по котрым бы можно было каждому разбирать, в порядке ли находятся вещи, или нет, и когда надлежит действовать, или остановиться. Я довольно объяснил, что всякий человек от природы имеет верный способ узнавать законность своих действий; что оный необходимо нужен для твердого определения нравственности всего поведения его, и что следственно, когда недостает ему сей достоверности, то подвергается опасности при каждом своем шаге.

Из сего можно усмотреть, позволяю ли я человеку делать малейшую безрассудность, а тем паче употреблять какое-либо насилие и самовластие.

И так надеюсь, что сие мое признание может удостоверить Государей в безопасности принятых мною во основание положений; не найдут они в них ничего, кроме ненарушимой привязанности к их особе и глубочайшего почитания к священному их сану; найдут, что ежели б и были между ими похитители чуждые власти и тираны, то Подданные их не имеют никакого законного предлога учинить противу них малейшее покушение.

Об обязанностях Царей

Ежели станут когда читать сию книгу Владыки земные, то уповаю, не вздумают, чтоб я предписанием сей покорности к ним увеличивал как-нибудь их власть и самих их освобождал от сей обязанности, по которой они, как человеки, должны подвергнуть свои поступки правилу общему, которому должно бы было руководствовать всеми нами.

Напротив, ежели по силе токмо внутреннего предполагаемого вне их знания и верного наблюдения сего правила, должны они носить титулы Царей; то давать им право отступать от него есть благоприятствовать обману и оскорблять даже самое имя, для которого их чтим.

И так ежели подданный не имеет права отмщать учиненную ими несправедливость, то ем менее они имеют право делать несправедливость; ибо Государь и Подданный, как человеки, имеют тот же Закон; политическое их положение не изменяет в них естества мыслящих Существ; но на обоих прибавляет бремя, и ни который из них не может и не должен ничего сам собою делать.

Я почел за нужное прежде вступления в рассматривание Тел политических сделать сие предварительное объявление, и теперь могу, как думаю, спокойно следовать моему намерению; ибо сколь ни недостаточными окажутся Правления, но не можно уже будет подозревать меня, будто я хочу разорения их: ибо напротив, Все мое стремление и желание клонится к тому, дабы дать им восчувствовать те единственные средства, которые очевидно служат к их благу и совершенству.

О колебимости правлений

Во-первых, надобно думать, что большая часть Правлений не имели основанием того начала, которое я выше сего утвердил, то есть восстановления Государей в первобытный их свет; потому что все почти политические Тела, которые существовали на земле, Миновались.

Сие простое примечание не позволяет нам почти верить, чтоб они имели существенное основание, и чтоб Закон, на котором они основывались, был истинный; ибо как сей Закон, о котором я говорю, По естеству своему имеет силу живую и непобедимую; то все, что им было бы связано, должно бы быть нерушимо, доколе бы те, которые поставлены быть его исполнителями, не отступали от него.

И так, или он худо известен был при зачатии упомянутых Правлений, или по установлении их в последующее время пренебрежен; понеже в противном случае они бы еще стояли.

Да и подлинно сие не противоречит той идее, какую мы в себе имеем о постоянности содействий сего Закона, по тем понятиям, какие есть в человеке о истине, что есть, то не преходит, и пребывание есть для нас доказательство существенности вещей. И так ежели человеки привыкли

почитать Правления преходящими и подверженными переменам, то для того, что поместили их в число всех тех человеческих установлений, которые, поелику основаны на их прихотях и на испорченном воображении, могут колебаться и уничтожены быть иною прихотью.

При всем том, не чувствуя своего противоречия, требовали они от нас уважения к таким установлениям, которых дряхлость и сами признают.

А посему не очевидно ли, что и в самом их ослеплении ощущали они Начало, и видели, что как ни недостаточны, как ни тленны общественные их Установления, однако изображали собою то, которому не должно бы иметь в себе ни одного из сих недостатков.

Сего довольно бы было к утверждению предложенного мною о Законе недвижимом, долженствующим начальствовать во всяком составлении общества: но не смотря на врожденную всем нам о сем Законе идею, конечно не вдруг поверят моим доводам; ибо когда видим все, что Государства исчезают, то как бы очевидно истинною кажется, что не могут они быть долговечными, и трудно уже будет поверить, чтоб были такие, которые не прешли.

О непоколебимых правлениях

Однако ж сия есть одна из тех истин, которую я более всех могу утверждать; и не почитаю за излишнее уверить подобных мне, что есть Правления, которые стоят с тех пор, как человек есть на земле, и которые будут стоять до скончания времени; и сие говорю по тем же причинам, по которым я прежде утверждал, что здесь на земле всего были и будут Правления законные.

И так по правде выводил я, что ежели бы Тела политические, которые уже исчезли от лица земли, основаны были на истинном Начале, поныне были бы еще в силе; что существующие ныне всеконечно минуются, ежели не таковое начало имеют своим основанием; и что ежели от него удалились, то лучшее средство к поддержанию их паки приблизиться к нему.

Чрез долговечность, которую, как я объявил, может иметь Правление, Разумею я долговечность временную; понеже они учреждены во времени. Но хотя б и должно было им скончаться вместе с вещами, однако насладились бы они полностью своего действия, когда бы проложили его до сего предела. Вот чего могли бы они надеяться, ежели б умели подкреплять себя своим Началом!

Не стану я приводить в довод сего тщеславия, с которым хвалятся Правления своею древностию, и стараются свое происхождение относить далее; не упомяну также и о предосторожностях, ими предприемлемых к сохранению своему и долговечности, ниже о сих учреждениях, которые они непрестанно выдумывают с дальновиднейшими намерениями, и от которых не прежде, как чрез несколько веков, можно получать плоды: все сии дела суть тайные знаки собственного их удостоверения, что должно быть им долговечным.

И так, еще повторяю, когда видим, что погасает Государство, то можем безбоязненно увериться, что рождение его было не законное, или что Государи, преемно им управлявшие, не все старались следовать свету сего природного светильника, о котором мы им напоминаем, как о путеводителе, принадлежащем человеку и им.

Ради противной сему причины не время бы еще решить о нынешних

Правлениях, когда бы мы к сей единственно точке устремили наши рассуждения; ибо пока видим, что они стоят, можем почитать их сообразными Началу, на котором бы должно быть им поставленным; а токмо разрушение их откроет недостаточество их.

Но есть другие стороны, с которых надлежит нам рассмотреть их, и которые помогут нам узнать их недостатки и неправильности.

О различии правлений

Второй недостаток принятых Правлений, которого не можем утаить, есть тот, что они разнятся друг от друга. Если бы истинное Начало составило их, то сие Начало, яко единое и непременимое, повсюду бы являлось одинаким образом, и все Правления, произведенные им, были бы между собою подобны. Но как скоро видим в них разности, не можем уже допустить Единства в Началах их, и непременно должны быть некоторые из них незаконно установленные.

Оставляю сии местные разности, которые по обстоятельствам и по непрерывному течению вещей должны ежедневно рождаться в управлении. Понеже самый порядок управления должен быть учреждаем на Начале постановительном всеобщем; то не токмо допускаемые им по временам и местам разности не могут его поколебать, но паче откроют премудрость его и плодоносие.

И так я должен принять в рассуждение коренные токмо разности, касающиеся самого государственного постановления.

Из числа таковых суть разные образы Правления, из которых я представляю токмо два главные, для того что все прочие больше, или меньше к ним же относятся; то есть тот, в котором верховная власть в единой руке, и тот, в котором она во многих вдруг находится.

Ежели предположить, что один из сих двух родов правления сообразен Началу, то надобно думать, что другой противен ему; ибо не сходно с рассудком, чтобы они, будучи столь различны между собою, могли иметь то же основание и происхождение.

Следовательно, не могу я согласиться на сие вообще всеми принятое мнение, которое определяет образ правления по местоположению государства, по пространству и попрочим сего рода рассуждениям, на которых думают утвердить Законоположение, сходственнейшее каждому народу и каждой стране.

По сему правилу постановительное основание государства находилось бы в Причинах вспомогательных, или вторых; а сие совсем противоречит данному выше сего понятию о сей Причине, или о сем Начале постановительном. Ибо яко Началу должно ему господствовать над всем, и всем править. Поелику оно ясно все освещает, то может правда принаравливаться к помянутым мною обстоятельствам; но никогда не должно уступать им столько, чтобы даже изменить свою природу, и производить противоречущие содействия. Словом сказать, сие было бы возобновлять то заблуждение, которое мы уже обличили, когда рассуждали о Религии: то есть, сие было бы искать источника истинного Начала в действии и Законах вещей чувственных, которые напротив отдаляют его и обезображивают. И так еще подтверждаю, что из двух вышеупомянутых образов Правления неотменно должно быть одному недостаточному.

О правлении единого

Ежели б настояли на меня и непременно требовали, чтоб я решил, которому из них отдать предпочтение; то хотя мое намерение есть паче положить и утвердить Начала, нежели давать решения; однако не могу не признаться, что Правление единого без всякого прекословия есть естественнейшее и сходнейшее с истинными Законами, которые выше сего предложил я как существенно принадлежащие человеку.

В самом деле человек в самом себе и от светильника, сопутствующего ему, должен почерпать свои светы и свои знания: ежели сей человек есть Царь, то должности его, яко человека, Не пременяются, а токмо распространяются. И так и в сем высоком сане, обязан будучи тоже дело исправлять, должен всего и ожидать тех же вспоможений.

И так не должен в других членах своего государства искать себе путеводителей; но когда он муж, то будет уметь доволен быть сам собою. Все руки, которые необходимо должно употребит в Управлении, хотя они суть образ Начальника, каждая в своем отделении будет токмо споспешествовать ему, а отнюдь не наставлять его и просвещать; понеже мы признали в нем источник неограниченных властей, которые разливаются во все его Владение.

Следственно, когда можем вообразить, что один человек может вмещать в себе сии преимущества, то весьма бы бесполезно было многим человекам вместе бы начальствовать; потому что в таком положении один столько же может, сколько все прочие.

И так, какие б ни находились выгоды в Правлении многих, я не могу сего образа правления почитать за совершенный; ибо всегда в нем будет недостаток в излишестве; а по природной нам идее истинного Правления не должно быть в нем недостаткам.

При всем том хотя и отдаю преимущество единодержавному Правлению; однако тем не решу, что все имеющие сей образ суть истинны во всей точности Начала; ибо наконец и в самых единоначальных правлениях находятся еще бесконечные разности.

В некоторых Начальник не имеет почти никакой власти; в других имеет беспредельную; в некоторых держит средину между зависимостью и самовластием; нет ничего в них определенного, Ничего постоянного. И потому—то вероятно, что не все единоначальные Правления сим неизменяемым Законом, о котором говорим теперь, управляемы были, и следственно не всех их должны мы принять.

О соперничестве правлений

Но третья и сильнейшая причина, не допускающая нас что-либо сказать о законности всех общественных Установлений на Земле, как тех, в которых един, так и тех, в которых многие начальствуют, Есть сия, что все они вообще суть друг другу враги; но без сомнения сия вражда не имела бы места, ежели бы то же Начало предводительствовало в составлении их общетечение. Ибо как цель сего Начала есть порядок, Как общий, так и частный; то все Учреждения, при которых бы оно начальствовало, имели бы ту же цель; а сия цель не только бы не состояла в угнетении друг друга, но паче в том, чтобы подкреплять друг друга противу природного и общего порока, который непрестанно готовит им разрушение.

Следственно, когда вижу, что они обращают силы свои друг против друга, и столь грубым образом отдаляются от своей цели; то необходимо должен подумать, что в числе сих Правлений нельзя не быть неправильным и порочным.

О праве войны

Знаю, что Политики напрягают все силы, чтобы прикрыть сие безобразие. Они почитают Установления общественные, якобы на подобие творений Натуры учрежденные; потом забыв, что список, а паче в их руках, не может никогда быть равен подлинник, прикладывают и приписывают сим подделанным Телам такую же жизнь, такую же способность и такую же мощь, какою снабдены телесные Существа Натуры; наделяют их такою ж деятельностью, такою ж силою и таким же правом сохранять себя, а следственно и отражать равным образом нападения и воевать противу врагов.

Вот чем оправдывают они брань между Народами, и множественность Законов, учрежденных ради безопасности Государств, как внешней, так и внутренней.

Но Законодатели сами не могут утаить слабости и недостаточества средств, употребляемых ими для удержания сих прав и для охранения политических Тел; видят они ясно, что ежели бы Начало действующее, которое предполагают в своем Творении, было живое, оно бы одушевляло без насилия и охраняло бы без разорения, подобно действующему Началу натуральных Тел.

Об истинных врагах Человека

Но как скоро совсем противное сему бывает, как скоро какие-нибудь Законы Правлений не имеют иной силы, как токмо уничтожать, а не сотворяют ничего; то начальник не находит уже истинного могущества в употребляемом им орудии, и не может не признаться внутренно, чтоб Начало, которое побудило сделать Закон свой, не обмануло его.

А посему спрашиваю: какое же может быть сие заблуждение, как не то, что он сам себя обманул, касательно того рода сражения, которое предлежало ему; что имел слабость вздумать, будто враги его были человеки и составляли политические Тела; что следственно противу сих Тел должно было ему обратить все свои силы и всю неутомимость? А как сия идея есть пагубнейшее следствие тьмы, в которой человек погружен, то не удивительно, что и права, по ее побуждению учрежденные, равномерно ложны, и что потому не могут ничего произвести.

Да не покажется кому странным, что я объявляю, что человек не может иметь истинными своими врагами человеков же, И что по силе Закона естества его воистину нечего ему от них опасаться; ибо в самом деле, поелику признано уже, что люди сами собою не могут учиниться Высшими друг над другом, и все находятся в той же немощи и в том же лишении: то без сомнения, в таковом будучи состоянии, не имеют никакого существенного преимущества над подобными себе; а если и покусятся употребить противу него телесные, какие в них есть, преимущества, как то, проворство, увертливость, или силу; то тот, на кого они нападут, конечно не упустит предохранить себя, когда предастся руководству Закона первого и

всеобщего, которого я каждую минуту представлял в сем Сочинении, яко путеводителя, необходимо нужного человеку.

Но ежели напротив, по силе способностей сего же самого Закона и по силе власти Начала, предписавшего оный, нашел бы человек действительно Высших; то как имеющие сие могущество не употребили бы онога иначе, как для его собственного блага и истинного счастья; явствует, что нечего ему бояться их, и не справедливо было бы с его стороны почитать их за врагов своих.

О трех недостатках правлений

И так человек бывает боязливым с подобными себе от немощи и невежества; от того, что худо понял цель происхождения своего и конец звания своего на Земле; и когда есть, как уже нами и замечено, между разными Правлениями ревнивость и любостяжательное враждование, то мы должны думать, что также сего заблуждения не иной какой источник и не иное Начало; и что следственно свет, начальствовавший при зачатии их общежителства, не имеет всех прав, какие должен бы иметь на нашу к нему доверенность, если бы был таков чист, каков бы должен быть.

Кроме недостатков правоправления, о которых будем после говорить, заметим здесь в Правительствах, рассматривая их самих в себе и во взаимных их отношениях, три существенные недостатка, а именно: колебимость, разнообразие и ненависть, которые в них ясно видимы: по сему единому имел бы я право уверить, что сии общежителства составлены человеческою рукою, и без помощи высшего Закона, долженствовавшего дать им постановительное утверждение; а как сие утверждение пренебреженно, то Правления, которые все им только и могут держаться, ниспали от первого своего состояния.

Но как я поставил себе Закон не решить ни о котором Правлении, то и здесь удержусь еще давать мое мнение, а паче для того, что всякое из сих Правлений может сыскать доводы, дабы защититься от обвинения. Ежели прешедшие державы были ложны, то существующие могут быть не таковы; хотя также и между сими последними усмотрел я во всем почти разность, из чего и заключил, что неотменно есть между ними и худые; однако не одобрил, да и то вообще, токмо Правление многих. И так правление единой особы не подлежит к сему моему мнению.

Наконец, ежели между Правлениями единоначальными нашел я весьма приметную ненависть, или, благопристойнее сказать, соперничество во сем; то каждое из них может противуответствовать, что оно хранит те существенные права, которые должны начальствовать во всяком обществе, и потому за долг почитает остерегаться прочих Государств.

Все сии купно причины всегда будут удерживать меня от того, чтобы дать мое мнение о каком-либо из нынешних Политических Тел; но как при том имею я намерение дать им способ судить самих себя, то представляю им другие примечания, которые помогут им рассуждать о том, что они суть и что должны бы быть.

Теперь обращаю мой взор на их правоправление; ибо чтоб державствование было сообразно истинному Началу, то надлежит правоправлению быть предводиму Законами верными, предписанными истинным Правосудием; если же оно несправедливо и лживо, то державы, употребляющие его, должны выводить свои заключения, законное ли было

Начало и побудительная причина, которым одолжены они своим рождением.

О праве народном

Правоправлению политических Тел подлежит распоряжать две главные вещи: во-первых, права государственные и каждого из членов, что и составляет Право народное и гражданское Правосудие; во-вторых, его дело печется о безопасности общества как вообще, так и частно; сюда принадлежит Война, Полиция и Уголовный Суд. И как каждая из сих ветвей имеет свои Законы, то, дабы удостовериться нам о их правдивости, надлежит рассмотреть, проистекают ли сии Законы прямо от истинного Начала, или они учреждены человеком только одним и притом лишенным своего путевода. Начнем с народного Права.

Я рассмотрю одну только статью из него; понеже она одна довольно покажет, в каком мраке еще погружена сия часть Правоправления, а именно, о чинимых часто Государями променах разных частей Государств своих по их сходствам.

Об изменениях и узурпациях

Спрашиваю здесь: когда подданный присягнул, или почитается присягнувшим в верности Государю; то Государь имеет ли право освободить его от присяги, какие бы ни произошли из того выгоды для Государства? Обычай Государей не требовать согласия жителей меняемых стран не доказывает ли, что прежняя присяга не была свободная, и что и новая такова же будет? Сей поступок может ли быть когда-нибудь сходствен с теми понятиями, которые хотят нам дать сами Законодатели о Правлении законном?

В том Правлении, которого Истину и нерушимое существование я возвестил, сии промены также в употреблении; в принятых Правлениях чинимые суть токмо изображение оных; потому что человек не может ничего изобретать: но производства оных суть отменны, и происходят от таких побудительных причин, которые учиняют праведными все о том приговоры, то есть, что промен здесь свободной и добровольной с обеих сторон, люди не почитаются привязанными к земле и как бы составляющими часть Владения; словом, сущность их не смешивается с сущностию временных владений.

О законе гражданском

Не смею говорить о тех славных насильственных завладениях, по которым разные Правления думают приобретать право собственности на Народов миролюбивых и неизвестных, или и на соседственные и беззащитные страны, единственно потому, что являют противу них свою силу и свое любостязание. Правда, что как все деется во вселенной чрез противудействие, то Правосудие часто попускало Народам вооружаясь для назаня Народов виновных; однако служа взаимно исполнителями его мщениа, они тем усугубляли свои собственные вины и свою нечистоту; и сии ужасные опутсошения, которых столь многие страшные примеры мы имеем перед глазами, может быть менее были пагубны тем, которые были их жертвами, нежели виновникам оных. Приступим к рассмотрению

гражданского Закона.

Я предполагаю, что все права собственности уже утверждены; предполагаю, что раздел земли между людьми законным образом сделан так, как в начале мог быть сделан чрез те средства, которые невежество почло бы ныне мечтательными. В таком положении, когда любостязание, неверность и самая сомнительность произведут споры, кто может решить их? Кто может охранить права, угрожаемые неправдою, и восстановить потерянные? Кто может исследовать течение поколенных наследств и перемен от начального раздела даже до времени происшедшего спора? Но как же отратить толикие затруднения, не имея очевидного познания о законности сих прав, и не будучи в состоянии безошибочно назначить подлинного владельца? Как судить без сей достоверности, и как дерзнуть на решение без твердого удостоверения, что приговор не хищению благоприятствует?

О предписании срока

Никто не может отрицать, что сия неизвестность есть как бы всеобщая; из чего смело можем заключить, что гражданское Правосудие бывает часто неблагоприятно в своих решениях.

Но есть случай, где оно еще виновнее бывает и явно показывает свою дерзость, то есть, когда в крайнем недоумении, в которое часто впадает, Как распознать происхождение разных прав и разных собственности, определяет предел своим исследованиям, назнача время, по истечении которого всякое бесспорное владение учиняется законным; что и называет оно предписанным сроком; ибо спрашиваю я: в случае, когда владение несправедливо приобретено, может ли какое время загладить несправедливость?

Из сего явствует, что гражданский Закон в сем случае сам собою действует; явствует, что он сам сотворяет Правосудие, когда должно бы ему быть токмо исполнителем его, и что чрез то повторяет всеобщее заблуждение, чрез которое человек всегда смешивает вещи с Началом их.

Может быть, довольно бы было и сего одного примера в рассуждении гражданского Правосудия, хотя могло бы оно представить мне многие другие, которые разным образом свидетельствовали бы противу его, как то: сии разности, сии противоречия, которым оно подвержено при всяком шаге, и которые принуждают его в премногих случаях отречься от себя.

О прелюбодеянии

Прибавлю к сему еще то, что есть один случай, где оно совсем открывает свое неразумие и ослепление, и где начальное основание Правосудия, которому надлежало бы всегда направлять течение его, нарушается гораздо более, нежели в опрометчивых его приговорах о простых владениях. Сей случай есть: когда оно ради иных причин, а не ради прелюбодеяния, определяет развод особам, сочетанным браком. В самой вещи, прелюбодеяние есть единственная причина, по которой могут быть законно разведены супруги; ибо оно прямо противоположно союзу, и сим единственно союз уже и есть разорван: ибо на сем соединении безучастном он и был основан. И так когда гражданский Закон последует другим рассуждениям, тогда несомнительно возвещает, что он не имеет первой идеи сего обязательства.

И так не могу не признаться, что течение гражданского Закона весьма

недостаточно, как в том, что касается до особы членов общества, так и в том, что касается до всех их прав собственности: и сие удерживает меня почитать сей Закон сообразным тому Началу, которое должно было бы управлять заведением общежития и принуждает меня признать руку человека вместо той высшей и просвещенной руки, которая бы должна была вместо оной все делать.

Сего довольно о первой части Правоправления политических Тел; но прежде, нежели приступлю ко второй, за приличное нахожу сказать здесь одно слово о Прелюбодеянии, которое мы признали единою законною причиною к разрушению брачных Союзов.

Прелюбодеяние есть преступление первого человека, хотя прежде, нежели он учинил его, не было жен. С тех пор, как они есть, камень преткновения, приведший человека к беззаконию, всегда существует, и сверх того люди подвержены стали Прелюбодеянию плоти так что сие последнее Прелюбодеяние не имеет места, когда не предшествует ему первое.

Предлагаемое мною ощутительное будет, когда представим себе, что первое прелюбодеяние произошло от того, что человек отступил от предписанного ему Закона, и последовал совсем противоположному: Прелюбодеяние же телесное совершенно то же самое повторяет; понеже, как супружество может быть управляемо чистым законом, то оно не должно быть делом рук человека, Равно как прочие его дела; понеже как человек сей не должен сам собою заключать союза, то не имеет права разорвать оный; понеже наконец, Предаться Прелюбодеянию, Есть самовластно отвергать волю Причины всеобщей временной, которая почитается заключившею обязательство, и послушаться такой воли, которой она не одобрила. И так, поелику воля человека всегда предшествует деяниям его, то не может он забыть себя в телесных делах своих без того, чтоб не забыть себя прежде в своем хотении; почему, вдаваясь ныне Прелюбодеянию плотскому, он соделывает вместо одного два беззакония.

Ежели читающий сие одарен разумением, легко может распознать в плотском Прелюбодеянии некоторые яснейшие знаки Прелюбодеяния, содеянного человеком прежде его покорения Закону Стихий. Но сколько желаю, чтобы всяк достиг сего разумения, столько обязанности мои запрещают мне давать малейшее о сем объяснение; сверх того, для моего собственного блага желаю лучше стыдиться беззакония человеческого, нежели говорить об оном.

Скажу только то, что ежели есть люди, которым прелюбодеяние кажется быть ни добро, ни зло, то конечно тем, кои дошли до ослепления Материалистов. Ибо в самой вещи, когда бы человек имел одни чувства, то не было бы для него прелюбодеяния; поелику Закон чувств не есть непреложный, но относительный; то для них должно быть все равно. А как сверх чувств есть в нем способность, долженствующая измерять и деяния чувств; способность, которая является даже в выборе и вкусе, которыми он подслащивает свои развратные утехы: то явствует, может ли человек по доброй совести уверять себя, будто таковые дела ни худы, ни добры.

И так не только не приму я сего развратного мнения, но все мои силы буду напрягать к опровержению его. Возвещу явственно, что первое Прелюбодеяние было причиною лишения и невежества, в которых человек еще погружен; и что сим-то состояние света и сияния пременилось в состояние тьмы и бесчестия.

Второе Прелюбодеяние, сверх того, что усугубляет суровость первого

приговора, подвергает временно человека несказанным неустройствам, жесточайшим мукам и злосчастиям, которых главного источника часто не ведает он и ни мало не опдозревает, что оный столь близок к нему; при всем том однако могут они быть от множества и других причин.

В оном же телесном Прелюбодеянии человек легко может сделать себе понятие о тех несчастиях, которые уготовляет он плоду своих беззаконий, когда рассудит, что сия временная всеобщая Причина, или сия вышняя вол, не присутствует в составлениях, не одобренных ею, а еще менее в тех, которые осуждены от нее; что ежели присутствие ее необходимо нужно всякому бытию, существующему во времени, чувственному ли, разумному ли; то человек лишает потомство свое ее подпоры, когда рождает по незаконному изволению; и что следственно подвергает он сие потомство неизреченным страданиям и ужасному погублению всех способностей Существа его.

О безобразных поколениях людей

Також в первоначальных различных Прелюбодеяниях люди жадные к познаниям обретут изъяснение о всех вырождах Народов, о всех Племенах, которых род столь странного сложения; равно как и о всех уродливых порождениях и неприятного цвету, Коими населена Земля, и которым тщетно Примечатели стараются сыскать место в чине правильных творений Натуры.

Да не представляют мне сих выдуманных красот, которые суть плод привычки, чтимых в разных странах; их судии суть чувства, а чувства могут привыкнуть ко всему. Есть, без всякого сомнения, определенные для человеческого племени правильность, неподвижная и независящая от условия и выдумки народов; ибо тело человеческое устроено по числу. Есть также Закон и цвету его, и сей закон довольно ясно нам показан чрез расположение порядок Стихий в составе всех тел, где соль всегда усматривается на поверхности. И для сего-то разности, от климатов и от образа жизни происходящие, как в виде, так и во цвете тела, не опровергают утвержденного нами начального положения; ибо правильность всего стана человеческого не состоит во взаимной равности величины людей, но в правильном размере частей их.

О стыдливости

Равномерно, хотя и есть оттенки в истинном цвете их, однако есть уставленная степень, коея прейти никогда не могут; ибо Стихии не могут переменять места своего без какого-нибудь действия, противного природному их действию.

И так смело припишем распутству Предков народных все сии телесные знаки, которые суть явные показатели первородного осквернения; отнесем к тому же источнику и загрубелость, в которой целые Народы так заматерели, что потеряли все чувствование стыдливости и срама, и что не токмо прелюбодейство не почитается у них запрещенным, но даже столь мало срамляются они наготы тела, что между некоторыми из них дело Зарождения телесного учинилось всенародным и к религии принадлежащим обрядом. Основывающие на сих примечаниях свое заключение, что будто чувствование стыда не есть природное людям, не заметили того, что примеры их взяты от Народов уродливых; не усмотрел иронии, что чем менее в котором народе видно знаков стыдливости и целомудрия, тем более он

предан чувственному житию, и тем менее знает наслаждаться и действовать своими разумными способностями, так что почти не разнствует от скотов, разве некоторыми остатками Законов, дошедших до него преданием, которые наблюдает только по навыку и подражанию.

Когда же Примечатели напротив того вздумали взять свои примеры от благоучрежденных обществ, в которых уважение брачного союза и стыдливость суть почти плоды воспитания, то еще обманулись в своих рассуждениях: ибо сии общества не научают человека правам истинной природы его, а дополняют сей недостаток наставлениями и чувствованиями подделанными, которые по времени, месту и образу жизни изменяются; почему, ежели у сих благоучрежденных обществ отнять принятую наружность благопристойности, или привязанность, больше, или меньше твердую к правилам воспитания, то и в них может быть найдется в самой вещи не более стыдливости, как и в самых грубых Народах: однако сим никогда ничего не докажется противу истинного Закона человека; понеже в обоих примерах упоминаемые народы равно от одного удалились, одни по недостатку научения, а другие по развратности, так что ни тот, ни другой не находится в своем естественном состоянии.

О двух естественных законах

И так, для разрешения сей трудности надлежало бы обратить взор к сему естественному состоянию человека; тогда видно было бы, что образ тела, будучи весьма несходствен с разумным человеком, представляет ему весьма уничтожительное зрелище; и что если бы человек знал Начало сего образа, не мог бы взирать на него без стыда, хотя однако не все члены тела, из которых каждый имеет свою цель и свое употребление, удобны вселить в него одинакий ужас. Видимо было бы тогда, говорю, что сей человек при едином помышлении о прелюбодеянии вострепетал бы; потому что сим возбудилось бы страшное и горестное воспоминание о том первом прелюбодеянии, от которого проистекли все его несчастья. Но как примечателям рассматривать человека в его Начале? Они не знают, какое приписать ему: какую же доверенность можем иметь к их мнениям?

И так не забудем никогда, что все безобразия и все пороки, которые видим у разных Народов как в теле, так и в мыслящем существе их, происходят от того, что предки их не следовали своему естественному Закону, или что сами оные народы удалились от одного; да не возомнят материалисты, услав, что я говорю здесь о естественном Законе человека, будто я согласен с ними: согласен я с ними в том, чтоб он следовал своему естественному Закону; но мы разнствуем в том, что они хотят, чтоб он следовал естественному Закону скота; а я хочу, чтоб он следовал тому, который отличает его от скота, то есть тому, который освещает и подкрепляет все стопы его; словом, тому Закону, который проистекает от света самой Истины.

О двух прелюбодеяниях

Не забудем, повторяю, что второе преступление человека, или телесное прелюбодеяние, ведет свое начало от первого прелюбодеяния, или от прелюбодеяния воли, коею он в деле своем последовал поврежденному Закону, вместо того Закона чистого, который на него возложен был. Ибо,

когда человек может ныне соделать прелюбодеяние с женою, тем паче может еще, как и в начале, учинить оное без жены, то есть прелюбодеяние умственное; потому что воля человеческая, после первой Причины временной, сильнее всего во времени, и потому что она и тогда, когда нечиста и незаконна, имеет могущества подобно Началу, учинившемуся злым.

Пусть же всяк рассмотрит после сего, должно ли человеку, который находит себя виновником всех вышеупомянутых устройств, быть когда в благополучии и тишине; и может ли он утаить сам от себя, что он обязан Правосудию вящею еще данию, нежели несчастное его потомство?

Те, которые мнят все сие зло исправить, поставая ни во что следствия своих беззаконий, никак не могут чистосердечно утверждать сие развратное мнение; напротив, нельзя им сомневаться, что чрез сие обращают они всю казнь на себя, когда могло бы оную разделять с ними потомство их. Сверх того они тем распространяют меру сей казни; понеже чрез сие незаконное дейние, соединенное притом с телесным и умственным прелюбодеянием, из всех Законов, составляющих сущность человека, ни один не останется ненарушенным.

Не могу я, не нарушая скромности, говорить о сем более; глубокие Истины не всякому зрению сходны: но хотя и не объявляю людям первой Причины всех Законов Премудрости, тем не менее они обязаны исполнить их, понеже они чувственные; а человек все чувственное может познавать. Сверх сего, хотя Рождение и приемлется между людьми за таинство, но тем не менее истинно то, что в человеке есть Закон и порядок оногo, неизвестный скоты, и что права, соединенные с оным, суть наилучшие свидетели великости его, равно как и суть источник осуждения его и бедствия.

О правлении уголовном

Оставим читателей наших размышлять о сем, и приступим ко второй части Правоправления гражданского, то есть, которая бдит над внешнею и внутреннею безопасностью государства.

Мы видели уже, что сия вторая часть имеет два рода дел, и потому два же рода и Законов: первые, касающиеся до внешней безопасности, составляют Законы войны и политические права народов. Но как показал я, что самое основание жития народов и привычка их почитать друг друга врагами, суть лживы; то не могу я положиться и на Законы их, которые они на сей конец себе составили.

Легко со мною согласится, кто рассмотрит непрестанные сомнительства, в которых блуждают Политики, желающие обрести между человеческими вещами твердое основание своим Установлениям. Поелику не ведают они иного начала Правлений, кроме силы, или условия; поелику к тому только и стремятся, чтобы обойтись без единственной их подпоры; поелику желают они отверсть, а упрямо однако отметають употребление единственного ключа, который может доставить им желаемое: то изыскания их и остаются совершенно бесплодны. И сего ради не распространюсь о сем далее того, как что сказано уже мною.

О праве наказания

И так на Законы второго роду, или на те, которые занимаються

внутреннею безопасностью государства, обращаю мои примечания, то есть на часть Правоправления, относящуюся ко Благочинию и к уголовным Законам. Оба отделения с соединяю во едино; потому что, не смотря на различность их видов, оба они имеют целию удержание благоустройства и наказание законопреступлений; почему как то, так и другое одинакое имеют происхождение, и равно проистекают от права наказания.

Но в рассматривании сем расположение мое будет то же, какое было и во всем сочинении: везде я буду искать, сходны ли вещи с их Началом, дабы всяк из того выводил следствия, и научался бы паче сам собою, нежели бы следовал моим рассуждениям.

И так, во-первых, рассмотрю, в чьих руках преимущественно долженствует быть право наказания; и потом, Как обладающий сим правом законным образом употреблять его должен; ибо без всех сих объяснений принимать в руку меч была бы наглость; потому что мог бы он пасть на неповинного, Равно как и на виноватого: да хотя бы и не было опасения со стороны сего неудобства, и хотя бы возможно то было, чтоб удары его отяготели токмо на преступников; то всегда бы оставалось то в неизвестности, имеет ли он право делать таковые удары.

Когда есть Начало высшее, единственное и всегда и везде благое, как то я всеми силами и старался доселе доказывать; когда есть Начало злое, которого бытие также я доказал, которое силится непрестанно противляться действию доброго Начала: то сие уже как бы неизбежно, чтобы в сем умственном отделении вещей не быть преступлениям.

А как Правосудие есть существенная принадлежность сего доброго Начала, то преступления не могут ни единый минуты сносить присутствия его, и наказание следует за ними столь же скоро, как и непременно; что и доказывает совершенную необходимость наказания в сем добром Начале.

Человек в первобытном своем происхождении физически испытал сию Истину, и был торжественно облечен властью наказывать; в чем и состояло его подобие с Началом его: и по силе сего же подобия Правосудие его было верно и безошибочно; права его были существенны и ясно видимы, и никогда бы не изменились, если бы захотел он соблюдать их: тогда-то, говорю, имел он воистину право на жизнь и смерть злодеев Области его.

Но вспомним, что власть сию мог он простирать не на подобных себе, ради того, что в Стране, тогда им обитаемой, нельзя было быть Подданным между подобными существами.

О праве жизни и смерти

Когда же, совлеченный сего славного состояния, повержен был в состояние природы, от которого произошло состояние общежителства, и скоро потом и состояние повреждения; тогда стал он быть в новом союзе вещей, где угрожали ему, и он должен был наказывать новые преступления. Но как и в теперешнем состоянии никакой человек не может праведно присвоить власть над подобными себе, когда собственными силами не возвратил себе потерянных способностей: так равным образом, какая бы ни была сия власть, не может она открыть ему в нем самом права наказывать телесно подобных ему; ибо сего права живота и смерти телесной не имел он над Подданными, покоренными Владычеству его и во время славы своей.

Ежели бы сие могло быть, то надлежало бы падением его расширяться державе его, а ему приобрести новых Подданных. Но не токмо не умножил он

числа их, напротив видим, что потерял власть свою и над древними; видим также, что сей единый вид превосходства над подобными себе может он приобрести, что может возвращать на путь, когда они заблуждают удерживать, когда вдаются беззаконию, или паче поддерживать их, приближая их своим примером и добродетелями к тому состоянию, которым они более не наслаждаются; но не может сам собою принять над ними господствования, которое природа их отвергает.

Источник права наказания

И так тщетно было бы искать ныне в нем принадлежностей Законодателя и Судии. Однако по Законам Истины ничто не должно оставаться без наказания, и сие уже неизбежно, чтобы Правосудие везде разливалось с наиточнейшею строгостию как в чувственном, так и в умственном состоянии. Когда же человек падением своим не только не приобрел новых прав, но и те, которые имел, утратил: то неотменно надлежит искать инде тех прав, которые нужны для поведения его в общежительном состоянии, к коему он ныне привязан.

Но где лучше можем их обрести, как не в сей самой Причине временной и физической, которая заступила место человека по повелению первого Начала? Не она ли в самом деле вступила в тот сан, которого лишился человек своею виною? Не ее ли звание и дело есть не допускать врага оставаться владыкою той Державы, из которой изгнан человек? Словом, не она ли поставлена во светило человеку, да освещает все стопы его?

И так чрез нее единую долженствует ныне производиться и то дело, которое древле имел человек, и то, которое сам на себя возложил, когда пришел населять место, не для него созданное.

Вот что единственно может объяснить и оправдать все течение человеческих уголовных Законов. От общежительства, в котором он по необходимости живет, и к которому он определен, рождаются беззакония; не имеет он в себе ни права, ни силы истреблять оные; и так надлежит необходимо вместо его другой какой причине исправлять сие, ибо права Правосудия непреложны.

Однако, как сия Причина есть выше чувственных вещей, хотя ими правит и начальствует над ними; а наказания человека в обществе должны быть чувственные, каковы суть и самые беззакония: то потребны ей средства чувственные же для возвещения ее приговоров, равно как и для исполнения судов ее.

К сему делу употребляет она глас человека, когда однако учинится он того достойным; ему поручает она возвещать Правду подобным ему, и принуждать их хранить оную. И так не токмо человек по сущности его не есть Владетель меча, мстителя беззаконий; но самое звание его показывает, что сие право наказания находится в иной деснице, коея должен он быть токмо орудием.

Здесь видно, сколь великие преимущества приобрел бы Судия, который бы удостоился быть воистину органом сей Причины разумной, Временной, всеобщей; в ней нашел бы он неложный свет, при помощи которого различал бы безошибочно невинного с виноватым, а чрез то мог бы избыть несправедливостей; надежен был бы его размер наказания с преступлениями, и не падал бы сам он в преступление, стараясь истреблять оное в других людях.

Сие бесценное преимущество хотя и не известно людям вообще, не представляет однако в себе ничего странного, или превосходного пред всеми прочими преимуществами, которых удобопричастным быть человека доселе я показывал; все они происходят от способностей сей Причины действующей и разумной, определенной установить порядок во вселенной между всеми Существами двух натур; и ежели человек посредством ее может удостовериться в необходимости и истине своей Религии и богочитания; ежели может приобрести неоспоримые права, возвещающие его и законно поставляющие выше подобных ему: то, без сомнения, может он надеяться таких же вспоможений и в безошибочном отправлении правосудия гражданского, или уголовного, в обществе, врученном его попечению.

Впрочем все, что я доказывал, изображено и показано в обыкновенном судопроизводстве уголовных дел. Судья не почитается ли как бы забывшим себя, чтоб быть токмо простым делателем и органом Закона? Сей Закон, хотя и человеческий, не есть ли священ для него? Не употребляет ли он всех известных ему средств к тому, чтоб поведение и Приговоры его были беспорочны и чисты, и чтоб, елико Закон позволяет, соразмерять наказание с преступлением; или лучше сказать, не Закон ли самый чаще бывает мерилом оного: и когда Судья соблюдает его, не уверяет ли себя тогда, что он поступил по Правосудию?

О свидетелях

И так сам человек уверил бы нас в точном существовании сего Начала, когда бы мы и не имели другого твердейшего о сем удостоверения.

Но притом еще явственнее видим, что Правосудие уголовное, употребляемое между Народами, в самой вещи есть образ Правосудия, принадлежащего тому Началу, о котором говорим; и что когда оно не на сем Начале утверждается, тогда шествует во мраке равно со всеми прочими установлениями человеческими; от чего последует цепь ужасных несправедливостей и точных смертоубийств.

В самом деле сия обязанность, возлагаемая на Судью, забыть себя самого и собственное свидетельство, а слушать только гласа свидетелей, возвещает поистине, что существуют свидетели, которые не лгут, и что по их-то свидетельствам должен он учреждать свой суд. Но как сии свидетели также должны быть таковы, чтобы нельзя было их подкупить; то очевидно уже, что Закон несправедливо ищет их между людьми, которых невежества и неправды не может не опасаться; потому что в сем случае явно подвергает опасности принять ложь за довод, и сделаться совсем виноватым; ибо Судья ради надежного и правдивого токмо свидетеля должен забыть себя и преобразиться в простое орудие; понеже наконец закон лживый, на котором чаял он утвердиться, никогда не снимет на себя заблуждений его и преступлений.

О власти человеческой

Чего ради и сам Судья важнейшею себе должностию поставляет стараться разыскивать правду в Свидетельстве: но как же может иметь в том успех без помощи сего света, которого ему, яко человеку, назначаю быть единственным предводителем и неразумным спутником?

И так не будет ли то великой недостаток в уголовных Законах, когда не

сей светильник предводительствует ими; и сей недостаток не приводит ли Судию к величайшим злоупотреблениям? Но рассмотрим те, которые происходят от самой власти, которую Закон человеческий себе присвоает.

Когда человеки сказали, что Закон политический принимает на себя отмщать за частных людей, которым тогда запрещает самим собою чинить взыскание: то без всякого сомнения чрез сие дали ему такие преимущества, которые никогда не могут ему принадлежать, доколе будет он оставлен самому себе.

Согласен я однако в том, что сей Закон политический, который некоторым образом может размерять свои удары, содержит в себе некоторое преимущество в том, что мщение его не всегда будет неограниченное, каковым быть может мщение нераздельных.

Но во-первых, может он обмануться в виноватых, а человек не так легко обманывается в собственном своем противнике.

Во-вторых, ежели сие личное мщение, хотя и позволительное в таком случае, когда бы человек одарен был токмо чувственною природою, есть совсем чуждо разумной его природе; ежели сия разумная природа не токмо никогда не имела права телесно наказывать, но еще и совсем ныне лишена всякой власти и никоим образом не может отправлять Правосудия, доколе не возвратит первобытного своего состояния: то без сомнения тот Закон политический, который не будет предводительствуем иным каким светом, будет делать те же несправедливости, под другим только именем.

Ибо, когда человек вредит мне, чем бы то ни было, он виноват по Законам всякого правосудия: когда я сам собою ударю его, пролью кровь, или убью его, я преступаю равно с ним Законы истинной моей природы и Законы Причины разумной и физической, которая долженствовала быть моею путеводительницею. Когда же Закон политический единый заступит мое место для наказания врага моего, то он заступит место человека, повинного в крови.

Тщетно будет возражение, что каждый гражданин по силе общественного договора подвергнул себя, в случае законопреступления, наказаниям, присуждаемым разными Законами уголовными; ибо ежели люди не могли законно учредить политических Тел на едином своем условии, как то выше доказано; то гражданин не может вручить согражданам своим права наказывать себя, понеже истинная природа не дала ему оногo, и понеже договор, мнимо учиненный с ними, не может распространить сущности, составляющей человека.

Скажу, может быть, что сие действие мщения политического не почитается произведенным от человека, но от Закона: я отвечаю, что сей политический Закон, лишенный своего светильника, есть не иное что, как простая воля человеческая, которой и самое единодушное согласие не прибавляет власти. А посему, когда действовать насилием и по собственной воле есть беззаконие для человека; когда проливать кровь есть беззаконие же для него: то единогласное изволение всех людей, живущих на земле, никогда не может оногo загладить.

Чтобы избегнуть сего камня преткания, Политики чаяли обрести наилучший способ, представив виновного яко изменника, а посему и яко врага всего общественного Тела: тако поставя его в военное состояние, мнят, что смерть его есть законная; понеже как политические Тела, по их мнению, составлены по образу человека, то подобно ему они должны печься о своем сохранении. И так, по силе сих правил, верховная власть имеет право

обращать все свои силы противу злодеев государства, умышляющих зло на него, или на его членов.

Но во-первых, нетрудно приметить недостаток такового сравнения. Когда разобрано, что в сражении человека с человеком действительно человек сражается: напротив того о войне между народами нельзя сказать, что Правления сражаются, поколику они суть нравственные существа, коих действие Физическое есть воображательное.

Во-вторых, кроме того, что война между Народами, как я уже показал, не занимается истинным своим делом, самая цель ее не есть истреблять людей, но только не допускать их вредить: никогда не должно на войне убивать неприятеля, как токмо в случае невозможности покорить его; и между Воинами всегда славнее победить Народ, нежели истребить.

Но превосходство силы целого Государства противу одного виноватого столь очевидно, что и право и слава умертвить его почти в ничто обращаются.

Сверх того, сие мнимое право не сходно ни в чем с правом войны; потому что в сей каждый солдат в опасности и смерть каждого неприятеля сомнительна; напротив того, казнь сопровождается весьма неравным с обеих сторон ополчением. Сто человек вооружаются, собираются вместе и равнодушно идут на истребление одного из подобных себе, которому даже не позволяют употребления сил его; да и при всем том хотеть, чтоб простая власть человеческая была законною, та власть, которая ежедневно может быть обманута, та, которая столь часто делает несправедливые приговоры, та, которую наконец развратная воля может превратить в орудие злодейского убийства.

Нет! без сомнения есть в человеке иные правила: ежели некогда бывает он органом высшего Закона, дабы провозглашать вещания его и дабы располагать жизнью человеков, то сие чинит он по праву почтенному для того, и которое может купно научить его шествовать по правде и справедливости.

Желает ли кто еще лучше судить о его нынешней непричастности помянутого права, то пусть помыслит токмо о древних правах его. Во время славы его имел он полное право на жизнь и смерть бестелесную; понеже, наслаждаясь тогда самую жизнь, мог он по изволению сообщать ее своим подданным, или отнимать ее у них, когда благоразумие его находило сие нужным; и как они присутствием его токмо и могли жить, то имел он силу, единственно отлучась от них, умертвить их.

Ныне имеет он токмо искры сей первой жизни; да и не в пользу древних своих подданных, но только в пользу подобных себе может употреблять их.

Что касается до сего права живота и смерти телесной, о котором теперь говори, то можем удостоверять, что оно еще менее принадлежит человеку, когда рассмотреть его в самом себе и в теперешнем его состоянии. Ибо может ли он назваться обладателем и распологателем сей телесной жизни, которая дана ему, и в которой он участвует обще со всем своим родом? Имеют ли нужду подобные его в его помощи для дыхания и провозждения жизни телесной? Воля его и даже все силы его имеют ли столько мощи, чтобы сохранить их бытие, и не всеминутно ли видит он, как Закон природы свирепствует над ними, бессилен будучи остановить его течение?

Також, имеет ли он власть и силу, в нем пребывающие, которые бы могли вообще отнимать у них жизнь ко его воле? Когда развратная воля и побуждает его мыслить о сем, то как велико расстояние между сим

помышлением и самым беззаконием, долженствующим исполнить оное! Сколько препятствий, сколько трепета между намерением и исполнением! Не видим ли, что приуготовление его к нападениям никогда почти не отвечает в полности намерению его?

О праве исполнения казни

И так праведно скажем, что по простым Законам телесного существа своего человек должен везде находить сопротивление; чем и доказывается, что сие телесное существо не дает ему никакого права.

В самом деле, не довольно ли ясно видели мы, что телесное существо имеет жизнь вторичную, зависящую от другого Начала; следственно, не явствует ли, что всякое существо, которое не имеет ничего более, есть также зависимо, и следственно столь же бессильно?

И так не в телесном человеке, повторяю, взятом в точном смысле, можем признать оное существенное право жизни и смерти, на котором основывается истинная власть; и сим подтверждается то, что сказано о источнике, в котором человек должен ныне почерпать таковое право.

Еще менее в человеке найдем право исполнения казни; ибо если бы не употреблял он насилия и не вспомоществуем был чужими силами, то редко удавалось бы ему погублять злодея, разве прибегнул бы к обману и хитрости; но сии средства никак не показывают истинной власти в человеке.

При всем том исполнение Законов уголовных необходимо нужно, чтоб Правосудию не быть бесполезным; и еще скажу, что оно и неизбежно. И так, понеже право сие не может нам принадлежать, то должно вручить его, равно как и право судить, деснице, долженствующей нами предводительствовать. Она-то дарует истинную силу естественному оружию человека, и она приведет его в состояние исполнять приговоры Правосудия, не подвергая чрез то самого себя осуждениям.

По крайней мере таковые средства употреблены были истинными Законодателями, хотя оные показаны нам в Символах и Аллегориях. Может быть употребляли они и руку подобных себе к производству видимого наказания преступников, дабы чувственными изображениями поразить взор управляемых ими грубых народов, и дабы наложить покров на тайные пружины, которые управляли исполнением казни.

Я говорю сие тем с большею надежностью, что известно, что сии Законодатели употребляли тот же покров и в простом изложении своих гражданских и общественных Законов. Хотя оные были творение руки надежной и высшей; однако более говорили чувствам, дабы не осквернить своей Науки.

Но в Законах уголовных они представили чувственную картину с крайнею строгостию, дабы покоренные им Народы восчувствовали, колико строго истинное Правосудие, и уразумели бы, что малейшее деяние, противное Закону, не может остаться без наказания. В сем-то намерении некоторые из них определили наказания даже и скотам.

Об отношении казней к преступлениям

Все сии примечания уверяют нас паки, что человек в себе не может найти ни права осуждать подобного себе, ни права произвести в действие осуждение.

Но когда бы право сие и действительно сродно было тем людям, которые правят, или которые обязаны судить уголовные дела в Правлениях, так как все в том уверены; то остается еще решить труднейший вопрос, то есть, какое найдут они необманчивое правило, дабы производить суды и налагать наказания праведные, размеряя их точно с пространством и свойством преступления? Во всех сих вещах уголовное Правосудие слепо, сомнительно и всегда почти руководствуется или господствующим предрассудком, обываем, или волею Законодателя.

Есть Правления, которые, почувствовав глубокое свое невежество, чистосердечно в оном признались и требовали советов от людей, просвещенных в сем деле. Похвально их усердие, что отважились на сие, но смело уверяю их, что тщетно будут ожидать удовлетворительных познаний, доколе будут искать оных во мнении и разумении человека, и не возымеют столько отважности, или решимости, чтобы идти самим почерпнуть их в истинном источнике.

Ибо славнейшие Политики и Законоискусники не объяснили еще сего затруднения; они приняли Правления такими, каковы они есть, согласились с общенародным мнением, что основание их действительно и что наука и право наказания находится в человеке; потом истощили все силы свои в изысканиях, как бы соорудить твердое Здание на сем основании; но как нельзя сомневаться, что они строят на произвольном только предположении, то явствует, что Правления, желающие научиться, должны прибегнуть к иным Учителям.

Не решу я, какие наказания соответствуют каждому преступлению; напротив, по моему мнению, невозможно отнюдь человеку в сем случае положить что-либо твердое; ибо как нет ни двух преступлений, равных между собою, то и определить им одинакое наказание есть без сомнения несправедливость.

О уложениях на уголовные дела

Но простой смысл человека должен по малой мере научить искать преступнику наказания в самой той вещи и в том чине вещей, которые им повреждены; а не брать их из иного отделения вещей, которое, не имея никакого отношения с подлежащим преступлением, будет также повреждено, а преступление от того не загладится.

Вот почему Правосудие человеческое столь слабо и столь много недостаточно; ибо иногда власть его ничтожна, как то в самоубийстве и в преступлениях, скрытых от него; иногда она действует с нарушением соразмерности, которую должно бы везде наблюдать, как то бывает во всех телесных наказаниях, определяемых им за беззакония, устремленные не на лица, но токмо на владения.

Когда же оно кажется будто и наблюдает сию соразмерность и показывает с сей стороны некоторое просвещение, и тогда еще бывает весьма недостаточно в том, что весьма малое число имеет наказаний во всяком чине вещей, а преступления во всех их бесчисленны и всегда различны.

Вот для чего также уголовные Законы писанные суть величайший недостаток государств; потому что сии Законы мертвы и остаются всегда одинаковы, а преступление возрастает и обновляется ежеминутно. Равновесное воздаяние совсем почти из них исключено, да и действительно

никогда почти не могут они выполнить по-человечески всех условий оного, и потому, что не ведают всех обстоятельств преступлений, или и потому, что хотя и знают их, но недовольно обильны сами в себе, чтобы производить всегда истинное врачевание столь многих и разных зол.

Что ж такое уголовные Уложения, ежели не находим в них сего равновесного воздаяния, которое есть единый правдивый Закон наказания, единый, который надежно может учреждать стопы человека, и который следовательно, поелику не мог произойти от человека, Есть необходимо творение руки мощной, коея разум знает размерять наказания, и распространять, или стеснять, смотря по надобности?

О пытках

Не остановлюсь я над сим варварским обычаем, по которому Народы не довольны что обвиняют человека слепо, но делают над ним пытки, чтобы вымучить из него Истину. Сие более всего возвещает немощь и слепоту Законодателя; ибо если бы пользовался он истинными своими правами, не имел бы нужды в сих ложных и жестоких средствах к учреждению судов своих; понеже тот же свет, который вручил бы ему власть судить подобного себе и исполнять свои приговоры и отнял бы ему свойство должных наказаний, не допустил бы его заблуждать и в рассуждении рода преступлений и в рассуждении имен преступников и сообщников.

Слепота законодателей

Но еще явственнее оказывается бессилие и слепота Законодателей в том, что определяют они смертные казни преступлениям, падающим токмо на чувственное и временное; а вокруг их содеваются иные беззакония, касающиеся вещей гораздо гораздо важнейших, и всегда закрыты остаются от их взора. Я говорю здесь о тех юродливых мнениях творящих человека существом материи; о тех развратных и пагубных учениях, которые отнимают у него даже чувствование стройности и блаженства; словом, о тех заразительных Системах, которые, распространяя гнилость свою даже в его собственное семя, умерщвляют оное, или делают совершенною заразою, и по мнению которых Государь царствует над подлыми машинами, или над разбойниками.

О ложных приговорах

Довольно сего о недостаточестве Правоправления; заключим сие, напомянув повелителям и судиям, сколь многим подвергаются они неправдам, когда действуют по неизвестному и не удостоверяясь о законности своих поступков.

Первое из сих неудобств есть то, что они подвергаются опасности осудить невинного. Зло, из сего проистекающее, не может никак оценено было от человека; понеже оно большею частью зависит от вреда, больше, или меньше важного, терпимого осужденным, относительно к тем плодам, которые бы мог он получить от разумных своих способностей, когда бы оставался долее на земле; и относительно к тому унылому чувствованию, которое должна в нем произвести казнь поносная, жестокая и неожиданная.

Как может судия оценить все пространство всех сих зол, ежели не будет иметь некогда горького чувствования своей безрассудности и заблуждения? И как же может удовлетворить Правосудию, ежели не подвергнется строгому его наказанию?

Второе неудобство состоит в том, что определяется преступнику не то наказание, какое принадлежит его преступлению. В сем случае смотри, какую цепь зол уготовляет безрассудный судия и своей жертве, и себе самому:

Во-первых, определяемая оная казнь ни мало не освобождает виноватого от той казни, которую назначило истинное Правосудие. Но то еще злее, через сие она учиняется паче неизбежною; ибо без сего скоропостижного осуждения может быть истинное Правосудие оставило бы виноватому время на очищение своей погрешности раскаянием; и сколь оно ни строго, может быть все наказание свое положило бы в едином раскаянии.

Во-вторых, когда легкомысленный и слепой Приговор человека отнимает у преступника время раскаяния; то жестокость казни отнимает у него силы и доводит его к тому, что он в отчаянии теряет драгоценную жизнь, коея употреблением правильным и пожертвованием благовременным могли бы загладиться все его преступления: тако возлагается на него вместо одного два наказания, из коих первое не токмо не загладит ничего, но может, напротив, привести его к умножению неправд и учинить второе неизбежным.

И так ежели Судия захочет рассмотреть прилежнее самого себя, то не может не вменить себе в неправду первого наказания, которое от насильственного убийства разнствует только наружным видом; потом должен он принять также на себя и все пагубные следствия, происшедшие от его дерзости и несправедливости, как мы сие показали. Да помыслит же он теперь о себе и да рассмотрит, можно ли ему быть мирну с самим собою.

Права истинных Государей

Оставим сии ужасные позорища, и потщимся паче всеми силами привести Владык земных и Судей к познанию истинного их Закона и ко упованию на тот свет, который определен быть путеводительным светилом человека; удостоверим их, что если они чисты, то гораздо лучше наведут трепет на злодеев своим присутствием и своим именем, нежели виселицами и эшафотами; удостоверим их, что сие есть единственный способ разгнать всю сию мглу, В которой, как мы видели, сокрыты происхождение Владычества их, причины рождения Общежителств политических и Законы Правления гражданского и уголовного их держав; побудим их взирать непрестанно на то Начало, которое представлено им, яко единственный Путеводитель их поступок и единственное мерило власти их.

О лечении болезней

Дабы увеличить понятие, какое о нем Государи должны иметь, Покажем им теперь, что сие же самое Начало, от коего долженствуют они ожидать толиких вспоможений, может такожде сообщить им тот могущественный дар, который вмести я в число преимуществ их, сие есть исцелять болезни.

Когда сия Причина всеобщая временна, поставленная управлять человеком и всеми Существовами, живущими во времени, есть действующая купно и разумная; то нет сомнений, что она все части наук и познания

объемлет; а сие довольно уже показывает, чего должен надеяться от нее тот, кто управляет ею.

И так не впадаем в заблуждение, когда скажем, что Государь, ежели будет предводительствуем сим светом, познает истинные Начала Тел, или три главные Стихии, о которых рассуждали мы в Начале сей книги; что будет уметь различать меру действия их, оказывающегося в разных Телах по возрасту, полу, климату и по другим естественным отношениям; что будет понимать особенное каждой Стихии свойство, равно как и долженствующее всегда царствовать между ими взаимное отношение; и что, когда оное расстроено, или истреблено будет, когда стихийные Начала устремятся преодолевать друг друга, или разделяться между собою; то тотчас и без ошибки увидит средство к восстановлению порядка.

И сего ради врачебная наука заключаться должна в сем простом, единственном, а следовательно и всеобщем правиле: собирать, что разделено, и разделять, что собрано. Но коликим беспорядкам и коликим осквернениям сие почерпнутое в самой природе вещей правило подверглось, переходя чрез руки людей! Ибо малейшая степень разнствия в употребляемых ими средствах и в действии лекарств производит следствия совсем противные, нежели каких они ожидают; потому что смешение сих главных Начал, которые числом суть только три, изменяется и разнствует столь многообразно, что не возможно никак обыкновенным глазам следовать за всеми их переменами, и потому, что в таковых составах одно Начало часто получает отменные свойства, соответственно роду устремляющегося на него отражательного действия.

Три Стихии, три болезни

Ибо хотя известно, что огонь везде разлиян, как и прочие две Стихии; однако и то ведаем, что внутренний огонь творит, вышний дает плодоносие, а нижний пожирает. То же можем сказать и о солях: внутренняя возбуждает закисание, вышняя сохраняет, а нижняя съедает. Самый Меркурий, хотя всеобщее свойство его есть занимать среднее место между обоими упомянутыми сражающимися Началами и их примирять, однако самый Меркурий, говорю, в премногих случаях, собрав их вкупе и заключа во едином круге, учиняется виновником величайших неустройств стихийных, и купно представляет образ всеобщего неустройства.

Коликое тщание, коликая предосторожность потребна к распознаванию свойства и действий сих разных начал, которые своею смесью еще более облакаются в разные виды, нежели по природным своим свойствам? Но не взирая на сие бесконечное множество разностей, примечаемых в преобразованиях Существ телесных, просвещенный взор, каковый должен быть Государя, не потеряет никогда из виду своего правила; разности оные будет он приводить всегда к трем родам, следуя тройному числу главных Начал, из которых они проистекают, и следственно признает он три только болезни; и также узнает, что сии три болезни должны иметь знаки столь же приметные и столь же ясные, сколько приметны и ясны три главные Начала, когда они в своем действии и в первобытном свойстве находятся.

Сии три рода болезней относятся к главным Веществам, составляющим животное тело, то есть к крови, кости и к плоти, которые все три части относительно каждая к одной из Стихий, от которой происходит. И так сими же Стихиями могут они врачеваны быть, как то: плоть исцелится солью,

кровь серую, а кости Меркурием, при наблюдении потребных к тому приутовлений и умерений.

Болезни кожи

На примере известно, что болезни плоти и кожи происходят от сгущения и порчи соляных отседков в волокнистых сосудах, где они могут сделаться недвижимым от быстрого и внезапного действия воздуха, равно как и от весьма слабого действия крови. И так весьма естественно употреблять противу сих застоявшихся и испорченных жидкостей такую соль, которая бы их разделяла, не вгоняя опять туда; съедала бы их на том же месте, не возвращая в состав крови, которой могли бы они сообщить свою гнилость. Но хотя сия соль есть самая обыкновенная между производимыми натурою, однако должно признаться, что она еще, так сказать, неизвестна человеческой врачебной науке, и для того-то сия так мало и успела в излечении упомянутого рода болезней.

Болезни костей и крови

Во-вторых, в болезнях кости Меркурий должен быть употребляем с великою умеренностию; потому что он сильно связывает и стесняет прочие два Начала, подкрепляющие жизнь всех тел, и потому что он, связывая преимущественно серу, бывает разрушителем всякого возрастания как земного, так и животного. И так благоразумие часто требует давать токмо свободу врожденному в теле человеческом Меркурию действовать; ибо действие сего Меркурий, согласуясь с действием крови, не возрастает больше одного, но связывает кровь столько, чтоб не допустить ее ослабеть и разлететься парами, а не утушает ее. Почему Натура в сем случае ясное и силою и без всякой помощи чуждого Меркурия.

Что ж принадлежит до болезней крови, то в них сера гораздо с большею осторожностію должна быть употребляема; ибо, поелику тела больше летучи, нежели недвижимы, умножать в них серное и огненное действие есть делать их более летучими. Человек, истинно знающий, никогда не употребит сего лекарства иначе, как с величайшею осторожностію, тем паче, что ему известно, что когда коренная влага повреждена, то одна грубая влага никак не может ее поправить; и для того присоединит он к ней самую коренную влагу, Почерпнув оную в источнике, который не весь находится в мозжечке костей.

О Фармацевтике

Кстати при сем скажем, что сия есть причина часто усматриваемого недостаточества и опасности Фармацевтики, Которая, изыскивая с толиким тщанием летучие Начала врачебных тел, излишне пренебрегает употребление твердых Начал, которых надобность столь велика, что если бы человек был благоразумен, то оно могло бы быть исключительно единое. Да и кому неизвестно, что сия Фармацевтика больше разрушает, нежели сохраняет, движет или жжет, а не оживляет, и напротив когда намеревается утолять, то не умеет произвести сего иным средством, как через лекарства пожирающие и чрез отравы?

И так видно из сего, Какова была бы врачебная наука в руках человека, возвратившего права своего происхождения; он дал бы сам собою спасительную действительность всем лекарствам, и учинил бы чрез то исцеление необманчивым, лишь бы Причина действующая, коея был бы он органом, не имела полевения расположить сие иначе.

Весьма остерегался бы он в сей важной и полезной Науке употреблять вычисления материальные человеческой Математики, которые, действуя всегда на произведения, ничего не помогают, или еще и вредны во врачевании, коего цель есть действовать над самыми Началами, действующими в телах.

О преимуществах Государей

Для сей же причины не привязался бы он ко врачебным предписаниям, которые во врачебном искусстве суть то, что уголовные уложения в Правоправлении; понеже из всех болезней нет ни двух, которые б имели одинакие знаки, то не возможно, чтоб одно лекарство не вредило той, или другой болезни.

Но поелику сей человек, яко Государь, знал бы силы телесных Существ, то ведал бы также и расстройство их; а потому не мог бы ошибиться в назначении им лекарства; при сем да не будет забвенно то, что для достижения к сему не должно принимать Вещество за Начало Вещества; ибо видели мы, что сия есть главная причина невежества его.

Також да не мнит кто, чтоб сие неоцененное могущество было невместно человеку; напротив, оно входит в число Законов, данных ему относительно к возложенному на него званию в сем земном его прохождении; ибо ежели чрез телесную его оболочку устремляются на него нападения, то надобно, чтоб не совсем лишен он был средств ощущать и отражать оные нападения; и так, ежели употребление сего преимущества может общепринадлежать всем людям, тем паче долженствует оно в особенности принадлежать Государям, которых истинное звание есть предохранять своих Подданных, сколько можно, от всех зол, и защищать их как в чувственном, так и в умственном.

И так ежели сие преимущество не более известно им, как и все прочие их права, то сие есть новое побуждение для них восчувствовать, от того ли Начала поставлены они над людьми, которого показал я им могущество, и которое необходимо нужно к учреждению их поведения. Чрез сие представляю им новый способ судить самих себя.

И так да присоединят они учиненные мною примечания о врачебном искусстве ко всем тем, которые сделал я о Правоправлении политическом, гражданском и уголовном, о недостатках самых Правлений, чрез которые открылись недостатки и зачатия сообществ, равно как и о источнике, в котором властители должны почерпать различные свои права; потом да решат сами, находят ли в себе следы того света, от которого почитаются они быть поставленными, и который ни на единое мгновение ока не оставляет их; ибо чрез сие токмо могут они удостовериться о законности своей власти и о правильности установлений, под их начальством учреждаемых.

При всем том повторим и сие не обинуясь и чистосердечно, что Подданный, который, приметивши все оные недостатки государства и видя и самих Государей ниже того, чем должно бы им быть, почтет себя разрешенным от своих к ним обязанностей и от покорности к их велениям, тот ощутительно отступает от своего Закона, и прямо нарушает все

начальные положения, утверждаемые нами.

Напротив, каждый человек да удостоверит себя, что Правосудие не вменит ему, как токмо собственные его погрешности; что Подданный умножит только беспорядок, думая оному противиться и истреблять его; ибо сие было бы следовать воле человека, а воля человеческая всегда ведет к преступлениям.

И так я надеюсь, что Государи, какие бы заключения ни выводили из представленного им от меня начертания, не должны однако никак почитать мои начальные положения противными власти их, когда я ничего более не желаю, как уверить их, что они могут приобрести власть непобедимую и неколебимую.

Для соблюдения связи в наших примечаниях, перейдем к рассмотрению погрешностей, учиненных в вышних Науках; ибо как начальные основания сих Наук принадлежат к тому же источнику, к которому и Политические и Богослужения Законы; то познание их долженствует быть также в числе прав человека.

Глава VI

О математических началах

Я намерен здесь исследовать особливо Математическую Науку, поелику с нею связаны все высокие Науки, и поелику она занимает первое место между вещами, подлежащими рассуждению, или умственной способности человека; и в ободрение тех, которых может остановить имя Математики, Предварительно скажу, что не только не требуется великого знания в сей Науке, дабы следовать за мною в моих примечаниях, но едва нужны к сему самые легкие о ней понятия, и что мои рассуждения могут быть сходны для всех Читателей.

Сия Наука без сомнения откроет нам еще убедительнейшие доводы о Началах, выше утвержденных, равно как и о заблуждениях, которым она сделалась поводом, когда люди слепо последовали чувственным своим рассуждениям.

И сие должно казаться естественным; ибо как математические Начала, хотя не суть вещественные, однако ж суть истинный Закон чувственного; то Геометры могут умствовать о свойствах сих Начал, как хотят, пока не начинают сносить свои идеи, которые себе о них составили, с самыми вещами; тогда уже необходимо должны признать свои ошибки; потому что тогда не они ведут Начало, но Начало их ведет; и так удобнее всего различится истинное от ложного чрез тщательное исследование того пути, по которому они шествовали, и следствий, какие бы произошли, когда бы и мы его приняли.

Об аксиомах

Первое мое примечание есть сие, что ничего в Математике не доказано, когда не приведено к Аксиоме; ибо сие только и есть истинно; прошу также и то заметить, для чего Аксиомы истинны; для того, что они не зависят от чувственного, или от Вещества, и суть совершенно умственные; чем и

подтверждается сказанное мною о пути, по которому должно достигать к истине, а притом и Примечатели могут почерпнуть из сего уверение в том, что не подвержено телесному их зрению.

Из сего ясно усматривается, что Геометры, ежели бы не отступили от Аксиом, никогда бы не заблуждали в своих умствованиях; понеже Аксиомы принадлежат самой Сущности умственных Начал, и потому основаны на очевиднейшей достоверности.

Всякое произведение телесное и чувственное, по сим умственным Законам составленное, есть без сомнения совершенно правильно в рассуждении своего рода; поелику оно в точности сообразно порядку сего Начала умственного, или тех Аксиом, которые везде правят его бытием и производством. Но как совершенство сего произведения телесного есть зависимое, или относительное к Началу, родившему его, то правило и источник сего произведения не может быть в нем же самом.

И так по непрестанному только сравнению сего чувственного произведения с Аксиомами, или с Законами Начала умственного, можно судить о его правильности; сим токмо средством, говорю, докажется точность его.

А когда единое сие правило есть истинное, и когда притом оно есть совсем умственное; то как же люди могут надеяться заменить его правилом, взятым от Чувственного? Как могут льститься, чтобы Существо условное и подолжное могло заступит место Существа истинного?

При всем том нельзя сомневаться, что Геометры всеми своими силами о сем единственно стараются; ибо увидим, что они, утвердив Аксиомы, яко основания всех тех Истин, которым научить нас хотят, предлагают нам к измерению протяжения меру, взятую в сем же самом протяжении, либо числа, по произволению принятые, которым самим потребна мера чувственная, чтобы быть им для наших телесных глаз существенными.

Как же положиться на такое доказательство, и как почитать очевидными такие доводы? Понеже мера находится всегда в том Начале, от которого чувственное произведение получило бытие; то как можно сему произведению чувственному и страдательному быть самому себе мерою и доказательством? И есть ли такие Существа, кроме не созданных, или кроме Существ истинных, которые бы могли сами себя доказывать?

Не оспаривая никак очевидности Начал умственных Математических, или Аксиом, мы должны признать, сколько худо поняли их Геометры и сколь мало пользуются ими в познавании протяжения и прочих свойств Вещества; надобно сказать, что незнание их в сем случае произошло от той же ошибки, в которую впали Примечатели в рассуждении прочих вещей, доселе рассматриваемых, то есть, они отлучили протяжение от его истинного Начала, или, лучше сказать, искали Начала сего в самом протяжении, смешали обоих и не приметили, что сии суть две различные вещи, хотя и соединены по необходимости для подания бытия Веществу.

О Протяжении

Дабы лучше уразуметь сие, не неприлично здесь определить свойства протяжения. Протяжение, как и все прочие свойства Тел, есть произведение Начала, родителя Вещества, (происшедшее) по Законам и порядку предписанным сему нижнему Началу от вышнего Начала, правителя его. В сем смысле протяжение, яко вторичное произведение, не может иметь

преимуществ, равных с Существами, К числу первых произведений принадлежащими: сии в самих себе имеют непреложные Законы; все свойства их неизменяемы, потому что соединены с их Сущностию; словом, в них вес, мера и число так уставлены, что без разрушения самого Существа не могу измениться.

Что ж касается до свойств Тел, или Существ вторичных, то мы довольно пространно видели, что они таковы быть не могут; ибо как нет в них ни одного неизменяющегося для чувств наших свойства, то глаза наши не могут ценить их иначе, как по сравнванию с Существами их же чину.

О мере Протяжения

Когда ж то так, то протяжение Тел не более верно для нас определено, как и прочие их свойства. И так, когда к показанию величины протяжения употреблена будет мера, взятая из самого же протяжения, то самая употребленная сия мера также недостаточна будет, как и измеряемое, то есть, что ее протяжение не более верно будет определено; следственно, надобно будет искать еще меру сей меры; ибо какие средства к сему ни употребим, всегда увидим явственно, что в самом протяжении отнюдь не найдем истинной его меры; следственно, должны прибегнуть к тому Началу, от которого рождено протяжение и все свойства Вещества.

И сие есть довольно свидетельство, сколь недостаточный способ избрали Геометры к постановлению истинной меры Существам телесным. Правда, и я в том согласен, что к сей чувственной мере протяжения, избранной ими, прилагают они числа; но не токмо употребляемые ими числа сами суть относительные и условные, не токмо человек волен переменять их отношения и поставлять им степени, какие за благо рассудить; но еще и самая сия лествица степеней, хотя и может быть полезна в измерении всех вообще протяжений одного рода, но отнюдь не годится к измерению протяжений иного роду; а надобно еще людям поискать того непреложного, неизменяемого и всеобщего основания, к которому бы могли относимы быть все роды протяжений.

Свойство окружности

Для сего-то Геометры приходят в замешательство, когда хотят измерять кривые линии; ибо употребляемая ими мера сделана только для прямой линии, и к сему только роду линий годится; когда же хотят ее приложить к круговой, или ко всякой от себя происходящей кривой линии; то она представляет непреодолимые затруднения.

Я говорю, что сия мера представляет непреодолимые затруднения; потому что хотя Геометры рассекли узел, представя нам круговую линию, как бы состоящую из самых малейших прямых линий, однако напрасно мечтают они, будто сим вопрос решен; ибо никогда ложь не могла ничего решить.

Сего определения круговой линии не могу не почитать ложным; потому что оно совсем противно той идее, которую и сами они и Натура подают нам об окружности; она есть такая линия, которой все точки находятся в равном расстоянии от общего центра; и я не понимаю, как могут Геометры, не противясь здравому смыслу, основываться на двух толико противоречущих положениях; ибо, когда окружность есть собрание прямых линий; то, сколь бы малыми ни полагать их, при всем том не будут все точки сей окружности

равно удалены от центра; потому что сии прямые линии сами состоят из многих точек, из которых крайняя со средними не будут конечно иметь одинаковое расстояние от центра; и так центр не будет уже для них общим и окружность не будет более окружностью.

О двух родах линий

Сие есть хотеть соединить противные между собою вещи, хотеть почитать две вещи за единоестественные, которые в самом деле весьма противных свойств; сие есть, говорю, хотеть подвести под одно число двух родов Существа, которые, будучи различны, различно должны быть и числимы.

И так должно признаться, что в сем случае явственнее всего открывается природная склонность людей все смущать, и прельщаться обманчивою единообразностию разнородных Существ, чрез что стараются они сочетать вещи, противнейшие друг другу. Ибо нет ничего столь противного, несогласного друг с другом, словом, столь противоречущего, как линия прямая с круговою.

Кроме нравственных доказательств, которые находятся как в отношениях линий прямой с правильностию и совершенством единицы, так и в отношениях линии круговой с беспорядком, неотлучным от множественности, которую сия круговая линия изображает, могу еще к сему привести доводы, тем убедительнейшие, что они взяты будут в умственных Началах, которые единые должны быть почитаемы за существенные и служащие Законом в исследовании свойства вещей; единые, говорю, которые суть неколебимы, как Аксиомы.

Однако я предупреждаю, что сии истины не всем людям будут ясны, а еще менее тем, которые до ныне следовали ложным Началам, мною опровергаемым; чтобы понимать мои слова, надлежит поставить себе за первое дело изыскивать вещи в самом их источнике, а не в представлениях ума, составленных воображением и скоропостижными рассуждениями.

Но я знаю, сколько мало есть людей, способных к сему отважному предприятию; да хотя бы и много таких было, я должен предполагать, что весьма не многие из них получают совершенный успех. Столько первые источники Знания заражены заблуждением и ядом!

Когда предварительно дал я заметить, что всякая вещь имеет свое число в Натуре, когда чрез него токмо всякие Существа различаются друг от друга; ибо все свойства их должны быть не иное что, как произведения, сообразные Законам, содержащимся в их числе: то следует, что и линия прямая и линия кривая, будучи разных свойств, как то я показал, должны иметь каждая свое особенное число, означающее различность их свойств, и что нельзя нам в мыслях наших равнять их и без разбору одну вместо другой ставить.

Ежели хотя мало размыслим о звании и свойствах обеих линий, то довольно убедимся в неложности сказанного теперь мною. Какое дело есть прямой линии? Не то ли, чтобы продолжать до бесконечности произведения той точки, из которой она истекает? А яко перпендикулярной линии, не то ли, чтобы уставлять и уравнивать основание всех Существ и каждому из них начертать свои Законы?

Напротив, круговая линия не ограничивает ли во всех ее точках произведения прямой линии? Следственно, не стремится ли непрестанно разрушать ее, и не можно ли почесть ее, как бы врагом оной? Когда ж то так,

возможно ли, чтоб столь противные друг другу и столь разных свойств две вещи не разнствовали в своем числе, как и в действии?

Если бы сие важное замечание сделано было прежде, то все упражняющиеся в Математических познаниях избавились бы множества трудов и работы, потому что не стали бы искать, как то ныне делают, обеих меры линиям двух родов, не имеющих в себе ничего общего.

Число каждого вида линий

И так, признав сию существенную их разность, и по фигуре и по употреблению и по свойствам их разделяющую, безбоязненно должен я утвердить, что равным образом и число их есть различно.

Ежели потребует кто, чтоб я точнее изъяснился и показал, какое число приписываю каждой линии; не обинуясь скажу, что прямая линия имеет на себе число четыре, а круговая линия десять; и смело уверяю, что нет иного кроме сего средства достигнуть к познанию их; ибо протяжение их, великое, или малое, не переменяет ни мало числа, приписуемого им, и каждая в своей отделении сохраняет всегда при себе то же число, как бы далеко ни протянута она была.

Знаю, что может сие казаться невразумительным; столь много Вещество овладело разумом подобных мне! Не взирая на ясность моего предложения, могут они ложное вывести следствие, что когда и большая и малая линия, по моим словам, имеют то же число, то надлежит быть им равным между собою.

Но в предупреждение сего сомнительства прибавляю и то, что как большая, так и малая каждая линия есть не иное что, как содействие, проистекшее от Закона ее и числа; и потому, хотя обе они, будучи в одном отделении вещей, имеют тот же Закон и то же число; но сей Закон и сие число в каждой из них действует разное, то есть с большею, или меньшею силою, быстротою, или продолжением: из чего и видно, что проистекающее из того содействие долженствует изобразить зрению все таковые чувствительные разности, хотя Начало, которое разнообразно действует, само по себе есть неизменяющееся.

Вот чем единственно, кроме всякого сомнения, можно изъяснить всеобщую разность всех Существ обеих натур, как тех, которые в той, или другой находятся в разных отделениях, так и тех, которые состоят под тем же отделением и родом; чрез сие можем вразумлены быть, как все неразделимые того же отделения разнствуют между собою, хотя у них одинакий Закон, одинакий источник и одинакое число.

Чрез сие же оказывается ничтожность условных и произвольных чисел, употребляемых Геометрами в чувственных измерениях; да и действительно неудобства, к которым приводит их сия мера, показывают ясно их недостаточество. Ибо, взяв меру протяжению из протяжения же, надобно будет иногда или укоротить ее, или продолжить, как скоро в протяжении измеряемом сделается какая перемена; а как от сих перемен не всегда происходят числа такие, которые б могли делиться, или умножиться без остатку на данную меру, и могу пасть на такие части чисел, которые без дробей не могут быть соразмеряемы с главным числом: то непременно и мере самой надобно подвергнуться той же переделке; надобно будет наконец допустить то, что выкладчики называют дробями единицы, как будто может Существо несложное, или единица быть делима.

О вычислении бесконечного

Если бы любители Математики прилепились к сему последнему рассуждению, то получили бы правильное идею о замысловатом оном способе счисления, изобретенном ими, то есть о вычислении бесконечных. Увидели бы они, что никогда не могут найти в Веществе бесконечно великого, которое ограничено тремя стихиями; но токмо в числах, которые суть могущества всего, что существует, и которые в самом деле не имеют границ ни в мыслях наших, ни в своей сущности. Напротив узнали бы, что вычисление бесконечно малого можно найти только в Веществе, которого частиц безостановочное разделение всегда возможным представляется уму, хотя наши чувства и не всегда могут произвести сие на деле; но не искали бы они сего рода бесконечности в числах; ибо единица, будучи неразделима, есть первый предел существ и никакого числа не допускает перед собою.

О произвольных мерах

И так всего меньше сходна с истинным Началом сия произвольная мера, какую человек выдумал себе для геометрических вычислений, и следственно всего меньше может она довести его к тем познаниям, которые ему необходимо нужны.

Знаю, что великую пользу делает сия мера в вещественных делах общественной и телесной жизни человека; и я не порочу сего ее употребления, а требую только, чтоб он не употреблял ее несмысленно даже и в изысканиях Истин естественных; для того что здесь она вводит его в обманы; для того что в таком случае самые простые ошибки ведут за собою важные следствия, и как все Истины связаны между собою, то ни одна из них не может получить повреждения без того, чтобы не сообщить оно и всем прочим.

Числа четыре и десять, которые, как я сказал, Принадлежат первое прямой, а другое кривой линии, не подвержены тому неудобству, какое показал я в методе произвольной; понеже сии числа отсаются неизменяемы, хотя действия их во всех переменах, свойственных протяжению, расширяется, или стесняется; и потому в самой сущности вещей никогда не бывает дроби в Существо; и ежели припомним вышесказанное о свойстве Начал Существ телесных, то увидим, что поелику они, яко существа простые, неразделимы, то и числа их, которые суть чувственный образ их и представление, должны пользоваться тем же свойством.

Но еще повторяю, все сие есть вне чувственного и вне вещества, и потому не надеюсь, чтоб многие меня понимали. И для того ожидаю, что еще меня спросят: как же можно измерять разные протяжения, состоящие под одним отделением, когда назначены от меня всем без исключения прямыми линиями число четыре, а круговым и кривым всем число десять? Спросят у меня, говорю: почему распознавать в точности различное действие того же числа на неравные протяжения, и как можно правильно определить всякое протяжение?

Не нужно мне искать иного ответа, кроме данного уже мною. И так я отвечаю, что ежели вопрошающий намерен узнать протяжение для телесной только своей потребности и для нужд, или склонностей своих чувственных, то как в сем роде вещей все есть относительное, меры относительные и условные довольны для него; ибо помощью чувств так близко можно подойти к

правильности, что ошибка почти неприметна будет для чувств.

Но ежели требуется узнать нечто более сей величины относительной и приблизительной, ежели спрашивается сыскать величину протяжения непреложную и существенную; то, как величина сия соразмерна действию числа ее, а число не есть вещество, легко усмотреть, в вещественном ли протяжении можно сыскать желаемое правило, и справедливо ли сказано нами, что истинной меры протяжения нельзя узнать телесными чувствами. А когда нельзя найти ее в телесных чувствах; то не требуется великого размышления, чтоб узнать, где должно ей быть; ибо непрестанно мы повторяем, что все то, что существует, есть или чувственное, или разумное.

Теперь видим, чему могут Геометры научить нас, и какими заблуждениями утешают они наш разум, представляя ему одни чувственные меры, и следственно относительные, когда он понимает, что находятся истинные меры, и что познать их он способен.

Об истинной мере

Здесь является паки та всеобщая Истина, которая есть цель сего сочинения, то есть, что в Начале токмо вещей можно обрести точное измерение свойств их, и что сколь ни трудно проникать в него, но то неоспоримо, что как сие Начало есть правило и мера всему, то, удаляясь от него, ничего не будет найдено.

К сему должен я примолвить и то, что хотя и возможно помощью сего Начала судить безошибочно о мере протяжения, поколику само оно правит протяжением, но употреблять его к вещественным вычислениям есть осквернять его; ибо гораздо важнейшие Истины может оно открыть нам, нежели относительные только к Веществу; да и чувства, как мы сказали, довольны к управлению человека в чувственных вещах. И мы видим, что существа, которые ниже человека, не имеют иного Закона, как токмо чувства, которые довольны для нужд их; и так в сем совершенно относительном деле Математика истинная и справедливая, словом, умственная Математика, не только излишня, но и непонятна будет.

Сколь же безрассудное дело хотеть покорить и подчинить сию Математику неизменяемую и ясную чувственной, которая столь ограничена и столь темна; хотеть, чтоб сия заступила место первой; хотеть наконец, чтобы чувственное было правилом и предводителем умственному!

Чрез сие мы вновь показываем, какому неудобству подвергли себя Геометры; ибо, ища чувственной меры протяжению, и преподавая нам оную за точную, не усмотрел иронии, что она подвержена тем же переменам, каким и самое протяжение, и что не только не правит она Веществом, но сама находится в зависимости вещества; потому что необходимо следует его течению и всем относящимся к нему содействиям.

А как числа четыре и десять, которые признал я мерою двух родов возможных линий, совершенно свободны от такого подчинения; то не опасаясь погрешить, когда на них возложу всю мою доверенность и объявлю их, как то я учинил, каждое в свое отделении истинною мерою.

Признаю, жестоко для меня, что не могу предлагать сих Истин, не чувствуя вместе, сколь они уничижительны Геометрам; ибо ежедневные их старания смешивать обе сии меры принуждают нас сказать, что и славнейшие из них не знают еще разности между прямою и кривою линиею, как то подробнее увидим в последующем.

О движении

Но не одну показанную здесь погрешность сделали они в рассуждении протяжения: не только искали они меры протяжения в нем самом, как то мы заметили, но еще искали в нем и источника движения. Не отважившись никогда вознестися над сим темным Веществом, объемлющим их, вздумали, что можно назначить пространство и предел началу сего движения, так что по сей системе нельзя и вообразить себе, чтобы вне сего предела существовало что-нибудь действующее и движущееся.

Ежели они еще не сделали себе правильнейшего понятия о движении, то не от того же ли заблуждения, что смешали вещи разные? Не от того ли, что ищут его в протяжении, вместо того, чтоб искать в Начале его?

Ибо как сего протяжения свойства суть относительные, или отвлеченные, то нельзя найти в нем ничего недвижимого и постоянного, на чем бы человеческий разум мог удовлетворительно основаться; и хотеть сыскать в нем источник движения его, Есть повторять все те бессильные покушения, которые уже опровержены, и покорять Начало своему произведению, когда по естественному и истинному порядку вещей творение всегда было ниже своего Начала Родителя.

И так в Начале неведественном всех Существ, как умственных, так и телесных, содержится существенно источник движения, каждому из них сродного. Действием сего Начала обнаруживаются все их способности, по чину и личному званию их, то есть: умственные в чине умственном, а чувственные в чине чувственном.

Когда же действие токмо Начала Существ телесных есть движение, когда чрез него они и растут и питаются, и наконец обнаруживают и представляют чувствам все видимые свойства свои и следовательно и самое протяжение; то как же можно зависеть сему движению от протяжения, или Вещества, ибо напротив само протяжение, или Вещество от него происходит? Как можно сказать, что сие движения принадлежит существенно Веществу, когда напротив Вещество принадлежит существенно движению?

Неоспоримо, что Вещество существует чрез движение; ибо видим, что тела, когда лишены данного им на время движения, разрушаются и нечувствительно исчезают. Также достоверно и то, по сему же примечанию, что движение, оживляющее тела, не принадлежит им собственно; потому что видим, что оно пресекается в них прежде, нежели они перестанут быть ощутительными нашим глазам; равно как и в том не можем сомневаться, чтоб не были они в его зависимости, поелику пресечение сего движения есть начатие разрушения их.

Сверх того припомним сей Закон всеобщего отражательного действия, которому все Существа телесные подвержены, и признаемся, что когда и сами неведественные Начала Существ телесных покорены противодействию иного Начала, тем паче чувственные произведения сих Начал, как то протяжение и прочие, необходимо должны быть подчиненными.

Заклучим же, что ежели все вещи исчезают по мере уменьшения движения, то явствует, что и протяжение существует чрез движение; а сие положение весьма разнится от того, в котором говорится, что движение принадлежит протяжению и находится в нем.

Однако из сего предложения, что от движения происходит протяжение, можно выводить, что как движение принадлежит к сущности

невещественных Начал, которые должно теперь признать неразрушимыми, то нельзя сему движению не существовать всегда, и следственно нельзя протяжению, или Веществу не быть вечными; а сие низвергло бы нас опять в те мрачные стремнины, от которых с толиким тщанием старался я предостерегать моих читателей; ибо знаю, что могут мне возразить, что нельзя представить себе движения без протяжения.

Последнее сие положение истинно в чине Вещей чувственных, где не можно вообразить движения, которое бы не производило протяжения, или бы которое не в протяжении происходило; но хотя Начала, родящие движение в чувственном чине, суть невещественны, однако мы бы заблуждали, когда бы почли их действие необходимым и вечным; понеже мы видели, что они суть вторичные Существа, имеющие действие частное, а не бесконечное, и совершенно зависящие от Причины действующей Разумной, которая сообщает им сие действие на время, равно как и отъемлет его по уставам и Закону первой Причины.

О двух видах движения

Да и в самом сем чувственном чине можем найти доказательства движения без протяжения, хотя в сей чувственной стране всегда оно содевается в протяжении. Для сего приметим, что в сходственность сего двойственного всеобщего Закона, который учреждает Натуру телесную, находятся и два рода движений во всех телах.

Во-первых, движение возрастания их, или то самое действие, которым являемо и поддерживаемо бывает чувственное бытие их.

Во-вторых, движение стремления к Земле, которая есть общий Центр их; стремление, усматриваемое как в падении тел, так и в давлении собственной тяжестию самих себя, или поверхности земной.

Оба сии движения совсем противоположны друг другу. Второе движение, или стремление тел к земному их центру, хотя и в протяжении совершается, но не производит протяжения, так как первое движение, или движение возрастания и существования самых сих тел.

Напротив, одно стремится разорить то, что другое производит; потому что ежели бы телесные существа могли соединиться в их Центре, то остались бы без действия, без чувственного явления, словом. Без движения, и следственно без протяжения; ибо известно, что все сии действия потому только и есть, что существа, от которых они производятся, отделены от Центра их.

Ежели же из двух сих движений, из которых от одного производится протяжение, как то мы выше сказали, есть одно, которое разрушает его, то сие последнее не долженствует по малой мере почитаемо быть принадлежащим протяжению, хотя и совершается оно в протяжении. Сие научает нас решить возражение, что будто нельзя понять движения без протяжения, и не велит более верить без всякого изъятия, что движение принадлежит естеству Существ невещественных всех отделений, поелику существа чувственного отделения вмещают его в себе только на время.

О движении невещественном

Подтвердим еще сию истину, что движение может быть без протяжения. Не признали ли мы, что существа суть или чувственные, или умственные?

Ежели отделение сих последних правит первыми и доставляет им сие движение, производящее чувственные вещи; то оно должно быть по естеству своему истинным источником движения; а яко источник, оно ест иного чину, нежели отделение Начал невещественных телесных, подчиненных ему; и так надобно быть в сем отделении существ действию и производствам отличным, как и оно само, и не зависящим от чувственного, то есть, в которых чувственное ничего не значит.

И так поелику чувственное ничего не значит во всех действиях первой Причины и во всех происходящих произведениях; когда оно получает жизнь токмо страдательную, оживляющую его токмо на время; когда наконец все чувственные дела в настоящем времени бытия их не имеют никакого влияния в отделение вещей, совершенно умственных: то тем паче сие отделение могло действовать прежде бытия чувственных вещей и может действовать и после того, как они исчезнут; ибо та минута, в которую сии чувственные вещи жили, ни на единое мгновение ока не остановила действия первой Причины.

И так, хотя в чувственности движение с протяжением неразлучны; но при всем том для чего в высшем отделении вещей не быть вечно движению, или действию, хотя бы и ничто чувственное не существовало? И в сем смысле можно сказать уверительно, что хотя и нельзя, кажется, представить себе протяжение без движения, однако то неоспоримо, что можно представить движение без протяжения; потому что Начало движения, как чувственное, так и умственно, есть вне протяжения.

Ежели совокупить все сии замечания, то легко увидеть, можно ли когда-нибудь справедливо приписать протяжению какое движение, якобы составляющее необходимо сущность его, и не заблуждает ли человек, когда ищет в нем Начала и познания движения?

О числе движения

Вообще сказал я, что движение не иное что, как производство действия, или паче действие, понеже оба они неразлучны. Сверх того признаю я, что в чувственных вещах есть два рода движений, или противных действий, то есть возрастание и убывание, или сила, удаляющая тела от их Центра, и собственный из Закон, понуждающий приблизиться к оному. Но как сие последнее движение есть не иное что, как возвращение по следам первого в одно время и по одинакому порядку, но токмо наоборот, что оба они имеют одинакое число, и последний самый Геометр знает, что сие число есть четыре.

Кому неизвестно в самом деле, что все движения и все возможные обращения тел следуют Геометрической четверной Прогрессии восходящей, или нисходящей? Кому не известно, что сие число четыре есть всеобщий Закон течений звезд, Механики, пиротехники, словом, Закон всего того, что движется в телесной Стране, естественно, ли посредством ли руки человеческой?

И поистине, ежели жизнь непрерывно действует и действие ее всегда ново, то есть, ежели она непрестанно или возрастает, или убывает в телесных существах, подверженных разрушению; то какой Закон, как не Прогрессия Геометрической восходящей, или нисходящей, лучше приличествовать может Nature?

В самом деле, Прогрессия Арифметическая отнюдь не имеет в ней места; потому что она бесплодна и объемлет токмо ограниченные бытия, или

произведения всегда, равные и единообразные. Чего ради и должно бы людям употреблять ее к вещам мертвым, к разделениям постоянным, или к составам недвижимым; а когда они употребили ее к означиванию простых и живых действий Натуры, как то действий воздуха, действий производящих тепло и стужу, и всех прочих причин преобразований Атмосферы; то произведения их, или разделения, оказались весьма недостаточными; потому что они подали простому народу ложную идею о Начале жизни, или телесного действия, мера которого, поелику не есть чувственная, не может без крайнего заблуждения начертаема быть на Веществе.

И так не ведем иного в заблуждение, когда представим четвертую Геометрическую Прогрессию яко начало жизни существ, или когда докажем, что всякого действия число есть четыре, хотя и не знакомы покажутся сии изречения.

О числе протяжения

Но не утверждено еще нами, какое число принадлежит протяжению. И так надобно сказать, что его число есть десять девять (neuf), то же самое, которое выше сего приложено круговой линии. Так конечно; круговая линия и протяжение в сем отношении так неразлучны друг с другом, что необходимо имеют то же число, которое есть девять.

Когда ж они имеют то же число, то необходимо имеют ту же меру и тот же вес; ибо сии три Начала всегда шествуют согласно, и когда одно из них определено, тем самым и прочие два определяются.

О круговой линии

Сколь ни странно покажется сие предлоезние, но я долежн признаться, что в самом деле протяжение и прямая линия суть едино, то есть, что протяжение не иначе бывает, как чрез круговую линию, и взаимно, круговая только линия есть телесная и чувственная, то есть, что Натура вещественная и имеющая протяжение не может составлена быть как токмо из линий не прямых, или что все равно, нет в Натуре ни одной прямой линии, как то увидим после.

Прежде, нежели приступлю к объяснению сего, упомяну здесь только то, что ежели бы Примечатели прилежнее вникнули в сие, давно бы решили вопрос, по ныне еще необъясненный, то есть, от яичек, или от червячков, или от Животных семенных производится зарождение и произведение: увидели бы они, что поелику здесь на земли ничего не бывает без оболочки, а всякая оболочка, или протяжение, есть круговое; то все в Натуре есть червь, потому что все есть яйцо; и наоборот, все есть яйцо, потому что все есть червь. Обращаюсь к моему предложению.

Знаю, что сего не довольно, что исключил я из Натуры прямую линию; надлежит предложить и причины, побудившие меня к тому.

Во-первых, когда исследуем происхождение всех чувственных и материальных вещей, то не можем отрицать, чтоб не Огонь был Начало Существ телесных, а плотность их чтобы не от воды происходила, и следственно, чтоб тела не от жидкого зачинались.

Во-вторых, не можем также отрицать, чтобы сие Жидкое не было то Начало, которым производится разрешение тел, следовательно, чтоб не огонь действовал в приведении их в целость; понеже сей есть изящнейший Закон

Истины, что порядок прямой и порядок возвратный имеют единообразное течение, в противные токмо стороны.

Но всякое жидкое есть не иное что, как собрание шаровидных частиц; и сей то шаровидный образ их дает жидкому свойство распространяться и течь. И так ежели тела берут в нем зачатие свое, то непременно надлежит им в состоянии своего совершенства сохранить тот же образ, который получили в происхождении, так как они показывают его еще и при разрешении своем на жидкие и шаровидные частички; и сего ради надлежит смотреть на тела, как на сборище многих сих шариков, но которые окрепли по мере того, чем больше, или меньше огонь соушил грубую часть влаги их. До какой бы степени ни доведено было сие собрание круглых шариков; но то останется всегда неоспоримым, что произведение их будет сферическое и круглое, как и начало его.

Желаешь ли вещественно удостовериться в предложении моем? Посмотрим со вниманием на тела, которых бока кажутся нам самыми прямыми; заметим самые гладкие поверхности; всякому известно, что на них находятся неравнины, возвышения и впадины; всяк знает, или должен знать, что поверхности тел, ежели рассмотреть их вблизи, представляю бесчисленное множество ровиков.

А и самые сии ровики составлены из таких же неравнин, и сие идет до бесконечности; и сколь бы далеко ни простиралась острота глаз наших, или исправность инструментов вспомогательных, не найдем ни на поверхностях тел, ни в их ровиках ничего иного, кроме великого множества сложившихся вместе шариков, которые касаются друг другу в одной точке поверхности своей. Рассуди же, можно ли тут допустить прямую линию?

Да не возражают мне сим расстоянием между двух данных точек, между которыми можно продолжить линию прямую, соответственную обеим.

О прямой линии

Во-первых, сии две расставленные друг от друга точки не можно почитать составляющими купно единое тело. И так полагаемая между ими прямая линия есть совершенно мысленная и не может быть принята за телесную и чувственную.

Во-вторых, самое сие расстояние, разделяющее их, наполнено меркуриальными воздушными частицами, которые, будучи шаровидны, так как и частицы прочих тел, поверхностями только могут касаться друг друга; следственно и сие расстояние есть тело, и по сей причине подвержено тем же неравнинам, как прочие тела; что весьма согласно с тем, что выше сего сказано было о Началах Вещества, которые при всем своем союзе не могут никогда смешаться.

И так, поелику нет в телах непрерывности, а все в них составное и прерванное, то не возможно никоим образом полагать в них прямых линий.

Сверх приведенных доводов есть еще и другие, которые подтверждают очевидность сего Начала. Я уже решился допустить, что число четыре есть число прямой линии; потом видел я с Примечателями, что число четыре также управляет всякого рода движением: и так есть великое сходство между Началом движения и прямою линиею, потому что видит в них то же число, потому что, как выше показано, в движении сем находится источник и действие телесных и чувственных вещей, И притом потому, что видели мы, Что линия прямая есть эмблема бесконечности и непрерывности

произведений той точки, из которой она исходит.

К сему же я довольно доказал, что движение, хотя и производит телесные и чувственные тела, или протяжение, не может однако никак принадлежать собственно сему самом упротяжению, или от него зависеть; когда же прямой линии число есть то же, какое и сего движения, то должно ему иметь одинакий с ним Закон и одинакое свойство; то есть, что хотя оно есть правитель телесных имеющих протяжение вещей, никогда однако не может оно смешаться, ниже совокупиться с ними и сделаться чувственным; понеже Начало не может смешаться со своим произведением.

Сии все причины совокупно не позволяют допустить в телесной Nature прямую линию.

О квадратуре круга

Повторим здесь все главные наши положения: число четыре есть число движения, есть число прямой линии; словом, оно есть число всего того, что не есть телесное и чувственное. Число десять есть число протяжения и круговой линии, которая вообще составляет протяжение; сиречь, оно есть число тел и всех частей тел: ибо круговую линию неотменно должно почитать, за необходимое произведение движения, бывающего во времени.

Сии суть два единственные Закона, которые можем признать; ими можем объять все, что существует; ибо можем объять все, что существует; ибо нет ничего, что бы не было ли в протяжении, или вне протяжения, что бы не было страдающее, или действующее, произведение, или Начало, преходящее, или неподвижное, телесное, или бестелесное, гиблющее, или нетленное.

Теперь, принявши сии два Закона за руководителей, обратим паки внимание на рассуждения Геометров о двух родах возможных линий, прямой и кривой, и рассудим, Правда ли, что круг, по их мнению, составлен из прямых линий: ибо в противность сему находим, что нет такой прямой линии, взятой из телесного, которая бы не была составлена из кривых линий.

При всем том однако, не умея распознать разных чисел сих различных линий, человек с самого изгнания своего старается согласовать их, или, что все равно, ищет так называемой квадратуры круга; ибо прежде падения своего, зная естество Существ, не мучил бы он себя в тщетных усилиях и не отважился бы искать такого открытия, которого невозможность увидел бы явственно; не был бы он столь слеп и безрассуден, чтобы захотеть сочетать столь разные между собою Начала, каковы суть прямой и кривой линии; словом, ему бы и на мысль не пришло, что будто можно переменить естество Существ, и сделать, чтоб десять равноценно было четырем, или четыре десяти, к чему устремлены все труды и упражнения Геометров.

Пусть кто в самом деле попытает согласить сии два числа; как сие сделать? Как приноровить десять к четырем, как разделить десять на четыре, или, что все равно, разделить девять на четыре части без дробей, которым, как выше видели, нельзя быть в естественных Началах вещей, хотя и могут они быть в произведениях их, которые суть сложные: ибо когда найдено частное число два, не остается ли еще единица, которую должно будет равным образом разделить на сие же самое число четыре?

И так видим, что сия квадратура в фигуре, или в телесном и чувственном, не может быть сделана и не имеет места, как токмо в числе и невещественно, то есть допусая Центр, который телесен и Четверной, как то докажется в следующем. И так я отдаю теперь на рассуждение людям, можно

ли допустить такую квадратуру, какою они занимаются? Не очевидно ли доказана невозможность ее, и должно ли дивиться, что до сих пор ничего не найдено относительно к сему? Ибо по самой Истине, приноравливание и ничто есть все равно.

О долготе

То же должно сказать и о долготе, которой с таким рвением толикое множество людей ищут на поверхности земной; а чтоб судить о ней, то довольно приметить, какая есть разность между долготою и широтою.

Широта горизонтальна, и идет от Полудня к Северу. А как сей Полдень никакою выдуманною Астрономами для объяснения на м системы мира воображательною точкою не означен, а определяется всеконечно солнцем, которого вертикальный полдень переменяется, возвышаясь, или опускаясь каждый день в рассуждении прошедшего дня; следовательно, сия широта должна быть круговая и переменная, и потому имеет число десять, в силу всех выше утвержденных начальных положений.

Напротив того, долгота перпендикулярна, и идет от Востока, который находится всегда к одинакой точке возвышения, хотя он каждый день в разных точках горизонта является. И так долгота, будучи неподвижна и всегда одинакова, Есть существенный образ прямой линии, и следственно имеет число четыре. Но мы уже видели взаимную нетерпимость двух чисел четырех и десяти; то как же можно найти перепендикулярное в горизонтальном, как сочетать вышнее с нижним, как наконец найти Восток на поверхности земной, понеже он не в своей Стране?

Когда я сказал, что Восток неподвижен, то легко приметить, что говорил я не о том востоке, который восхождением солнца у нас означается; ибо сей перемняется каждый день. Притом же того роду долгота, которую открывает нам солнце, есть всегда горизонтальная для нас, как и широта, и посему единому весьма недостаточна.

Но я говорю о истинном Востоке, которого восхождение солнца есть токмо указательный знак, и который оказывается видимым образом и гораздо точнее в уровне, (или ватерпас) и в перпендикуле (или отвесе); и о том Востоке, который числом своим четыре может один обнять все пространство, понеже, соединяся с числом девять, или с числом протяжения, то есть, соединяя действующее с страдательным, составляет он число тринадцать, которое есть число Натуры.

И так сыскать сию долготу на земле не больше возможно, как и согласить прямую линию с кривою, и найти меру протяжения и движение в протяжении; новый довод о справедливости вышеутвержденных нами начальных положений.

О солнечном и лунном вычислении

Сей Закон должен привести нас к другому примечанию и показать, что по причине сей разности между числом четыре и числом десять не могли до ныне, да и никогда не возмогут согласить точно Вычисление лунное с солнечным Вычислением. Ибо луна, яко спутница земли, которая имеет кривые только линии в широте, есть десятерная; напротив того, солнце хотя и назначает Полуднем широту, однако в своем земном востоке, или на месте восхождения есть образ Начала долготы, или прямой линии, и потому есть

четверное. Впрочем же оно явственным образом отделено от страны земли, коей сообщает нужно растительной силе ее противодействие; новый знак четверного действия его; словом, четверица его оказывается и на самой луне четырьмя ее переменами, которые мы в ней видим, и которые бывают по различному ее положению в рассуждении солнца, от которого она свет получает.

И так ежели сличить пример сей с начальным положением, которое здесь утверждаем, то легко усмотреть, для чего солнечное Вычисление не совместно с Вычислением лунным, и что истинное средство достигнуть познания вещей есть не перемешивать их, но примечать их и испытывать по числу и Законам свойственным каждой.

О системах астрономических

Для чего не могу я распространиться более о сем десятерном числе, которое приписываю луне и следственно и земле, коея она есть спутница? Чрез число сей земли показал бы я, какое дело ее и звание во вселенной; а сие могло бы нам открыть знаки истинного образа, ею носимого, и еще более объяснить нынешнюю систему, по которой она не есть неподвижна, а обтекает весьма великий круг.

Ибо Астрономы может быть излишне торопливы были в своих рассуждениях; прежде, нежели положиться на свои наблюдения, надлежало бы им исследовать, которое из телесных Существ долженствует действовать более, то ли, от которого противительное действие исходит, или то, которое приемлет оное; не быстрейшая ли стихия огонь, и кровь не скородвижнее ли тех тел, в которых она протекает: надлежало бы им подумать, что земля, хотя и не занимает Центра круговых путей Звезд, однако может служить им приятельницею, и потому должна принимать и ожидать от них влияний, не будучи однако принуждена прибавлять второе телесное действие к действию растительному, свойственному ей, которого сии Звезды лишены.

Наконец сааме простые опыты над конусом показали бы им истинный образ земли, и мы могли бы им открыть в самом предопределении ее, в чине, какой она занимает между сотворенными Существами, и в свойствах перепендикулярной, или прямой линии непреодолимые затруднения, которых системы их решить не могут.

Может стать, что сии затруднения и не были бы почувствованы; потому что Астрономия, как и все прочие науки, на которые человек наложил свою руку, отсечена от их связи; потому что она представляет землю, равно как и всякое небесное тело, яко существо особое и не имеющее никогда союза с прочими; одним словом, потому что и здесь человек также безрассудно поступил, как и в прочем, то есть, что не обратил взора своего на Начало бытия всех сих тел, на Начало законов их и их определения, и ради того не ведает еще главной их цели.

О Земле

Еще же, из похвального по видимому побуждения, старался он унижить землю; сравнивая ее с неизмеримостию и величиною Звезд, имел слабость вздумать, что земля, будучи не иное что во вселенной, как точка, не заслуживает почти внимания первой Причины; что невероятно, чтоб земля напротив того была драгоценнейшая вещь в созданиях, и чтоб все, что есть

вокруг и сверх ее, приносило ей свою дань, как будто по чувственной мере Создатель вещей ценит свои творения, а не паче по благородству звания их и свойств, нежели по великости места и протяжения, ими занимаемого.

Сие-то ложное сравнение привело человека может быть и к сему заключению, которое ложнее и того, что будет недостоин он и сам взором своего Создателя; он чаял показать смирение, опровергая, чтоб земля сия и все, что мир содержит в себе, для него были созданы, Притворился, будто опасается пасть в высокомерие, ежели примет сие мнение.

Но не боялся он впасть в нерадивость и расслабление, которые необходимо следуют из сей притворной кроткости; и ежели человек ныне убегает того, чтоб почитать себя таким, которому надлежало бы быть Царем вселенной: то сие делает для того, что нет в нем столько мужества, чтобы потрудиться возратить права оные; что обязанности, с оным сопряженные, кажутся ему тягостными, и что он меньше боится оттягостными, и что он меньше боится отказаться от своего звания и от всех прав своих, нежели предпринять восстановить их в прежнюю силу. Но когда бы лон вздумал хотя мало рассмотреть самого себя, тотчас бы увидел, что должен поставлять смирение свое в признании самого себя, тотчас бы увидел, что должен поставлять смирение свое в признании, что по справедливости низведен от своего чина, а не в том, чтоб никогда несродно ему было занимать оный, или паки вступить в него.

О множестве миров

Для чего, еще повторяю, не могу сказать всего, что мог бы сказать? Для чего не могу показать отношений, находящихся между сею землею и телом человека, который составлен из той же сущности, понеже из нее произошел? Если бы расположение моей книги позволяло, вывел бы я из неоспоримого их сходства свидетельство единообразности Законов их и размеров, из чего легко можно бы усмотреть, что обоим им та же цель предлежит.

Здесь открылась бы также причина, для чего я с начала сей книги учил, что человеку так нужно содержать тело свое в добром состоянии; ибо как он сотворен во образ земли, а земля есть основание телесного творения, то не иначе может он удержать свое с нею подобие, как противясь, подобно ей, тем силам, которые непрестанно нападают на нее. Открылось бы также и то, что сия земля должна быть для него почтенна, как мать его, и поелику после Причины разумной и после человека она есть мощнейшее существо временной Натуры, то сама она есть и доказательство, что нет иных телесных миров, кроме сего видимого.

Ибо мнение о множестве миров почерпнуто из того же источника всех человеческих заблуждений. Понеже человек захотел все разлучить, все отсесть, то и полагает он множество иных миров, у которых звезды суть их солнца, и которые между собою не более имеют сношения, как и с миром, обитаемым нами, как будто таковое отдельное существование можно согласить с тою идеею, какую мы имеем о единице, и будто человек, яко существо умное, ежели мнимые сии миры существуют, Не имел бы о них сведения.

Если же он может и должен иметь познание о всем, что существует, то необходимо надобно, чтоб ничто не было отделено, но во всем должно быть союзу: понеже человек объемлет все, ради того, что имеет единое и то же Начало, и понеже не мог бы он под сим единым Началом объять, если бы все телесные создания не были между собою подобны и одинакого естества.

Правда, есть многие миры, потому что самое малейшее существо есть мир, но все связаны в единой цепи; и как человек имеет право простирать руку свою к первому кольцу сей цепи, то нельзя ему приблизиться к нему, не коснувшись купно всем мирам.

Сверх того можно будет видеть в изображении свойств земли, что она есть обильный и неисчерпаемый источник для благосостояния человеческого, Как чувственного, так и разумного, что она включает в себе все размеры как чисел, так и фигур; что она есть первая поддержательница, которую встретил человек в своем падении; и для того не может он довольно уважать ее, понеже без нее пал бы он гораздо ниже.

О Девятерном Числе

Что ж бы было, когда б осмелился я говорить о Начале, которое одушевляет ее, и в котором находятся все способности растения и прочих качеств, которые мог бы я представить? Тогда-то люди научились бы почитать ее, умножили бы тщание в удобрении ее и прочитали бы ее входом того пути, который пройти им предлежит для возвращения на место своего рождения.

Но может быть я и так излишнее сказал; и, ежели поступлю далее, страшусь нарушить права, не принадлежащие мне. И так обращаюсь к числам *четыре* и *девять*, которые признал я за свойственные одно прямой линии, а другое кривой; также признал одно, яко число движения, или действия, а другое протяжения; ибо, может статься, покажутся сии числа подложными и выдуманнами.

И так за приличное нахожу здесь показать, для чего я употребляю их и почему думаю, что они естественно принадлежат тем линиям, которым я их приписал. Начнем с числа *девять*, или с числа линии кривой, или протяжения.

Без сомнения, никому не покажется нескладным представить себе окружность, как нуль; ибо какая фигура может быть более подобна окружности, как нуль? Тем паче не должно казаться нескладным принять центр за Единицу; потому что в окружности нельзя быть более одного центра: всякому же известно, что Единица, совокупленная с нулем, составляет десять 10. И так можем целый круг вообразить себе, якобы десять, или 10, то есть окружность с центром вместе.

Равным образом можем представить себе целый круг, яко существо телесное, которого окружность есть образ, или тело, а центр есть Начало невещественное. Но довольно подробно показано уже нам, что никогда не надобно смешивать сего невещественного Начала с образом телесным и протяжением; что хотя существование Вещества основано на их союзе, однако принимать их за одинакое существо была бы погрешность непростительная, и что разум человеческий всегда может их разделить.

И так, отлучать сие Начало от его телесного образа не есть ли то же, как и отделять центр от окружности, и следовательно то же, что и отнять единицу 1 от десятка 10. Но когда отнимаешь единицу от десятка, известно, что останется в числе *девять*, а в фигуре останется нуль, 0, или круговая линия, или наконец окружность. Теперь видишь, не сходны ли друг с другом число *девять* и окружность, и несправедливо ли приписано мною число *девять* всякому протяжению; ибо мы доказали уже, что всякое протяжение есть круговое.

Пусть также посмотрят теперь, применяясь к отношению, находящемуся между нулем, который сам по себе есть как бы ничто, и между числом девять, или числом протяжения, должно ли так легкомысленно опорочивать тех, которые утверждали, что Вещество есть токмо нечто кажущееся.

Знаю, что многие Геометры, почитая число знаков Арифметических за произвольно принятое, не очень поверят тепешнему доказательству; знаю и то, что некоторые из них покушались умножить число знаков до двадцати, дабы тем облегчить производства счисления.

Но во-первых, хотя у многих народов знаки Арифметические суть условные, однако Арабские должны быть исключены из сего числа; потому что они имеют свое основание в Законах и естестве чувственных вещей, которые, равно как и умственные вещи, имеют свои собственные числительные знаки.

Во-вторых, поелику Геометры отнюдь не знают Законов и свойств чисел, то и не заметили, что умножая их сверх десяти, преобразуют все, и хотят дать Существом такое Начало, которое не есть простое, и которое не представляет Единицы; не усмотрели они, что как Единица есть всеобщая, то и в сумме всех чисел должно быть ее изображению, дабы являясь столь же существенною и столь же неколебимою в своих произведениях, как и в своей сущности, имела она неоспоримые права на наше к ней почтение, и дабы человек не мог извиняться незнанием оных. Не усмотрел ионии, говорю, что число десять имеет на себе сие намечательное во всем совершенстве, и что следственно изволение человека никогда не может размножать знаков чисел, или Знаков единицы сверх десяти.

Да и опыт подтвердил сие положение, и все средства, употребленные к опровержению его, были безуспешны. И так я могу предпринять защищение его, и приписав число Один, или Единицу центру, приписать число девять окружности, или протяжению.

О разделении круга

Не возобновляю я здесь того, что сказано мною о союзе трех начальных Стихий, которые все три вместе находятся в каждой из трех частей тела; чрез что легко можно бы найти точное отношение числа девяти к Веществу, или к протяжению круговому; тако ж не упомяну о составлении куба Алгебраического, или Арифметического, который, когда факторы (множимые числа) состоят из двух членов, производятся девятью выкладками; потому что хотя в строгом смысле и десять их считается, но вторая и третья только повторяют друг друга, и потому должно их принять обеих за одну.

Но я подвержу еще мое положение некоторыми примечаниями о свойстве и разделении круга; ибо ложно сказано, что Геометры разделили его на триста шестьдесят градусов, ради того, что сие есть удобнеее деление и легчайшее для всяких производств счисления.

Сие деление кругу на триста шестьдесят градусов отнюдь не произвольное: сама натура дает его нам; потому что круг состоит из треугольников, и шесть равносторонних треугольников находится во всем пространстве круга.

Пусть же следует кто, когда есть глаза, естественному порядку сих чисел; пусть прибавит к ним произведение, которое есть окружность, или нуль увидит, людьми ли уставлено сие деление.

Предложить ли самому мне естественный порядок сих чисел? Всякое

произведение, какое б оно ни было, есть тройственное, три. Таковых произведений совершенных находится в круге шесть; или шесть равносторонних треугольников, шесть. Наконец самая окружность довершает дело и дает девять, или нуль, 0. И так ежели изобразить цифрами все сии числа, то будет во-первых 3, во-вторых 6, наконец 0, которые ежели совокупить, составят 360.

Помножь, чем хочешь, сии числа, которые признали мы за составляющие круг; тогда, поелику всякое произведение будет находить девятерное, не будешь более сомневаться, что число девять есть число всеобщее в Веществе.

Не усомнишься такожде и в немощи сего числа, когда рассмотришь, что с каким числом ни соедини его, никогда не переменит оно свойства оногo числа; сие для имеющих ключ послужит явственным доказательством сказанного нами, что образ, или одежда, может изменяться, а невещественное Начало его не престаёт быть недвижимым и нетленным.

О круге художественном

Сими простыми и естественными примечаниями открывается справедливость утверждаемого мною Начала. Сие же средство может показать людям, как должно поступать, чтобы читать свойства Существ; ибо все их Законы изображена на оболочках их, в их течении и в различных переменах, которым они подвержены.

Например: показанная мною выше сего погрешность в том, как принимаема была до ныне окружность, то есть, якобы она составлена из бесконечного множества точек, прямыми линиями соединенных, произошла от неразличения окружности естественной от окружности художественной. То правда, что та окружность, которую человек чертит циркулем, составляется последственным образом; и в таком смысле можно сказать, что она составлена из многих точек, которые, поелику одна после другой поставляемы бывають, могут представляемы быть как бы не имеющие между собою слепления, или непрерывности; для того и воображение полагает тут прямые линии, чтобы совокупить их.

О естественном круге

Но кроме того, что я в своем месте показал, что и в таком случае принимаемая соединительная линия не есть прямая, понеже нет чувственной прямой линии, стоит только рассмотреть составление естественного круга, чтобы признать лживость определений, которые вообще нам предлагаемы бывають о круговой линии.

Естественный круг растет вдруг во все стороны; он занимает и наполняет все части своей окружности; ибо в чувственном токмо порядке вещей и вещественными токмо глазами нашими видим необходимые неравности в образах телесных, потому что они суть составные; а глазами умственной способности нашей зрим везде одинакую силу и одинакую мощь и не усматриваем более сих неравнин, потому что чувствуем, что действие Начала долженствует быть полное и единообразное; иначе самое Начало было бы подвержено опасности: и кстати здесь сказать, то сие положение испровергает все школьные и детские споры о пустоте; ограниченные глаза тела человеческого должны находить оную при каждом шаге; ибо они не могут иначе смотреть, как в протяжении: мысль же человека не находит ее

нигде, потому что она смотрит в Начало, Видит, что сие Начало действует везде, необходимо наполняет все понеже противление должно быть всеобщее, как и давление.

И так не можно ни в чем сравнивать круг естественный с кругом художественным; ибо круг естественный производится вдруг весь, единым разлитием своего Центра; напротив, художественный круг начинается с конца, который есть треугольник; ибо всяк знает, или должен знать, что циркуль, имея один конец недвижимый, другим концом как скоро ступит с места, делает уже треугольник.

О Четверном Числе

Приступим теперь к доводам, почему число четыре есть число прямой линии.

Прежде всего скажу, что сие слово, прямая линия, принимаю здесь не в обще принятом смысле, означающем то протяжение, которое кажется глазам нашим равною чертою; да и в самом деле, доказав, что нет прямой линии в чувственной Натуре, не могу принять сего общего мнения, не противореча сам своим положениям. И так я приму прямую линию, яко Начало токмо, и потому яко отличную вещь от протяжения.

Не видели ли мы, что естественный круг растет вдруг во все стороны, и что центр его вдруг мечет вдруг из себя бесчисленное и неисчислимое множество лучей? Каждый сей луч не почитается ли по вещественному смыслу прямою линией? Да и воистину, по видимой прямизне его и по способности его продолжиться до бесконечности, он есть истинный образ Начала Родителя, который непрестанно производит из себя и никогда не отступает от своего Закона.

Сверх сего видели мы, что самый круг есть собрание треугольников; ибо мы везде признавали три токмо Начала в Телах, и что круг есть тело. Когда же сей луч, сия кажущаяся прямая линия, когда наконец действие сего Начала Родителя не иначе может открыться, как чрез тройственное произведение: то прибавим только число единичное Центра, или сего Начала Родителя, к тройственному числу произведения его, с которым он соединен во время бытия Существа телесного, то и получим указателя четвертого числа, Искомого нами в прямой линии, следуя данному нам о ней понятию.

Но чтоб не подумал кто, что мы смешиваем теперь то, что с таким речением разделяли, то есть центр, который есть невеществен, с произведением, или треугольником, который есть вещественный и чувственный; то да припомнит о том, что сказано мною о Началах вещества. Довольно явственно показал я, что они хотя и производят вещество, сами однако не вещественны; приняв же их таковыми, легче понять тесный союз центра, или Начала Родителя с Началами вторичными; и поелику три бока треугольника, равно как и три измерения образов, чувственно показали нам, что сих Начал вторичных числом есть три, то союз их с центром представляет нам совершеннейшую идею о нашей невещественной четверице.

Сверх того, как сие четверное явление бывает чрез исхождение луча из своего центра; луч сей, продолжающийся всегда в прямой линии, есть орган и действие Начала Центрального; кривая линия напротив не производит ничего, а всегда ограничивает действие и произведение линии прямой, или луча: то не можем не видеть сей очевидности и смело прилагаем число четыре к прямой линии, или к лучу, Представляющему оную; ибо единая прямая

линия и луч могут подать нам сведение о сем Числе.

Сим-то путем человек может достигнуть до того, чтоб различить образ и оболочку телесную Существ от их неведественных Начал, и чрез то сделать себе идею довольно правильную о их различных числах, дабы избегнуть замешательства и надежно идти по стезе примечаний; вот средство сыскать сию Квадратуру, о которой мы говорили и которая никогда не может быть открыта иначе, как чрез число центра.

И в самом деле, столь сие истинно, что сия прямая линия, или сия четверица, есть источник и орган всего телесного и чувственного, что Геометрия все измеряемое приводит всегда к числу четыре и к квадрату; ибо все треугольники, для сего в ней употребляемые, почитаются яко разделение и половина сего самого квадрата; но сей квадрат не из четырех ли линий составлен, из четырех линий почитаемых прямыми, или подобными лучу, и следственно четверными, как и он сам?

Каких еще требовать доводов, что и самых Геометров производства доказывают то, что я утверждаю? То есть, что число, которым производятся Существа, есть то же, которое служит им мерою: и так истинную меру Существ в их Начале, а не в одеждах их и не в протяжении находить можно; ибо напротив всякая одежда и всякое протяжение не может измерено быть с точностию, разве приближаясь к центру и к сему числу Четверному, которое называем Началом Родителем.

Никто, уповаю, не вздумает сделать мне возражение, что все фигуры, называемые в Геометрии прямолинейными, имея пределами своими линии почитаемые прямыми, имеют равным образом Четверное число, и что следовательно не одному квадрату должен бы я был приписать четверную меру; что казалось бы противным простоте и единственности начального положения, мною изреченного.

Когда бы самым делом опровергалось мое мнение, когда бы и то было ложно, что Геометры, как я сказал, все измеряемое ими приводят в квадрат; то довольно и сказанного уже мною о сем неведественном четверном числе, чтобы согласиться, что поелику все вещи чувственные происходят от него, то и должны иметь на себе ощутительный знак четверного своего происхождения; но как сие четверное число есть единственное Начало Родитель чувственных вещей, яко единственное число, которому производительное качество существенно принадлежит; то неотменно надобно быть и одной фигуре в чувственных вещах, которая бы его назнаменовала; а сия фигура, как сказано, есть квадрат.

О квадратном корне

Да как не явиться сей истине в чувственных вещах, когда находим ее явственно и неоспоримо изображенну в числительном Законе, то есть в том, что есть здесь у человека самое разумнейшее и вернейшее? Как, говорю, найти нам меру сверх четверной меры, или что все равно, сверх квадрата в чувственных и телесных фигурах, которыми занимается Геометрия, когда в сем численном законе, или в законе счисления, о котором мы недавно говорили, невозможно ничего найти сверх квадратного числа?

Знаю, что сие удивит, и как ни неоспоримо сие предложение, конечно покажется странным; ибо всеми принято уже, что числительный квадрат есть произведение какого-нибудь Числа, умноженного на себя, и даже на мысль не приходит усомниться, что всякое ли Число имело сие свойство.

Но поелику открытое нами во всех отделениях вещей сходство между Началами и произведениями их не сильно, чтобы привлечь внимание к сему; поелику, не взирая на то, что один есть квадрат во всех чувственных фигурах, начертаваемых человеком, геометры удостоверили себя, что может быть и более, нежели один квадрат числительный: то я намерен вступить в иные подробности, которые подтвердят доказываемое мною.

Квадрат в фигуре конечно в четверо больше своего основания; и ежели он есть токмо чувственный образ квадрата умственного и числительного, от которого он происходит, то надобно непременно, чтоб сей числительный и умственный квадрат был подлинник и образец его; то есть, как в фигуре квадрат в четверо больше своего основания, так и числительный и умственный квадрат должен быть в четверо больше радикаса (корня).

Но я могу засвидетельствовать всем людям, да и они могут то узнать, как и я, что одно только есть число, которое в четверо больше своего радикаса. Удержусь я, сколько могу, показать им его полжительно, как для того, что легко его найти, так и для того, что есть такие истины, которые с сожалением я предлагаю.

Но скажут мне: когда я принимаю один только квадрат числительный, то как же почитать произведения всех прочих чисел, умноженных на себя? Ибо ежели един есть квадрат числительный, надобно быть одному и радикасу квадратному между всеми числами; а нет такого числа, которого бы не можно было помножить самим собою: когда же все числа могут умножаемы быть на себя, то что ж они такое, когда не радикасы квадратные?

Согласен я в том, что всякое число может помножено быть само на себя, и следственно всякое может почитаться радикасом; сверх того знаю, как и самый последний выкладчик, что нет такого радикаса, который бы не был среднее пропорциональное число между его произведением и единицею; но чтоб быть им квадратными радикасами, надобно всем им быть в таком же содержании, как четыре к единице; а в сем множестве разных радикасов, которых количество никогда не может быть ограничено, в рассуждении того, что и числам нет предела, есть одно только число, или один радикас, который имеет сие содержание четырех к единице. И так явствует, что число сего содержания единое токмо заслуживает существенно имя радикаса квадратного; а все прочие радикасы, поелику имеют разные содержания к единице, могут получить названия свои от сих различных содержаний; но никогда не должны называться квадратными, потому что содержание их к единице никогда не будет четверным.

По сей же причине, хотя от умножения всякого радикаса на себя бывает произведение; однако, понеже всякий радикас есть среднее пропорциональное число между его произведением и единицею, то необходимо надобно сему произведению содержаться к своему радикасу, так как радикас содержится к единице. Когда же один только есть радикас, который имеет содержание четырех к единице, или который есть квадратный: то неоспоримо, что одно только может быть и произведение, которое содержится к своему радикасу четырежды; и следственно нельзя быть более одного квадрата. Все же прочие произведения, поелику не в четверном содержании с их радикасом находятся, не должны почитаться квадратами, но получают свое имя от разных содержаний своих к радикасам, как и радикасы неквадратные имеют имя свое от разных содержаний своих к единице.

Одним словом, ежели бы воистину все радикасы были квадратными радикасами, то все радикасы, которые между собою в двойном содержании,

производили бы квадраты двинного ж между собою содержания; но известно, что в числах сему быть не можно. И для того-то мы полагаем один только квадрат и один квадратный радикас; и так Геометры от того, что не довольно правильно поняли радикас квадратный, Приписали всем числам свойства его, которые в самой точности одному числу приличествуют.

Однако надлежит приметить, что между сим единственным Радиксом квадратным и всеми прочими радикасами, равно как между квадратным произведением единственным, которое можно допустить, и всеми прочими произведениями числительными, разность происходит от качества факторов, от которых она распространяется и на выходящие из того следствия. В деле самом всегда четверное число предводительствует всеми сими производствами, какие б они ни были; или яснее сказать, в умножении всякого рода всегда мы находим, во-первых, единицу, во-вторых, первый фактор, в-третьих, второй фактор, и наконец, следствие, или произведение, происходящее от взаимного действия двух факторов.

Я говорю в умножении всякого рода: для того, что сие истинно не только во всех тех произведениях, в которых мы признаем два радикаса, или два фактора, как то в умножении двух разных чисел друг на друга, но также и во всех тех произведениях, в которых нам известен один радикас; потому что сей радикас, умноженный на самого себя, представляет нам явственно два наших фактора.

Здесь паки усматривается с новою ясностью существенные Мощь сего числа четыре, Начало всякого произведения и всеобщий Родитель, равно как и качества сей прямой линии, которая есть образ его и действие.

И так видим теперь, почему признано нами сие четверное число за Начало и постоянную меру всех Существ, и почему всякое произведение, какое бы оно ни было, протяжение ли, другие ли какие свойства протяжения, рождается и управляемо бывает от сего четверного числа.

О десятичных числах

Сами Геометры подтверждают все приписанные доселе четверному числу преимущества употребляемыми у них делениями луча, или полупоперешника, для узнания отношения его к окружности. Они разделяют его на множайшие сколько можно части, чтобы с меньшею ошибкою подойти к точности. Но должно заметить, что во всех принятых ими делениях употребляют они всегда десятичные числа. А по некоторому счислению, которого мы здесь не предложим, хотя оно и довольно известно, нельзя отрицать, чтоб между десятичным числом и четверным не было отношений неоспоримых, понеже оба они имеют преимущество быть в соответствии и принадлежат к единице. И так Геометры когда употребляют десятичные числа, следуют четверному же числу.

Знаю, что по строгости можно бы разделять луч и на другие числа, Кроме десятичных; знаю также, что сии десятичные никогда не производят совсем точных вычислений, как и деление круга на триста шестьдесят градусов, из чего можно бы вывести, что ни десятичные числа, ни четверное, с которым они неразлучно соединены, не суть истинная мера.

Но надлежит приметить, что деление круга на триста шестьдесят градусов есть совершенно точное; понеже оно падает на истинное число всех образов; напротив того, десятичное деление, изображая число вещественного Начала сих самых образов, не может быть правильным

мерилом телесного луча в чувственной натуре, ниже какого-либо рода Вещества.

При всем том однако из всех разделений, какие человек избрать может, десятичные ближе всех подходят к намерению его; можно еще сказать, что в сем случае, равно как и в других, он имел руководителем, не ведая того сам, Закон и Начало вещей; что выбор его есть следствие естественного в нем находящегося света, влекущего его непрестанно к Истинному, и что употребленное им к тому средство, как ни ничтожно и как ни бесполезно для него, потому что он хочет его приноровить к протяжению и Веществу, есть однако лучшее в сем роде.

Об умственном квадрате

И так, не взирая на то, что человек мало успел в своих стараниях, должно согласиться, что разделением луча на десятичные части подтверждается то же, что я сказал о повсеместности четверной меры.

Хотя и обещался я быть скромным, однако из всего того, что открыл касательно числа четырех и касательно радикаса квадратного, всякому читателю легко рассудить, что оба они суть то же; и так поздно уже скрывать сие; и даже сказав о них так много, я нахожу себя как бы принужденным признаться ему, что тщетно будет он искать источника наук и просвещения где-нибудь, кроме сего квадратного радикаса и происходящего от него единого квадрата.

И поистине, ежели можно читающим сию книгу объять самим собою союз всего того, что пред ними я полагаю, и получить надлежащую идею о представленном мною квадрате числительном и умственном; то я буду обязан объявить уже истину и не отказываться от исторгаемого ими у меня признания.

И так представляю им предварительно, сколько благоразумие и скромность позволят, некоторые свойства сего четверного числа; а чтобы сие было им внятнее, то буду рассуждать о нем как о чувственном и телесном квадрате, который есть его подобие и произведение, то есть так, как бы он имел четыре стороны видимые и отличенные друг от друга.

Ежели рассмотреть каждый из четырех боков его, то можно удостовериться, что квадрат, о котором речь идет, есть воистину единственная дорога, которая может привести человека к уразумению всего, что содержится во вселенной; также он есть единственное подкрепление противу всех обуреваний, которые переносить он должен в путешествии своем во времени.

Но чтобы лучше почувствовать многочисленные преимущества, соединенные с сим квадратом, припомним здесь то, что сказано было, когда сравнивали мы его с окружностью: мы узнаем тогда, что окружность сотворена к тому, чтоб ограничивать и противиться действию центра, или квадрата, и чтоб оба они взаимно действовали друг на друга, следственно, чтоб она пресекала лучи света; напротив того квадрата, который по себе есть Начало сего света, истинное дело есть освещать; словом, окружность содержит человека во узах и в заключении, а квадрат ему дано на то, чтобы освободиться ему от оных.

Действия окружности

В самом деле, все несчастья человека происходят от унижения окружности сей; потому что он не может обойти всех ее точек иначе, как одну после другой, и для того принужден чрез все ее протяжение сносить труды времени, для которых он не был сотворен. Напротив того, квадрат, находясь в соответствии с единицею, не порабощает его сему Закону; понеже действие его есть полно и непрерывно по образу Начала его.

Надобно однако признаться, что самое Правосудие миловало человека даже и в возлагаемых на него наказаниях, и что сия окружность, данная ему с тем, чтоб ограничить его и заставить очистить прежние свои прегрешения, не оставляет его без надежды и утешения; ибо посредством сей окружности человек может обтечь всю вселенную и возвратиться к той точке, от которой начал течение, не будучи принужден обратными стопами к ней идти, то есть, не теряя из виду центра. Сие есть упражнение самое полезное и спасительное для него, как то видим, что когда кто хочет намагнитить железный прутик, то всякий раз, проведя его по магниту, должен опять, обнося кругом, приводить к оному, иначе он потеряет всю полученную уже силу.

О превосходстве квадрата

Не взирая, однако, на сие свойство окружности, никак нельзя сравнить ее с квадратом; ибо сей показывает человеку прямо силы центра, и сей человек, не выходя из места, может посредством его достигнуть и объять те же вещи, которых помощью окружности не может иначе познавать, как обшед все ее точки.

Наконец тот, кто пал в окружность, обращается около центра, потому что удалился от действия сего центра, или луча прямого, и обращается всегда; потому что действие благое есть повсеместное, и он находит оное везде на своем пути и напротив себя; но тот, кто соединен с центром, или с квадратом, который есть образ его и число, тот всегда недвижим и всегда одинаков.

Бесполезно, думаю, распространять сие аллегорическое сравнение; потому что не сомневаюсь, чтобы и в том, что я сказал, разумные глаза не открыли многого.

И так не без причины поставляю сей квадрат выше всего; понеже как нет больше двух линий, прямой и кривой, то все, что не принадлежит к линии прямой, или квадрату, есть непременно круглое и, следовательно, временное и гиблущее.

Ради сего превосходства всеобщего должен я был дать наперед почувствовать человеку бесчисленные преимущества, которые может он найти в сем квадрате, или в четверном числе, о коем намерен я был предложить моим читателям некоторые предварительные описания.

Мера окружности

Прошу их вспомнить, что квадрат вообще известный есть образ и подобие квадрата числительного и умственного; поймут они также без сомнения, что я намерен говорить о квадрате токмо числительном и умственном, который действует над временем и управляет оным, и что сей самый есть доказательством, что существует иной квадрат вне времени, но которого знать нам не позволено, доколе сами не выйдем из временной темницы; чего ради не должен я был говорить и о членах четверной

Прогрессии, которые восходят выше Причин действующих во времени.

В следствие чего, чтобы разуместь, как сей квадрат содержит все и ведет к познанию всего, приметим, что в математике четыре угла прямые суть мера всей окружности; и поелику сии четыре угла каждый означает особливую страну, то явствует, что квадрат объемлет Восток, запад, Север и Юг; но как во всем том, что существует, чувственное ли то, умственное ли, Сии токмо четыре страны можем найти: то льзя ли что вообразить себе далее сего? И когда мы обойдем их в одном отделении вещей, то не должны ли мы почитать себя удостоверенными, что не остается ничего более узнать в сем отделении?

Об измерении времени

Чего ради кто рачительно и постоянно примечал четыре главные страны Создания телесного, тому нечему учиться в астрономии, и он может ласкаться, что знает основательно систему мира, равно как и истинное расположение небесных тел; то есть, он будет знать свойство звезд неподвижных, кольцо Сатурна, Времена способные к земледелию и две Причины затмений: ибо примечатели, для того что не хотели признать в сих затмениях иного закона, кроме вещественного и видимого, отрицали те (затмения), которые произошли из иного источника и не в то время, которое было назначено по чувственному порядку.

Что касается до порядка движений Звезд, человек и о них равномерно мог бы получить достоверное познание чрез рассудительное испытание четырех разделений, которые совершают временное течение их; ибо Время есть разделение мер чувственных, менее всех подверженное ошибкам; и для того, как Время есть истинная мера течения звезд, то всяк видит, что гораздо легче мне измерить без ошибки периодическое их обращение помощью исчисления Времени, нежели узнать точно длину моей руки помощью мер условных, взятых из протяжения; потому что сии не имеют основания постоянного и определенного чувственною Натурою: чего ради многие народы меряют самое пространство и расстояния путей временем, или продолжением.

О преобразованиях Натуры

Помощию сего же квадрата человек мог бы достигнуть до того, чтобы свободить себя от густого мрака, скрывающего еще от взору всех древность, происхождение и создание вещей; мог бы он даже объяснить все споры, относительные к рождению земного нашего шара и ко всем преобразованиям, которые начертаны на поверхности его, и которых следы могут быть изображением как в первоначальном сложении мира происшедших перемен и действий, так равно и последовавших преемных преобразений, которым вселенная подвержена от самого своего происхождения.

В самой вещи, сии преобразования производимы были всегда от физических сил, хотя по соизволению первой Причины и под управлением Причины временной высшей совершались чрез непрерывное противное действие злого Начала, которому часто попускаема была великая власть над чувственным, дабы очищать умственное; ибо, сказать правду, сие очищение умственного есть единственный путь, ведущий к истинному великому Делу, или к восстановлению единицы; но как же сему очищению можно быть без

противного ему, или без отражательного действия; ибо ему должно совершаться во времени, а никакое действие во времени не может быть без помощи противодействия?

Сие объяснилось бы человеку, когда бы он заметил четыре страны, о которых мы говорим; увидел бы, что одна из них управляет, другая принимает, а две противодействуют; посему увидел бы он, что страшные перемены, которых следы повсеместно видны на земле, Принадлежат необходимо действию двух действующих стран противных, то есть той, в которой владычествует огонь, и той, где владычествует вода. Тогда не стал бы видимых им ежедневно следствий приписывать одной стихии, кажущейся быть причиною оных; потому что узнал бы он, что сии преобразования суть следствия непрестанного сражения сих двух врагов, в котором иногда тот, иногда другой преодолевает; но в котором также не бывает победитель без того, чтоб то место земли, где было сражение, не потерпело соразмерно с ним и не получило повреждения и перемен.

Для сего не должно удивляться переменам, примечаемым нами на земле, потому что когда б и вседневные преобразования, которых мы отрицать не можем, не имели места; то сии две стихии тем не менее начали противное свое действие с начала происхождения временных вещей.

Для сего также должны мы быть уверены, что каждое мгновение происходит новые преобразования; понеже действие сих двух стихий друг на друга есть и будет непрерывно до всеобщего разрушения. И так все сии чудные явления, которым натуралисты удивляются, исчезают; все сии неправильности, все сии опустошения, в глазах наших совершающиеся, равно как и те останки, которые свидетельствуют о древности, не трудно будет изъяснить, и они согласуют совершенно с тем, что сказано о врожденных Началах существ, о их различных и противоположных друг другу действиях, и наконец о пагубных следствиях противодействия всеобщего.

Но еще менее удивительными покажутся все сии явления, когда припомним, что сии две противоположные стихии, сии две силы, или сей двойственный Закон всеобщий в веществе, всегда находятся в зависимости Причины действующей разумной, котроая есть их центр и союз, и которая может по изволению приводить в действие ту, или другую силу, и даже предать их действию низкому и злему.

И так еще имеем средство узнать, откуда могли произойти в великих преобразованиях сии чрезмерные превышения воды над огнем, или огня над водою; ибо должно только привести себе на мысль сию Причину действующую и разумную, и признать, что как скоро Начала сих стихий не в своих пределах, то конечно она попускает, или собственною силою умножила действие одной пред другою, во исполнение судеб и правосудия первой Причины, и чтобы или попустить, или остановить чрезмерно великое противодействие злого Начала, сей противного.

Из сего видно, что дабы узнать правила шествия сей Причины, какое она предприимлет во вселенной, надлежит основание оного искать в ее разумном естестве, И во всем том, что ей подобно; ибо, как она есть действующая, купно и разумная, то действие ее производит чувственные дела, сообщая разные свои действия и противодействия всем существам временным; но объяснить их может разумная токмо ее способность, поколику по ней допущена она к совету; и та никакого удовлетворения себе не сыщут те, которые будут искать сего изъяснения в веществе.

Когда снесешь сие с тем, что мы сказали о способе искать во всем истину вещей, видно будет, не всеобщи ли суть начальные положения, которым мы следуем.

Временное течение существ

Сверх того, что знание квадрата может дать сведения о состоянии существ телесных, о согласии учрежденном между ими, равно как и о Причинах разрушения их, оно объемлет еще четыре различные степени, которым частное их течение порабощает, и которые нам явственно означены в четырех временах года; ибо кому не известны различные свойства каждого сего времени? Кому не известно, что как всякое существо телесное не может зародиться без соединения двух нижних действий, то прежде всего и во-первых потребно сим двумя действиям сойтись и согласиться взаимно, что можно называть усыновлением?

Осени приписывается сие усыновление; ибо тогда существа, по Закону невещественного их Начала, мечут из себя зародышей, долженствующих обночить их бытие; и сей Закон не прежде начинает действовать, как когда зародыши находятся в природной своей матке. Сия есть первая степень их течения, степень, в которой размышление и разумение легко откроют множество вещей, которых я не должен сказывать.

Когда таким образом зародыши усыновлены стали матками, тогда два действия, стекаясь купно, производят то, что должны мы назвать зачатием, которое по Закону сей же самой телесной Натуры неотменно нужно для рождения существ вещественных. Сия вторая степень их течения происходит зимою, которой влияние сберегая силу их в покое, и собирая весь огонь их в одну точку, производит над ними сильное отражательное действие, от которого они усиливаются и учиняются способнее к соединению и взаимному сообщению сил своих.

Третья степень течения их бывает весною, и мы можем смотреть на сие деяние как на деяние возрастания, или восприятия плоти; во-первых, потому что оно третье; а мы довольно показали, что число три посвящено всякому произведению телесному, или бестелесному; во-вторых, потому, что как соляные влияния зимы пресекались, исполняя свой Закон, который есть не токмо на Начало семян родительных действовать, но и на их произведений Начало, тогда и те и другие приводят в движение свою способность и свое естественное свойство, обнаруживая все, что в них есть. А для того в сие весеннее время начинают показываться плоды сего растительного свойства, и мы видим, как они выходят из недра земли, в которой зародились.

Наконец, лето совершает все дело; тогда все сии произведения исходят из матки, в которой зачались, приемлют в себя полное действие солнца, которое приводит их в зрелость; и сия есть четвертая степень течения всех существ телесных земных.

Однако всяк почувствует легко, что большую часть животных должно из сего исключать, которые хотя и подвержены сим четырём степеням, которые в частном течении всех существ телесных теперь я признал, однако в рождении и возрастании своем не следуют Закону и продолжению обыкновенному времен годовых; и сему исключению нельзя дивиться; ибо как они не привязаны к земле, хотя и от нее происходят; то всеконечно и Закон их не должен быть подобен Закону существ растительных, привязанных к сей самой земле.

Эпоха Мира

Также не должно отвергать Начала повсеместной четверицы, ради того, что и в растительных существах некоторые не дожидаются в совершении своего течения, пока исполнятся все четыре времени года; а другие не прежде доходят к сему совершению, как чрез многие годовые обращения солнца. Разность сия от того, что иным нужно меньшее противодействие, а другим большее, для совершения своего частного дела. Но тем не менее упоминаемые четыре степени, или сии четыре деяния, им приличествуют и исполняются всегда с совершенною точностию, как в существах самых скорозрелых, так и в самых медленных; потому что по силе того, что показано о числе четыре относительно к протяжению, оно есть мера всему и свое действие распространяет везде, хотя не везде равное, а соразмеряет его вообще разным свойствам существ.

Показанное нами о свойствах четырех времен года не откроет ли нам несколько и ту Эпоху, в которую мир родился? Правда, что сие касается до тех, которые допускают, что мир имел начатие; ибо для тех, которые столько слепы, или столько нечистосердечны, что не признают начатия его, сие изыскание будет излишним. Однако, уверен будучи, что и им бесполезно будет то, что я имею сказать, открою, сколько мне позволено, край завесы пред глазами их.

Ежели в происхождении мира принять в рассуждение токмо первую минуту явления телесности его, то, следуя порядку годовых времен, всеконечно подумается приписать сие Весне, потому что в самом деле сие есть время растения.

Но ежели простерть взор далее и разобрать все деяния, долженствующие предшествовать видимому явлению телесности его, то надлежит неотменно отнести зачатие зародыша мира к иному времени, а не к весне. Ибо как нельзя не согласиться, что настоящее течение Натуры всеобщей есть то же, какое было и при рождении ее, то и усыновлению Начал, ее составляющих, надлежало учиниться в тех же обстоятельствах и в том же времени, в каком ныне видим учиняется усыновление частных Начал, то есть, что сие первобытное усыновление должно было начаться в Осень.

В самом деле, когда Существа лишаются теплоты Солнца, когда сие светило удаляется от них, тогда сближаются они взаимно и сходятся, дабы заменить его отсутствие взаимным сообщением собственной теплоты: а сие-то есть, как показано выше, первое деяние того, что должно быть совершаемо телесно между частными Существом Натуры. То же долженствует быть и во всеобщем: когда Солнце престало быть чувствительным для тех, которых до того согревало, тогда-то телесные вещи учинили первый шаг к бытию, и Натура зачалась.

По сему сравнению можно предполагать также, в какое время сия Натура должна разрушиться и перестать существовать; то есть, следуя Закону нынешнего ее течения, надобно думать, что Летом мир сей получит довершение четырех деяний своего течения всеобщего, что когда наступит сие довершение, то кончит он свое поприще, и отделяясь от ветви по примеру плодов древесных, престанет существовать и совсем исчезнет, а древо, к которому он принадлежал, останется на всегда неподвижным.

То, что я теперь сказал, имеет своим основанием вообще признанный Закон, что вещи всегда кончатся тем, чем начались. Однако, я повторяю,

хотя четыре деяния течения временного совершаются в каждом Существе, но нет ни одного из них, в котором бы сей Закон не в разные времена совершался.

И так когда течение сие разнствует, начиная от растения до животного, ежели в каждом из сих двух отделений различно производится оно как в видах, так и в нераздельных, то тем паче трудно определить его Законы и продолжение, заключая из частного об общем. И так всего менее намерен я был назначать сим великим эпохам годовое время земное. Да и в самой сущности таковые изыскания совсем излишни для человека, тем паче, что помощью того светильника, который есть в нем, может он приобрести познания полезнейшие, надежнейшие и нужнейшие, нежели те, которые касаются до периодов Существ преходящих.

Равным образом прошу, да не вменится мне в противоречие и неосмотрительность то, что я сказал о Солнце прежде бытия вещей телесных; я не забыл, что видимое нами солнце рождено, как и все тела и со всеми телами вместе; но я знаю также, что есть и другое Солнце весьма Физическое, которого сие токмо есть начертание и под назиранием которого все дела рождения и создания Натуры производились, подобно как дневное и годовое обращение Существ частных производится в назирании и по Законам нашего Солнца телесного и чувственного.

И так, радея моим читателям, увещаваю их быть осмотрительными и не судить меня, не поняв прежде моих мыслей; и ежели хотят они разуметь меня, то надобно иногда взор свой простирать далее того, нежели что я говорю; ибо и по долгу и из осторожности я оставляю многое неизъясненным.

О сторонах квадрата

Показавши вообще многие свойства квадрата, которого я всегда объявляю единственным и особливым, кратко предложу о свойствах, принадлежащих каждому его боку, отлагая пространнейшее рассуждение о сей всеобщей эмблеме к следующему за сим отделению.

Первый бок его, яко база, основание, или корень прочих трех, есть изображение Существа первого, единого, всеобщего, которое явило себя во времени и во всех произведениях чувственных, но которое, будучи само себе причина и источник всякого Начала, имеет свое жилище особо от чувственного и от времени; и чтобы удостовериться в том, что я подтверждал несколько раз, то есть, сколь мало нужны к бытию его произведения чувственные, хотя и от него происходят они, то надлежит только приметить, какое число ему приличествует; всяк знает, что оное есть Единица.

Что ни делай над сим числом, взяв его само в себе; то есть, умножай, возводи в такую степень, какую может представить воображение, ищи радикалов всех сих степеней, всегда выходит будет искомое число единица: и так, поелику сие число один есть само себе и радикал, и квадрат, и все степени; то необходимо должно оно существовать само собою и независимо от всякого другого Существа.

Не говорю я о делении; потому что оно имеет место токмо в сложном, но никогда в простом числе, какова единица; и сие подтверждается тем, что я сказал о ничтожестве дробей.

Не говорю также и о сложении; ибо то очевидно, что оно токмо быть может в вещах сложных и что Существо, которое имеет в себе все, не может принять приложения никакого другого Существа, что и служит

доказательством на вышесказанное мною о Веществе, в котором то, что употребляется для возрастания и питания Существ телесных, ни мало ни примешивается к их Началам.

Но я говорю о умножении, или о возвышении степеней, также о извлечении радикасов; потому что одно есть изображение свойства производительного врожденного во всяком Существе простом, а другое есть изображение соответствия всякого Существа простого к его произведениям; ибо чрез сие соответствие производится восстановление, или приведение в целость.

Сие должно нас утвердить, что сей первый бок квадрата, сие число ОДИН, или первая Причина, которой оно есть отличительный знак, производит все само собою, получает все от себя, или принадлежащее себе.

Второй бок принадлежит сей Причине действующей и разумной, которую представлял я во все течение сего Сочинения, яко занимающую первое место между причинами временными, и которая чрез действующую свою способность направляет течение Натуры и Существ телесных, равно как чрез разумную свою способность направляет все стопы человека, который, поколику разумное Существо, подобен ей.

Сей Причине мы приписываем второй бок квадрата для того, что как сей второй бок есть ближайший к радикасу, так Причина действующая и разумная является непосредственно после Существа первого, которое существует вне временных вещей. Поставя же ее в сравнение со вторым боком квадрата, должны приписать ей и число двойственное; да мы и видим, что ни к какому Существу не можем справедливее приложить сего двойственного числа, как к сей Причине; понеже сама она показывает нам его как чрез вторичный чин свой, так и чрез двоякое свойство, которым она обладает.

Да и в самом деле, столь истинно то, что сия Причина действующая и разумная есть первый действитель над всем временным и чувственным, что ничто бы здесь не существовало без ее помощи, и так сказать, не начавшись ею.

Не доказывает ли сего нам самый квадрат? Второй бок его, о котором теперь рассуждаем, не есть ли первая степень и первый шаг к обнаружению могуществ радикаса его? Словом, не есть ли он изображение сей прямой линии, которая есть первое произведение точки и без которой никогда бы не было ни поверхности, ни твердого тела?

И так в квадрате мы находим уже два пункта важнейшие для человека, то есть познание Причины первой всеобщей и познание Причины второй, изображающей первую в чувственных вещах, и которая есть первый ее Действитель временный.

Выше сего довольно пространно говорил и о великих принадлежностях сей Причины второй действующей и разумной, и для того не возобновлю сего здесь; а ежели кто хочет иметь о ней точную идею ей сходственную, то довольно не забывать никогда того, что она есть образ первой Причины и что всю власть ее имеет над всем тем, что происходит во Времени; сие есть самое истинное о ней понятие, которое притом покажет человеку, есть ли какое другое после нее Существо во Времени, на которое бы лучше мог он положить упование свое.

Третий бок есть тот, который означает все содействия, какие б они ни были, то есть как телесные и чувственные, так и невестественные и которые вне Времени; ибо как есть Квадрат принадлежащий времени, и Квадрат

независящий от времени, так и содействия есть соединенные с тем, или другим Квадратом; потому что каждый из них имеет власть являть свои произведения; а как произведения, являемые и в том и другом Отделении вещей, суть всегда числом три, то для того мы и относим их к третьему боку Квадрата.

Сие совершенно согласует с тем, что показано было в телесных произведениях, которые все суть состав трех Стихий, но должно заметить великую разность, которая, не смотря на подобие числа их, находится между временными произведениями и теми, которые не суть во времени: сии, происшед прямо от первой Причины, суть Существа простые, как и она, и следственно имеют бытие совершенное, которого ничто не может уничтожить; а те, рождены будучи от вторичной Причины, не могут иметь раных с первыми преимуществ, но необходимо должны чувствовать низость своего Начала; чего ради бытие их и есть преходящее, и они не суть самостоятельны как бы Существа истые.

Сие показывает нам явственно третий бок квадрата; ибо как второй дал нам линию, то третий даст поверхность: и поелику число три есть купно и число поверхности и число Тел; то явствует, что Тела составлены из поверхностей, то есть из таких сущностей, которые суть только покрывка, или наружность внешняя Существа, но которым не принадлежит ни твердость, ни жизнь.

В самом деле, последнее производство в человеческой Геометрии, которое предписывается в составлении твердых тел, есть токмо повторение предыдущих, то есть тех, которые составили линию и поверхность; ибо глубина, рождаемая сим третьим и последним производством, есть не иное что, как вертикальное направление многих линий вместе; а вся разность в том, что в первых производствах направление линий было горизонтальное; и так сия глубина есть всегда произведение линий, а потмоу она не иное что быть может, как собрание поверхностей.

Хочет ли кто теперь к случаю научиться точнее ценить, что такое Тела? К исполнению сего стоит только возвратно следовать тому порядку, коим они составились. Твердые Тела составлены из поверхностей, поверхности из линий, линии из точек, то есть из Начал, не имеющих ни длины, ни ширины, ни глубины; словом, которые никакому измерению Вещества не подлежат, так как я сие пространно показал в своем месте.

И так, приведя таким образом Тела к их источнику и к первобытной сущности, увидишь, какую идею должно иметь о Веществе.

Наконец четвертый бок квадрата, изображая четверное Число, от которого все вещи получили свое происхождение, представляет нам Число всего того, что есть Центр, или Начало, в каком бы отделении вещей то ни было: но как мы довольно говорили о всеобщем Начале, Которое вне Времени, а сей квадрат, о котором теперь говорим, Имеет своим предметом временное, то чрез четвертый бок его должно разуметь разные Начала, действующие во временном отделении, то есть как те, которые обладают разумными способностями, так и те, которые чувственные токмо и телесные способности имеют; а что касается до невещественных Начал Существ телесных, о которых мы столь пространно объяснялись, сколько позволено было, то не упомянем здесь ни о их разных свойствах, ни о врожденном их действии, ни о необходимой им надобности второго действия для приведения в движение первого; словом, ниже о всех сих примечаниях, касательных до Законов и течения Натуры вещественной.

А заметим только то, что отношение, которое может находиться между сими Началами телесными и четвертым боком квадрата, есть новое доказательство, что они, яко четверные, или яко Центры, суть Существа простые, отделенные от Вещества, и потому неразрушимые, хотя произведения их чувственные, которые суть не иное что, как сложения, могут по природе своей разрушаться.

И так должны мы теперь обратить внимание наше единственно на Начала невещественные, а из сих Начал приличнее всех теперь можем устремить наш взор на человека; понеже для него более и сие сочинение предприятно; понеже в нем паче должны существенно находиться все силы, содержащиеся в сем важном Квадрате, о котором речь идет; понеже наконец сей Квадрат и начертан для человека и есть истинный источник познаний и просвещения, которых сей человек по несчастю лишился.

И так, рассматривая прилежно четвертый бок сего квадрата, человек научится воистину знать цену его и преимущества. Тут увидит он ясно Заблуждения, которыми люди затмили основание и предмет самой Математики; увидит, как они обманываются, когда на место Законов простых сей высокой Науки поставляют свои ошибочные и неверные решения, и как много вредят себе тем, что заключают ее в пределы рассмотрения вещественных Дел Натуры, когда напротив, употребляя ее иным образом, могли бы получить от нее драгоценные плоды.

Но известно, что человек не может уже ныне взирать на сей квадрат с той стороны, с какой мог прежде, и что из четырех разных отделений, содержащихся в нем, занимает ныне самое незнатное и мрачное, когда напротив в первобытности своей занимал первое и светлейшее.

Тогда он, почерпая знания из самого источника и без труда и утомления приближаясь к Началу, давшему ему бытие, наслаждался миром и беспредельным благоденствием; понеже был он в своей Стихии. Сим средством мог он с пользою и безопасно направлять свое шествие во всей Натуре; ибо, имея владычество над тремя отделениями нижними квадрата временного, мог ими управлять по изволению без всякой боязни и препятствия; ради свойств, говорю, соединенных с сим высоким местом, имел он верное сведение о всех Существах, составляющих сию телесную Натуру, и тогда не был он подвержен опасности смешать свою собственную Сущность с Сущностию их.

О временном квадрате

Напротив того, ныне изгнанный в последнее отделение Квадрата временного, Находится он при краю сей самой Натуры телесной, которая некогда была ему покорена и от которой никогда не должен был он терпеть противления и суровости. Нет у него более сего преимущества драгоценного, которым он наслаждался во всем его пространстве, когда, имея место свое между квадратом временным и между тем, который вне времени, мог читать вдруг и в том и в другом. Вместо сего света, от которого мог бы он не отлучаться никогда, видит вокруг себя страшную темноту, Подвергающую его всем страданиям, сродным телу его, и всем заблуждениям, в которые влечется он в мысли своей чрез ложное употребление воли и чрез злоупотребление всех разумных своих способностей.

И так весьма то истинно, что невозможно ныне человеку без вспоможения достигнуть к познаниям, содержащимся в Квадрате, о котором

говорим; понеже он не является ему в том виде, который один может сделать ему его вразумительным.

Пособия, оставшиеся у Человека

Но я не хочу, как то я обещал, приводить в уныние человека, Напротив желал бы я возжечь в нем надежду, которая бы никогда не угасала; хотел бы излить утешение на бедность его, принудя сравнить ее с теми средствами, которые близ себя имеет, чтобы свободиться от нее.

И так я намерен устремить взор его на принадлежность нетеленную, которую совершенно обладал он в своей первобытности и которую пользоваться ему ныне не только не совсем запрещено, но на которую еще имеет право, и которая одна представляет ему единственный путь и единственное средство возвратить сие важное место, о котором говорим.

Не покажется никак мечтательным то, что я здесь утверждаю, когда рассудить, что и в самом своем лишении человек имеет еще способности желания и воли, а имея способности, надобно иметь и принадлежности для изъявления оных; понеже и самая первая Причина подвержена тому, как и все, что к сущности ее принадлежит, что не может ничего являть без помощи своих принадлежностей.

Правда, что как способности сего Начала первого столь же бесконечны, как и числа, то и соответствующие им принадлежности равномерно должны быть не ограничены; ибо сие первое Начало являет произведения не токмо вне времени, для которых употребляет сущие в нем принадлежности, разнящиеся друг от друга токмо различными своими свойствами; но еще являет оно произведения во времени, для которых, кроме помощи принадлежностей неразлучных с ним самим, потребны ему были сверх того принадлежности вне его, происходящие от него, действующие чрез него, но которые не суть само оно: и сие составляет Закон Существ телесных и изъяняет свойственное действие вселенной.

Но хотя явления, которые должен делать человек, никак не могут сравнены быть с явлениями первой Причины: однако не можно отнять у него признанных нами способностей, равно как и надобности принадлежностей, сходственных сим способностям, дабы можно было привести их в свою силу; и понеже сии принадлежности тут те же, какими некогда он оказывал свою великость, то мы увидим, что он должен ожидать и ныне той же помощи от них, ежели только будет иметь постоянную волю употреблять их, и возымеет к ним всю доверенность.

Глава VII

Свойства Человека

Сии выше всякой цены принадлежности, и в которых находится единственное пособие для человека, содержатся в знании языков, то есть в той общей всему человеческому племени способности сообщать свои мысли; в способности, которую все народы действительно употребляли и старались приводить в совершенство, но с малою для себя пользою; потому что не обратили ее к истинной ее цели.

Мы видим явственно, что преимущества, соединенные с даром слова, суть существенные права человека; понеже посредством их имеет он сообщение с подобными себе и делает чувствительными для них все свои мысли и внутренние движения. И сие есть единственное средство, могущее удовлетворить его желания в сем деле; ибо все знаки, какие к заменению дара глаголения употреблены для лишенных оногo от природы, или случайно, весьма несовершенно соответствуют сему намерению.

Обыкновенно у них заключается все в подтверждениях, или отрицаниях, которые суть следствие вопроса; а когда не вопрошают их, то не могут они сами собою мысль свою сделать нам внятною, разве, что все равно, когда самая вещь пред глазами их, то, осязанием, или другими указательными знаками дают нам разуметь, к чему хотят ее относить.

Которые из них приобрели большее искусство, тех разумеют только учителя их, или, кто знает условные их знания: но в таком случае, хотя и есть сие некоторый род разговора, однако нельзя сказать, чтоб то был истинный Язык, во-первых, потому, что он не есть общий всем людям; а во-вторых, потому, что весьма недостаточен в выражении; поелику лишен тех изящнейших преимуществ, которые находятся в произношении.

И так ни в сем искусстве и ни в каком из выдуманных Языков не находятся истинные принадлежности человека; потому что все в них есть условное и произвольное и непрестанно изменяется, и следственно не видно тут истинного свойства.

О единстве языков

Из сего объяснения можем уже представить себе, какое свойство должны иметь Языки; ибо я сказал, что они должны быть общи всем людям: но как можно быть им общими всем людям, когда не во всех них одинакие знаки; а сие собственно и значит, что надобно быть одному только Языку.

Не поставлю я в доказательство предложению моему сей жадности, с которою люди стараются выучивать многие Языки, и оказываемого нами некоего почтительного удивления в рассуждении тех, которые знают великое число оных, хотя сия жадность и сие удивление при всем том, что они лживы, суть знак нашего стремления ко всеобщности, или к Единице.

Не упомяну также и о том, как пристрастны некоторые Народы к собственному своему Языку и как каждый народ ревнив к своему наречию.

Еще менее стану говорить о уставленном между некоторыми Государями обычае писать на Языке мертвом, употребляемом ими обыкновенно во взаимных их торжественных сношениях, потому что сей обычай не токмо не всеобщий, но еще и происходит от столь тщетного побуждения, что в материи, предлагаемой мною, не заслуживает великого уважения.

И так в человеке самом надобно находить свидетельство и довод тому, что он сотворен иметь один Язык; а из того и можно будет узнать, по какому заблуждению вздумано отрицать сию Истину и утверждать, что поелику Языки суть плоды навыка и взаимного согласия, то нельзя им не разнствовать между собою на подобие всех земных вещей; от чего и возомнили Примечатели, что можно быть вдруг многим Языкам равно истинным, хотя и разнствуют они друг от друга.

О языке умственном

Дабы несколько надежнее шествовать в сем поприще, потребую от них, чтоб рассмотрели, не сознают ли в себе двух родов Языков: одного чувственного указательного, посредством которого имеют сообщение с подобными себе; другого внутреннего, безмолвного, который однако предшествует внешнему и есть поистине мать оного.

Потом попрошу исследовать свойство сего внутреннего и скрытного Языка и увидеть, если он что иное, как не глас и изображение Начала, вне их сущего, которое начертывает в них мысль свою и которое делает сущным то, что в нем происходит.

По силе принятого нами понятия о сем Начале мы можем знать, что поелику все люди должны быть им управляемы, то во всех них надобно быть и единообразному направлению, одинакой цели и одинакому Закону, не взирая на необъятное многообразие добрых мыслей, какие могут быть им чрез сие средство сообщаемы.

Поелику же сие направление должно быть единообразное, поелику сие скрытное изображение должно быть везде одинаково, то нет сомнений, что те люди, которые не допустили бы повредиться в себе следам сего внутреннего Языка, разумели бы его совершенно; ибо находили бы в нем везде единообразность с своими чувствованиями, видели бы в нем подобие изображение самых своих идей, узнали бы, что нет ни единой идеи, которая бы была чужда им, кроме тех, которые происходят от Начала зла; наконец удостоверились бы убедительнейшим образом, что Существо разумное, составляющее их, есть везде и всегда одинаково.

Отсюда познали бы они явственно, что истинный умственный Язык человека, будучи везде тот же, есть по существу своему един, что не может он никогда изменяться, и что нельзя быть им двум без того, чтоб один от другого не был опровержен и истреблен.

Когда же, как мы уже видели, Язык наружный и чувственный есть не иное что, как произведение Языка внутреннего и скрытного; если бы сей скрытный Язык всегда был сообразен Началу, долженствующему править им; если бы он был всегда один и тот же: то везде бы он производил одинакое изображение чувственное и наружное; следственно хотя ныне и принуждены мы употреблять органы вещественные, однако имели бы мы еще общий Язык, вразумительный всем людям.

О языке чувственном

Но когда же чувственные Языки начали разнствовать друг от друга? Когда заметили они разногласие в способе сообщения идей своих? Не тогда ли, как скрытное и внутренне изображение начало изменяться? Не тогда ли, как умственный разговор человека потемнел и престал быть творением чистой руки? Тогда человек, не имея более при себе света своего, Принял без разбору первую идею, какая встретилась умственному Существо его, и не почувствовал в том, что принял, ни разности, ни отношения с Началом истинным, от которого должен был все получать. Тогда наконец, как он стал предан самому себе, воля и воображение учинились единственным его прибежищем; и он последовал не столько по нужде, сколько по невежеству всем произведениям, какие от сих лживых путеводцев ему представляемы были.

Таким образом чувственное изображение совсем повредилось; потому что человек, не видя вещей в настоящем их естестве, дал им названия такие,

которые происходили от него и которые, поелику несходны были с сими самыми вещами, не могли уже означать их, так как естественные их имена означали без всякого двоемыслия.

Ежели несколько людей последовали сей ложной дороге и столь неспособной к соблюдению единообразности; то всяк из них без сомнения давал тем же вещам разные названия; и сие повторяемо быв от многих и в продолжении времени проходя далее и далее, долженствует представить нам переменное и странное зрелище. Не усомнимся, что таким образом произошла разнота и разделение в Языках, и по силе вышесказанного мною, если бы и не имел я иных доказательств, довольно было бы и сего к удостоверению, что люди весьма удалились от их Начала. Ибо если бы все они следовали сему Началу, умственный Язык их был бы тот же, и следственно Языки их чувственные и внешние состояли бы из тех же знаков и тех же наречий.

Никто, уповаю, не будет спорить со мною в том, что я теперь сказал о природных и изразительных именах Существ; хотя в разных Языках, употребляемых на земле, не находим ни малой единообразности в именах, но мы должны верить, что надлежало бы им употребить такие имена, которыми бы означались вещи вообще и явственно: чего ради сии Языки, столь различные один от другого, не могут по справедливости приняты быть за истинные; да сверх того и каждый из них, как он ни ложен, Сам в себе представит нам явственный довод утверждаемого нами.

Слова, употребляемые в каждом Языке, хотя и произвольно приняты, не суть ли для тех, котрым известно условное их значение, верный знак Существ, ими означаемых? Не находим ли во всех нас природной склонности изображать вещи такими знаками, или словами, которые кажутся быть сходственнейшими с оными? И не чувствуем ли внутреннего удовольствия купно и удивления, когда предлагаются нам такие знаки, изображения и начертания, которые более приближают нас к Природе представляемых вещей и делают их внятнейшими для нас?

Что ж иное в сем случае мы делаем, как не повторяем шествие самой Истины, которая уставила между всеми своими произведениями общий Язык, и даровав каждому из них имя собственное связанное с его сущностию, учинила их неподверженными никакому двусмыслию. Не предохранила ли бы она сим средством и людей, которые, будучи обязаны восстанавливать союз свой с ее твроениями, умели бы трудиться с успехом, чтоб познать истинные имена оных?

О происхождении языков

И так не можем отрицать, чтобы в самом безобразии нашем и в нашем лишении не начертавали мы выразительных эмблем Закона Существ, и чтобы самое наше ложное употребление Языка не показывало нам, что можем его употреблять правильнее и полезнее, не преступая тем пределов Натуры, только бы не забывали источника, в котором Язык сей должен был получить свое происхождение.

И так нет сомнения, что когда бы Примечатели дошли к скрытому уи внутреннему выражению, которое прежде, нежели является наружу, производится в нас Началом разумным; то нашли бы в нем происхождение Языка чувственного, яко в истинном его Начале, а не в Причинах тленных и немощных, которых дело есть токмо исполнять собственный свой Закон, и

которые больше сего ничего не могут произвести. Не подумали бы они тогда объяснять простыми Законами Вещества деяния высшего чину, которые прежде и после времени были и будут, не завися от Вещества. Не есть он расположение органов, ниже изобретение первых людей, которое, преходя от века к веку чрез пример и научение, продолжилось между родом человеческим до наших дней; но, как то увидим, он есть истинная принадлежность человека; и хотя человек противлением Закону своему лишился ее, однако остались в нем следы, могущие довести его до источника, если б имел он мужество следовать по ним шаг за шагом и неотступно прилепиться к ним.

Опыты над младенцами

Я знаю, что о сем пункте спорятся еще между собою подобные мне; что не токмо не знают они, какой был первый Язык у людей, но даже от разногласия своего дошли до того, что не полагают источника его в человеке, утверждаясь на том, что не видят, чтоб он говорил природным Языком, когда с младенчества своего оставлен бывает сам себе.

Но не видят ли они, в чем недостаточно их примечание? Не знают ли они, что человек в своем состоянии лишения осужден ничего не производить, даже и разумными способностями, без помощи наружного противудействия, которое бы возбуждало его; а потому отнять у него сей Закон есть лишить его всех пособий, дарованных ему от Правосудия и довести до того, чтоб способности его, не произвед ни малого плода, потухли?

Однако нельзя отрицать, что Примечатели сию дорогу избрали в многократных своих опытах над младенцами, Пред которыми воздерживались говорить, дабы узнать природный их Язык. Когда увидели они, что дети не говорили ничего, или произносили невнятные токмо звуки; то и начали толковать сие по своему и построили свои мнения на деяниях, которые от их же расположения произошли. Но не очевидно ли, что и чувственная Натура, и умственный Закон равно призывают человека жить в обществе? Для чего же человек поставлен жить посреде подобных ему, которые читаются снискавшими уже свое восстановление, ежели не для того, чтобы получить от них нужную себе помощь, дабы усыпленные свои способности оживить и уметь ими действовать к своей пользе.

И так лишать его должной ему помощи есть прямо вооружаться противу обоих сих Законов и противу человека: надобно быть несмысленну, Чтобы решительно судить о нем, отнявши у него все средства, долженствующие научить его употреблению способностей ими оспориваемых и которых почитают несродным ему. Сие есть то же, как и положить зерно на камень, и потом говорить, что оно неспособно принести плод.

Но ежели, не входя в дальние подробности, видим, что человек, лишенный необходимо нужных вспоможений, не может произвести никакого Языка постоянного, и что однако есть Языки; то где же можно найти происхождение сего всеобщего Языка и не должно ли согласиться, что тот, который первый мог учить ему, конечно получил его не от руки человеков?

О языке существ чувственных

Знаю, есть род Языка природного и единообразного, который почти все Примечатели признают, которым человек изображает разные свои движения

радости и печали, обнаруживающиеся в нем чрез свойственные тому звуки.

Но сей Язык, ежели можно его так назвать, имеет целию и руководителями своими телесные чувствования; чему самое убедительное доказательство есть то, что он равномерно и в скотах находится, из которых многие обнаруживают свои чувствования особливими движениями и звуками.

При всем том не должен быть удивителен нам сей род Языка в животном, ежели припомним утвержденные выше сего начальные положения. Телесное Начало животного не есть ли невещественное, поелику нет ни единого Начала, которое бы было вещественное? А когда оно невещественно, не должно ли ему иметь способности; а когда есть у него способности, не надобно ли быть и средствам для обнаруживания оных? Но и сии средства, которые каждое Существо может иметь в своем употреблении, должны быть соразмерны способностям его; ибо если нет в них меры, которая находится во всем прочем, то сие было бы неправильность, но оной не можем допустить в Законах Существ.

По сей-то мере надлежит ценить род Языка, Которым скоты обнаруживают свои способности; ибо как они имеют только способность чувствовать, то и не нужны им большие средства, как токмо для показания, что они чувствуют; а сие они имеют.

Существа, не имеющие иных способностей, Кроме способности расти, оказывают ее явственно самым делом, но не показывают более ничего.

И так хотя скот имеет чувствования и оные выражает; хотя в теперешнем состоянии вещей сии чувствования суть двух родов, одни добрые, а другие злые; и хотя скот и те и другие изъявляет, радуясь, или страдая: при всем том нельзя далее сих границ распространить его Язык и все изобразительные знаки, которые составляют часть языка; таковые изращения отнюдь нельзя почитать за истинный Язык; понеже Языка дело есть изображать мысли, а мысли принадлежат Началам разумным; Начало же скота, Как то я выше доказал, хотя и невещественно, но не есть разумное.

Отношение языка к способностям

Ежели имеем причины не принимать за действительные Язык тех знаков изобразительных, которыми скот показывает свои чувствования; то, хотя человек, яко животное, имеет также сии чувствования и ко изъявлению их средства, не можем однако никак допустить, чтоб сей ограниченный и темный Язык мог сравниваться с тем, к которому разумная Природа людей делает их способными.

Важное и поучительное было бы упражнение примечать во всей Натуре сию меру, которая находится между способностями Существ и средствами, дарованными им к изображению оных. Здесь увидели бы мы, что чем далее они по природе своей от первого кольца цепи, тем менее способности их. Также увидели бы, что и средства изобразительные в точности следуют сему же нисхождению, и в сем смысле могли бы мы приписать Язык и самому малейшему Существо; понеже сей Язык есть не иное что, как выражение способностей их и то единообразие, без которого не было бы ни общения, ни соответствия, ни сродства между Существами того же отделения.

Однако в сем исследовании надлежит рачительно каждое Существо относить к его отделению и не приписывать одному того, что другому принадлежит: не должно прилагать минералу всех способностей растений,

ниже одинакого способа обнаруживания оных; ни приписывать растению то, что примечается в животном; тем паче сим Существам нижним, которые имеют действие преходящее, не должно приписывать всего того, что мы открыли в человеке. В противном случае падем в не ужасное смещение Языков, которое есть начало всех наших заблуждений и истинный источник невежества нашего; ибо тогда всех Существ естество будет нам казаться не в надлежащем виде.

Но как сие предложение ради пространства своего невместно моему Сочинению, то довольно, что я указал его; а пространнее объяснять его составляю тем, которые смиренно занимаются частными предложениями, а не столь обширными, о каковом я теперь рассуждаю.

О всеобщем языке

И так обращаюсь к сему истинному и первобытному Языку, который есть драгоценное пособие человека. Паки объявляю, что человек, яко Существу невестественному и разумному, надобно было с первым свои бытием купно получить способности вышние, а следственно и принадлежности, нужные к обнаруживанию оных; что сии принадлежности не иное что, как знание Языка общего всем Существам мыслящим; что сему всеобщему языку надлежало преподадану быть от единого и того же Начала, которого он есть истинный знак; что человек, не имея более в целости сих способностей, понеже видели мы, что даже и мысль его не от него зависит, лишился и сопряженных с ними принадлежностей; и что для сего не находим в нем сего постоянного и неизменного Языка.

Но также должно повторить и то, что не потерял он надежды возразить оный Язык, и что мужеством и трудами может паки приобрести прежние свои права.

Если б позволено было привести доводы сему, я показал, что вся земля исполнена ими, и что от зачала мира был язык, который никогда не терялся и который не погибнет и после кончины мира, хотя надлежит ему тогда сделаться простее; показал бы я, что во всяком Племене были люди, которые знали его; что некоторые из них, разлученные веками и самые современники, хотя и в дальнем расстоянии друг от друга, понимали один другого посредством сего всеобщего и негибляющего Языка.

Чрез сей язык можно б было узнать, каким образом истинные Законодатели научились Законам и правилам, по которым поступали во все времена люди, обладавшие правдою, и как они, следуя сим образцам, удостоверяться, что шествие их правильно. В нем же можно бы увидеть истинные воинские правила, которым научены были великие полководцы и которые ими употребляемы были с толиким успехом в сражениях.

Он дал бы ключ ко всем вычислениям, и познание строения и разрешения Существ, равно как и приведения их в целость. Он показал бы силы Севера, причину уклонения магнитной стрелки, девственную землю, которая есть цель желания искателей сокровенной Философии. Наконец, не входя здесь в подробное описание преимуществ его, смело могу сказать, что оные суть неисчислимы, и что нет такого Существа, на которого бы не простиралась его власть и которого бы он не освещал.

Но кроме того, что нельзя мне здесь быть откровенну, не наруша моего обещания и моих обязанностей, бесполезно говорить о сем яснее;

Что ж касается до тех, которые уже на пути науки, то довольно им и

того, что я сказал и не нужно им поднимать другого конца покрыва.

И так для показания всеобщего соответствия утверждаемых мною положений не могу я больше ничего сделать, как просить моих Читателей, чтобы вспомнили о той книге, в десяти листах состоящей, которая дана была человеку в первом его происхождении, и которая осталась у него и при втором его рождении, но коея истинный ключ и разумение отняты у него; еще прошу их посмотреть, не могут ли найти отношений между свойствами сей книги и свойством Языка постоянного и единственного, и нет ли между ими весьма великого сродства, и постараться изъяснить их друг другом; ибо действительно здесь-то найдется Ключ науки; и когда упоминаемая книга содержит все познания, как то показано в своем месте, то и язык, о котором теперь слово, есть истинная ее Азбука.

О Слове и Писании

С тою же осторожностью говорить я должен о другом пункте, который с преждереченным тесно соединен, то есть о средствах, которыми обнаруживается сей Язык. Сие делается двумя способами, как и во всех Языках, то есть словесным выражением и знаками изобразительными, или письмом; одно доходит к нашему сведению чрез чувство слуха, а другое чрез чувство зрения, которые одни из наших чувств надлежат к делам умственным, и сие только в человеке; ибо у скота хотя и есть оба сии чувства, но они определены для вещественного и чувственного; понеже он не имеет разумения: у животного слух и зрение равно, как и прочие чувства, имеют целию сохранять нераздельное телесное; и для того скоты не имеют ни дара слова, ни писания.

И так сие есть истинно, что сими двумя средствами человек достигает познания столь многих высоких вещей; и что сей Язык действительно употребляет в помощь чувства человеческие, дабы подать ему понятие о своей точности, силе и правильности.

Да и как быть сему иначе? Ибо не может человек ничего получить, как токмо чрез чувства; потому что и в первобытном состоянии имел он чувства, чрез которые все содеваемо было, как и ныне, с тою только разностию, что неспособны они были тогда так изменяться в своих содействиях, как телесные чувства Вещества, которые представляют ему токмо сомнительство, и суть главные орудия заблуждений его.

Сверх того, как бы мог он разуметь людей, которые или прежде его, или в отдалении жили, если не помощью писания? Однако надобно согласиться и в том, что сии люди прежде бывшие, или отдаленные, могут иметь Переводчиков, или Толкователей, которые, Равно с ними обучены будучи истинным правилам Языка, о котором говорим, употребляют его в разговорах, и таким образом сближают времена и отдаленные места.

Сие есть купно и величайшее удовольствие, которое истинный Язык может доставить; понеже сей глас гораздо научительнее, но также и самый редкий, и между людьми дар писания гораздо чаще бывает обретаем, нежели дар слова.

Причина сему та, что в теперешнем состоянии не иначе можем восходить, как постепенно; и сие неоспоримо в рассуждении всех Языков: чувство зрения ниже слуха; потому что чрез слышание человек посредством слова обретает в самой сущности изъяснение живое, или то, что есть умственное в Языке; напротив, писание есть не иное что, как Указатель,

предлагающий взору изображение мертвое и предметы вещественные.

Но как бы то ни было, посредством слова и писания, свойственных истинному Языку, человек может научиться всему, что относится к древнейшим вещам; ибо никто столько не говорил и не писал, сколько первые человеки, хотя ныне несравненно более Книг делается, нежели прежде. Правда, что многие из Древних и Новых обезобразили сие писание и сей Язык, но человек может узнать тех, которыми сделаны сии пагубные погрешности; а чрез то увидит явственно происхождение всех Языков на земле, и как они удалились от первого Языка, и какую связь имели сии удаления с мраком и невежеством Народов, от чего они низверглись в бездну злополучий, на которые они роптали вместо того, чтобы приписать их себе самим.

Узнает он также, что рука, которая поражала таким образом сих Народов, имела намерение токмо наказать их, а не предать навсегда отчаянию; ибо удовлетворяя своему правосудию, возвратила им первый Язык их, и еще распространенный больше прежнего, дабы они не только поправили свои неурядицы, но чтобы и наперед имели средства предохранять себя от оных.

Не иссыхающие руки слову моему открыл бы я, когда б позволено мне было распространиться в описании бесчисленных преимуществ, содержащихся в тех разных средствах, которые сей Язык употребляет для слуха и очей. Однако ежели вразумлено то, что он в воздаяние себе требует совершенного пожертвования воли человека, и что он внятен только тем, которые отступились от себя самих с тем, чтобы действовал на них во всей своей силе Закон Причины действующей и разумной, долженствующие управлять человек, равно как и всею Вселенною; то легко усмотреть, многим ли он известен быть может. При всем том сей Язык ни на минуту не престаёт действовать как словами, так и писанием, но человек в том только и упражняется, чтоб заграждать свой слух, и ищет писания в книгах: как же быть вразумительным для него истинному Языку?

О единообразности языков

Таковая принадлежность, которой теперь начертал я изображение, конечно не может иметь равной себе никакой другой принадлежности. И потому не без важной причины объявил я ее единственною, отменною и неподверженною никаким изменениям, которым люди могут предаваться в сем деле.

Но не довольно доказать необходимость такового Языка в Существах разумных для выражения способностей их; не довольно также удостоверить о бытии его тем, что все истинные Законодатели и другие славные люди в нем почерпнули свои Законы и пружины всех великих дел своих: надлежит еще показать в самом человеке точное существование его, дабы не осталось ему ни малейшего сомнения; надлежит открыть ему, что все множество Языков, употребляемых подобными его, различаются друг от друга чувственным токмо выражением как в словах, так и в письме; но что касается до Начала, то ни один из них не удался от него, что все они идут одинакою дорогою, что отнюдь не возможно им взять иную: словом, что все Народы земли имеют одинакий Язык, хотя едва ли найдутся два, которые б разумели друг друга.

О грамматике

Нельзя спорить, что Язык, сколько б он несовершен ни был, управляется Грамматикою. Сия же Грамматика, будучи не иное что, как производство порядка, Сродного нашим разумным способностям, столь тесно сопряжена с их внутренним Языком, что можно почитать их неразлучными.

Сия-то Грамматика есть неизменяемое правило дара глаголения у всех Народов. Сему-то Закону все они необходимо подвержены, даже когда и самое худое делают употребление разумных своих способностей, или своего Языка внутреннего и тайного; ибо как сия Грамматика служит только к тому, чтобы править выражением идей наших, то не судит она, сообразны ли они единственному Началу, которое долженствует их оживлять; ее дело есть учинять сие выражение правильным, что всегда неминуемо и сбывается; понеже когда действует Грамматика, всегда правдива бывает, или не сказывает ничего.

Я употребляю в довод только то, что входит в составление речи, или что вообще известно под именем частей речи. Из сих частей речи некоторые суть неподвижные, коренные и неотменно нужные к полному выражению мысли, и суть числом три; прочие же суть прибавочные, и число их не у всех вообще есть определенное.

Три коренные части речи, без которых отнюдь не возможно изразить мысль, суть: имя, или местоимение действительное; глагол, который изображает, как что существует и действует; наконец, имя, или местоимение страдательное, которое есть подлежащее, или произведение действия. Пусть всякий человек исследует сие положение с какою угодно строгостию; увидит, что нельзя быть никакой речи без того, чтоб не представляла она действия, что нельзя вообразить себе действия, которое б не было управляемо действователем движущим оное и от которого не воспоследовало бы содеяния, сбывшегося уже или долженствующего, или могущего от того произойти; что ежели отнять которую-нибудь из сих трех частей, то не можем иметь полного понятия о мысли и почувствуем, что чего-то не достает к порядку, которого смысл наш требует.

В самом деле, Имя, или единое существительное не сказывает ничего, когда не сопряжено с действователем, движущим его, и с глаголом, который означает, каким образом сей действительный движет, или располагает сие имя. Отними который-нибудь из сих трех знаков; речь будет представлять идею недостаточную, к которой разум наш будет ожидать дополнения; напротив сими тремя только знаками можем дополнить мысль; ибо можем ими представить действователя, действие и содеяние, или подлежащее.

И так неоспоримо то, что сей Закон Грамматики есть неизменяемый, и что в каком языке ни возьми пример, найдешь его сообразным утвержденному мною начальному правилу; понеже оно есть правило самой Натуры и Законов, существенно уставленных в разумных способностях человека.

Теперь обрати мысль свою на сказанное мною о весе, числе и мере; рассмотри, не объедают ли сии Законы во владычестве своем человека со всем, что в нем и от него происходит; вспомни еще и то, что я сказал о славном тройном числе, которое объявил я всеобщим, исследуй, есть ли вещь, которой бы оно не обымало: и тогда научись иметь благороднейшую идею, нежели какую до ныне имеют о том Существо, которое, не взирая на свое униженное состояние, может столь высоко возводить взор свой, которое может такие познания привлекать к себе и понимать вдруг столь великое

Целое.

Однако могут мне возразить, что есть случаи, в которых признанные мною три части яко начальные не все выражены: часто две только, иногда одна, а иногда и ни которой нет, как то в отрицании, или подтверждении. Но сие возражение само собою падет, ежели приметить, что во всех сих случаях число трех частей начальных остается всегда в своей силе и Закон его всегда стоит непреложен; потому что не выраженные части речи подразумеваются, Пребывают в своем чине, и другие части не могут произвести своего дела, как по силе умолчанного союза своего с оными.

Да и в самом деле, когда я отвечаю на вопрос односложным словом, сие односложное представляет изображение Начала тройственного; ибо им указывается с моей стороны на какое-нибудь действие, относящееся к предлагаемой вещи; а в вопросе самом выражены части речи, подразумеваемые в моем ответе. На сие не скажу я примера; его всяк легко себе сделать может.

Не говорю я о порядке, в каком бы должно стоять сим трем знакам в сходственность порядку способностей, которые ими изображаются: сей порядок без смонения превращен стал, когда побывал в руках человеческих, и все почти Языки Народов в сем разнствуют. Но поелику истинный Язык есть единствен, то и расположение сих знаков не было бы подвержено таким разногласиям, когда бы человек умел сохранить оный. И так везде я вижу с явственным удостоверением три знака действителя, действия и произведения; и как сей порядок есть общий всем Существом мыслящим, то смело могу сказать, что ежели они и захотят, то не возмогут удалиться от него.

Однако не надобно думать, что и в самом истинном Языке сии знаки всегда расположены были в том же порядке, в каком они суть в наших умных способностях, ибо сии знаки суть токмо чувственное изображение оных; а я показал уже, что чувственное никогда не может иметь одинакого течения с умным, то есть, что произведению никогда не могут быть совместны те же Законы, какие Началу его родителю.

Но превосходил бы сей язык все прочие тем, что его чувственное выражение никогда бы не изменялось и сообразовалось бы без малейшей перемены порядку и Законам, которые собственно и в особенности принадлежат сущности его. Сверх же сего Язык сей имел бы то преимущество, как уже мы видели, что не был бы подвержен никакому обоюдному знаменованию, а всегда бы оно было одинаково; понеже оно связано с природою вещей, а природа вещей неизменяема.

О Глаголе

Один из трех начальных знаков, необходимо нужных во всяком выражении мыслей наших, заслуживает наше внимание предпочтительно пред прочими, о котором теперь нечто скажем: сей есть знак, связывающий два прочие, и который в наших способностях умных есть образ действия, а в началах телесных образ Меркурия; словом, сей есть то знак, который у Грамматиков называется Глаголом.

И так не должно забывать, что когда он есть изображение действия, то на нем утверждается всякое чувственное творение; и поелику свойство действия есть все делать, то свойство знака его, или образа, есть представлять и означать все то, что делается.

Размысли же теперь о свойствах сего знака в сложении речи; приметь, что чем он сильнее и выразительнее, тем чувствительнее и явственнее бывают содействия, происходящие от него; последуй сему опыту, который легко сделать; увидишь, что во всех вещах, власти и условиям человеческим подверженных, содеяние их учреждаемо, Определяемо и одушевляемо бывает наипаче чрез Глагол. Наконец пусть рассмотрят Примечатели, не чрез сей ли знак, называемый Глаголом, являемо бывает в нас все, что ни есть умственнейшее и действительнейшее; не он ли один способен подкрепить, или ослабить выражение; а имена действующего и подлежащего, единожды определенные, остаются всегда те же: и пусть потом судят, справедливо ли мы приписываем ему действие; понеже в самой вещи он есть хранитель его, и помощь его неотменно нужна к содействию чего бы то ни было, или к выражению даже и безмолвному.

Здесь кстати заметить, от чего праздные Примечатели и умозрители Каббалисты ничего не находят? От того, что они всегда говорят, и никогда не ГЛАГОЛЮТ.

Не стану более распространяться о свойствах Глагола; разумные глаза могут и в том, что я сказал, сделать весьма важные открытия, и уверить себя, что в каждую минуту жизни своей человек представляет чувствительный образ тех средств, чрез которые все восприяло свое начало, действует и управляется.

И так вот еще Закон, которому все Существа, Имеющие дар Глагола, обязаны покоряться; и вот для чего сказал я, что все Народы земные имеют один Язык, хотя все они изъясняются различным образом.

О дополнительных частях речи

Не говорил я о прочих частях, входящих в составление речи; я назвал их просто прибавочными, которые в выражении служат вспоможением, дополняют недостаток слов и объясняют некоторые отношения действия; или они суть образы и повторения трех, которые признаны нами за существенно нужные к совершенному начертанию какой-нибудь мысли.

В самом деле, известно, что Члены, равно как и окончания имен в тех Языках, в которых нет Членов, служат к означению числа и рода имен и к определению существенных отношений между действующим, действием и подлежащим; что прилагательные изображают качества существительных имен, что Наречия суть прилагательные Глагола, или действия; и что наконец и прочие части речи составляют связь разговора и делают смысл его больше, или меньше выразительным, или периоды более полными и стройными; но как сии разные знаки не одинаким образом употребляются во всех Языках, но употребление их много зависит от нравов и обычаев Народов, которые, поелику соединены с чувственностью, последуют ее переменам; то нельзя их допустить в число частей речи недвижимых и непреложных; и так не приведем их в число доводов о единстве языка человеческого.

Всеобщие отношения грамматики

Однако желаю, чтобы Грамматисты разбирали свою Науку с большим вниманием, нежели как оную разбирали до ныне. Они признаются, что Языки происходят из такого источника, который выше человека, и что все Законы оных написаны самою Натурою; но сие темное чувство не

великий успех в них произвело, и они ни мало и не подозревают того, что можно бы в Языках найти.

Желает ли кто знать причину сего; она есть следующая: они делают с Грамматикою то же, что Примечатели делают со всеми Науками, то есть, мимоходом взглядывают на Начало, и не имея столько мужества, чтобы рассматривать его долее, углубляются в подробности порядка чувственного и механического, который объемлет все их способности и потемняет в них существеннейшую способность разумения.

И так да уверятся Грамматисты, что поелику Законы Науки их придержатся Начала, как и все прочие, то могут в оных открыть неисчерпаемый источник познаний и Истин, о которых едва ли имеют малейшую идею.

Предложенное здесь малое число оных Истин должно казаться им довольным к приведению их на путь: ежели и в сих увидели они явственно изобразительные знаки способностей Существ умных, то же могут в них увидеть и в отношении к тем Существам, которые не суть умные. В них могут почерпнуть чистое понятие о Началах поставленных над Веществом, ежели просто рассмотрят разность существительного с прилагательным: первое есть Существо, или Начало врожденное, а прилагательное изображает всякого роду способности, какие можно приписать сему Началу: но надлежит паче всего примечать, что прилагательное не может само собою присоединиться к существительному, Равно как существительное одно бессильно произвести прилагательное; и то и другое ожидает высшего действия, которое бы свело их вместе и связало по изволению своему; и так силою сего токмо действия могут они вступить в соединение и обнаружить свойства.

Приметим и то, что ставить кстати прилагательные есть дело мысли и разумения; мысли дело есть усматривать их, или творить, и как бы сообщать вещам, которые хочет ими одеть; и так да признаем разливающееся повсюду свойство сего действия всеобщего, которое мы выше сего заметили; ибо конечно мы везде его находим.

Сверх того сие ж самое действие, сообщив способности, или прилагательные Началам врожденным, или существительным, может по изволению расширять, умалять, и даже совсем брать их к себе обратно, и чрез то привести Существо в прежнее его недейственное состояние: се образ довольно ощутительный производимого им над Натурою на самом деле.

Но в сем же разрешении Грамматисты могут видеть, не опасаясь обмануться, что прилагательное, которое есть токмо качество Существа, не может стоять без Начала, без подлежащего, или без существительного; напротив, существительное очень может быть значительно в речи без своих качеств, или прилагательных; из чего могут усмотреть отношение к предложенному выше о бытии Существ невещественных, не зависимом от чувственных способностей их; из сего также могут понять и то, что сказано о вечности Начал Вещества, хотя самое Вещество не может быть вечное; понеже оно, будучи токмо содействие соединения, есть не более, как прилагательное.

Потом из сего же могут уразуметь, как мог человек лишиться прежних своих принадлежностей: понеже оные дарованы ему от высшей руки; но ежели притом увидят воистину свой недостаток; признаются, что к возвращению сих преимуществ необходимо нужна помощь той же руки, которая отняла их и которая для обратного отдания оных ничего более не требует от человека, что уже я и прежде сказал, как токмо пожертвования

собственной воли.

Могут они еще найти в шести Падежах шесть главных образований Вещества, равно как и описание деяний рождений его и всех перемен, которым оно подвержено. Роды будут им изображением Начала противоположных и непримиримых% словом? они могут учинять множество таковых примечаний, которые? не быв плод воображения, или Систем, удостоверят их в том, что есть всеобщее Начало и что во всем предводительствует та же и одна рука.

О истинном языке

Но доказав сей язык единственный, всеобщий, являемый человеку даже и в самом состоянии его лишения, должен я ожидать, что Читатели мои полюбопытствуют знать, как называется и какого рода есть сей Язык.

В рассуждении имени не могу я удовольствоваться им, потому что обещался не именовать ничего; но что касается до роду его, признаюсь, что это есть тот Язык, о котором я уже сказал, что всякое слово его носит на себе истинное значение вещей, и так верно означает их, что дает явственно их видеть. Еще скажу, что это тот Язык, который есть цель желаний всех Народов земли, который тайно руководствует людям во всех их установлениях в который тайно руководствует людям во всех их установлениях, в которых каждый из них особливо и тщательно упражняется, не зная того сам, и который стараются они изобразить во всех своих делах; ибо он столь глубоко в них начертан, что не могут произвести никакого дела, на котором бы не было знаков его.

И так не могу лучше указать его подобным мне, как удостоверительно сказав им, что он принадлежит самой сущности их, и что единственно по сему то Языку они суть человеки. Не имел ли же я причины назвать его всеобщим, и можно ли им забыть его вовсе, какое б впрочем ни делали из него злоупотребление? Ибо чтоб забыть его, надобно, чтоб они могли дать себе иную природу: вот все то, что могу ответственность на настоящий вопрос. Поступим далее.

Я сказал, что сей Язык, подобно как все прочие, двумя способами обнаруживаем бывает, то есть выражением словесным и писанием, и как я теперь только сказал, что все творения человеков имеют на себе напечатление его, то она принадлежит некоторые из оных рассмотреть, дабы лучше увидеть их отношение к источнику, сколько они впрочем ни ложны.

О Творениях Человека

Рассмотрим сперва те из их творений, которые, якоб образ словесного выражения упомянутого Языка, должны представить нам о нем идею самую точную и высочайшую; потом станем рассматривать те, которые имеют отношение к характерам, или писменам сего Языка.

В первом роде сих творений содержится вообще все, что почитается у людей плодом остроумия, воображения, рассуждения и разумения, или что вообще принадлежит ко всем возможным родам литературы и изящных наук.

В сем роде произведений человеческих, которые кажется составляют особое отделение, мы видим одинакое намерение; все они одушевлены одинаким побуждением, то есть живо писать, доказать вещь и уверить в ее существенности, или по крайней мере дать ей наружные виды оной.

Когда почитатели того, или другого роду сих произведений допускают вселиться в себя ревности, и когда стараются утвердить свою славу, приводя в презрение прочие упомянутых наук отрасли, в которых они не упражнялись; то чрез сие делают очевидную обиду науке, и нельзя сомневаться, чтоб между плодами умных способностей человека непревосходнее были те, которые, не отнимая ничего у прочих подкрепляются однако помощью их и чрез то показывают вкус, более основательные, и красоты, меньше подверженные разномысленным толкованиям.

О произведениях умственных

Так мыслят все благорассудные люди и имеющие верный и истинный вкус; они знают, что произведения их при всеобщем только и тесном союзе могут приобрести большую силу и твердость, и сие давнишнее было мнение, что все части Науки связаны и взаимно друг другу вспомоществуют.

Да и в самом деле сие чувство столь сродно человеку, что везде он его носит с собою, когда даже шествует и по тому пути, о котором сие Начало не благоволит. Если бы Оратор захотел осуждать Науки, то надлежало бы ему показать себя ученым; если бы Художник захотел осуждать красноречие, то не стал бы никто слушать его, когда б не употребил он к сему красноречия.

Однако ж сие полезное примечание хотя и правильно, но потому, что без внимания сделано, не произвело почти никакого плода; и люди привыкли как в этом, так и в прочем делать совершенные разделения и почитать все сии разные части чуждыми друг другу.

Мы не говорим, что в сих творениях способностей умных человека не должно различать разных родов, и что все они представляют одно подлежащее. Напротив, понеже сии способности разнятся между собою, и мы можем приметить в них явственные различия, то весьма естественно думать, что и плоды их должны показывать сие разнствие и что не могут они походить друг на друга; но как притом сии способности по естеству своему состоят во взаимной связи, и как не возможно ни одной из них действовать без помощи других, то из сего видим, что необходимо надлежит быть такому же союзу и между разными их произведениями, дабы видно было, что все они того же происхождения. Но я излишно говорю о такой вещи, которая только стороною касается до моего плана: обращаюсь к начатому мною исследованию отношений, находящихся между Языком единственным и всеобщим и между разными умными произведениями человека.

Сии произведения, какого роду они ни были, мы можем разделить на два отделения, под которыми все прочие будут состоять, потому что во всем, что существует, есть или умное, или чувственное, и все, что человек может произвести, имеет целию которую-нибудь из сих двух частей. В самом деле, все, что люди ежедневно выдумывают и производят в сем роде, состоит в том, чтоб научить или тронуть, рассуждать или возбуждать чувствительность; невозможно им ничего сказать, или обнаружить, что не имело бы целью которого-нибудь из сих двух пунктов; и как ни разделяй умственные произведения людей, всегда видно, что их намерение есть или просветить и привести к познанию некоторых Истин, или покорить умственного человека помощью чувственности и привести в такое состояние, в котором, не умея более владеть самим собою, должен быть во власти слышимого им гласа, и следовать слепо доброй, или злой влекущей его прелести.

К первому отделению отнесем все творения рассудка, или вообще все то, что долженствует производиться чрез Аксиомы и все, что на опытах основывается.

Ко второму отделению отнесем все то, что имеет целию сделать впечатления в сердце человеческого, какого роду они ни были, и тронуть его, каким бы то образом ни было.

В том, или в другом отделении, какое намерение Сочинителей? Не то ли, чтоб показать подлежащее свое в том ясном и приманчивом виде, чтобы тот, кто рассматривает его, не мог оспаривать, что оно истинно, ниже воспротивиться силе и прелести средств, употребляемых к привлечению его? Какие пособия употребляют они в сем случае? Не стараются ли всячески сами вызнать свойство подлежательного? Не стараются ли дойти до самого источника его и проникнуть даже в сущность его? Словом, не к тому ли они все силы свои напрягают, чтобы изображение их так хорошо согласовало с мыслями их, и чтобы так естественно и так истинно изображено было, чтоб неминуемо подействовало оно на подобными их, так как бы самая вещь была пред их глазами?

Не чувствуем ли над собою сего действия, которое больше, или меньше сильно по мере того, как близко подошел Сочинитель к своей цели? И сие действие не всеобщее ли, и нет ли такого роду красот, которые во всем свете почитаются таковыми?

Сие есть для нас образ способностей сего истинного Языка, о котором говорим и мы, находим в самых далеке людей и в их усилиях следы того, что мы сказали о правильности и силе изображения его, равно как и о всеобщности его.

Неравность впечатлений, происходящая от разности наречий и языков, согласиём учрежденных между многими народами, не должна нас останавливать. Как сия разность есть недостаток случайный, и не природный, и как человеку можно исправить его, приучив себя к чужим наречиям, то не может она противна быть началу, и я безбоязненно сказываю, что все языки на земле суть доводы, утверждающие оное.

Хотя на два отделения расположил и словесные произведения умных способностей человека, не забываю однако, что они имеют многие вещи и разделения как по числу разных вещей, подлежательных нашему рассуждению, так и по множеству оттенков, которые могут быть в наших чувствованиях.

Не вступая в исчисление их, ниже в рассматривание каждой порознь, мы можем взять в рассужение главную токмо ветвь, каждого отделения, и которая есть первая по ряду, как на пример, в вещах подлежащих рассуждению Математику№ а Поэзию в тех, которые относятся к чувственной способности человека. Но как выше сего рассуждаемо было о Математике, то я отсылаю туда читателя, дабы он удостоверился паки в сущности и всеобщности начальных положений, мною предлагаемых.

О Поэзии

И так обращаюсь теперь к Поэзии, яко к превосходнейшему произведению способностей человека, которое более всех приближает его к Началу и которое, приводя в восторг, наилучшим образом доказывает ему достоинство происхождения его. Но сколько сей священный Язык благороден бывает, когда обращается к настоящей своей цели, столько уменьшается

достоинство его, когда нисходит он к вещам подделанным, или презрительным, к которым не может коснуться, не оскверняя себя как бы неким непотребством.

Да и самые те, которые посвятили себя Поэзии, всегда показывали ее нам, яко язык Героев и Существ благотворительных, которых они изображали нам хранителями спокойствия и безопасности людей. Они столько почувствовали благодетельство ее, что не устрашились даже приписать ее тому, кого почитают они Создателем всего; ее же предпочтительно избрали для объявления пророчеств его, или для возношения к нему своей мольбы.

Как бы то ни было, я должен сказать, что сей Язык не зависит от тех общеупотребительных правил, в которых у разных Народов условились люди заключать свои мысли. Кому известно, что сие есть следствие ослепления их, что они вздумали сим средством умножить красоты, а вместо того отяготили себя трудом, и что сие чрезмерное наблюдение правил, которым поработают нас в намерении тронуть телесную нашу чувствительность, тем паче умаляет истинную нашу чувствительность.

Но сей разговор есть выражение и глас сих превосходных людей, которые. Питаясь непрестанным присутствием Истины, живописуют ее с тем же огнем, какой служит и ей пищею, огнем саможивотным, который есть враг хладной единообразности; потому что он сам себе повелитель во всех своих деяниях, творит сам себя беспрестанно, и следовательно есть всегда нов.

В сей-то Поэзии можем видеть совершенное изображение сего Языка всеобщего, которой мы тщимся показать; потому что когда сия истинно достигает цели своей, то ничто не может стоять противу ее; понеже она, как и Начало ее, имеет огонь пожирающий, который сопутствует ей повсюду, который должен все умягчать, в се растоплять, все возжигать; и для сего первый есть закон Пиит не петь тогда, когда не чувствуют жару его.

Не надобно думать, чтобы сей огонь производил везде одинаковые содействия. Как народы подлежат ему, то он принаравливается к различным их свойствам, но никогда не должен являться, не исполнив своего дела, которое есть увлекать все за собою.

Рассмотри же теперь, могла ли такая Поэзия произойти из источника суетного, или зараженного; мысль быть сим истинным и единственным Языком, который, как известно, принадлежит нашему роду? Конечно она есть токмо слабое подражание ему, но как между плодами трудов человека она есть ближайшая к его Началу, то я избрал ее с тем, чтобы дать об оном приличнейшее понятие.

Да и можно сказать, что меры условные, употребляемые людьми в выдуманной ими Поэзии, сколь ни несовершенными кажутся, тем не менее должны представлять нам доказательства точности и правильности истинного Языка, которого вес, число и мера неизменяемы.

Равным образом могли бы мы увидеть и то, что как сия Поэзия простирается на всякие вещи, то тем паче Язык истинный, которого она есть образ, должен быть всеобщим и удобным объять все, что существует. Наконец чрез подробное рассмотрение свойств сего высокого глаголения могли бы мы приблизиться к подлиннику его и читать даже в его источнике.

Чрез что купно увидели б, от чего Поэзия имела толикую силу над людьми всех времен, от чего делала она такие дивные дела и от чего все Народы земли с толиким удивлением взирают на тех, которые показали в ней отличные успехи; сие же купно распространило бы наше понятие и о Начале,

родившем ее.

Также увидели б мы, что люди часто делают из нее такое употребление, которое унижает и безобразит ее так, что нельзя ее узнать; а сие доказывает, что она у них не всегда есть плод сего Языка истинного, о котором говорим; что употреблять ее к похвале людей есть осквернение, посвящать ее страсти есть идолопоклонство, и что не иная цель ее долженствует быть, как показывать людям то жилище, из которого она назшла с ними, дабы тем возбуждать в них добродетельное ревнование следовать по стопам ее и туда возвращаться.

О Характерах Священного Писания

Но довольно, что я указал путь, чтоб имеющим некоторое желание можно было далее шествовать в сем поприще. Прейдем ко второму способу, которым, как мы видели, истинный Язык обнаруживается, то есть к характерам писания.

Безбоязненно могу уверить, что сии характеры столь же многообразны и многочисленны, как и все, что содержится в Натуре, что нет ни одного Существа, которое бы не могло иметь места между ими и служить вместо знака, и что каждое находит между ими свой образ и начертание истинное; и для того столь велико число сих характеров, что невозможно человеку сохранить всех их в своей памяти не токмо ради неисчетного их множества, но и ради разности их и нескладности.

Ежели и положим, что человек удержал бы в памяти все те, которые дошли до его сведения, то не можно ему льститься, чтобы не оставалось их еще на изучение; ибо Натура каждый день производит новые предметы, чем и доказывается нам бесконечность вещей и купно ограниченность и недостаток, в каком находится род наш, который никогда не может дойти до того, чтоб объять их всех; понеже на земли сей не может он даже и до того достигнуть, чтобы знать все буквы Азбуки своей.

Многообразность сих предметов, содержащихся Натуре, простирается не токмо на их образ, как всякий легко сие усмотрит, но и на цвет их и на место, которое они занимают в порядке вещей; и от того писание истинного Языка столь же многообразно, соколь многие оттенки можно приметить на вещественных телах, ибо каждая такая оттенка имеет разные знаменования.

Наконец характеры, употребляемые в нем, столь же многочисленны, как и точки горизонта; и как каждая точка занимает место, которое ей одной и принадлежит, так и каждая буква истинного Языка имеет свой собственный смысл и свое толкование.

Но умолкну; о святая Истина! я буду похититель твоих прав, ежели и темным образом возведу тайны твои; тебе единой принадлежит открывать их, кому и как тебе угодно. Я же должен в молчании почитать их и всем сердцем желать, дабы подобные мне отверзли очи свои свету твоему, и отложив прельщающие их мечтания, учинились бы столь мудрыми и столь счастливыми, чтобы повергнуться к стопам твоим.

И так, имея всегда руководителем моим благоразумие, скажу далее, что сие то бесчисленное множество характеров истинного Языка, и нообъятная их разность ввела человеческие языки столь великое различие, что не многие из них употребляют одинакие знаки и что и те, которые в сем согласны, разнствуют однако в количестве оных, то принимая некоторые знаки, то отменяя, каждый по своему наречию и по особенному своему свойству.

Но как характеры истинного Языка столь же многообразны, как и Существа, содержащиеся в Натуре, так и то неоспоримо, что каждый характер происходит из сея же Натуры и в ней почерпает все, что нужно ко взаимному различению, ибо вне ее нет ничего чувственного. Чего ради при всей разности характеров, употребительных в языках человеческих, не могут они никогда выйти из сих пределов, и что всегда в линиях и фигурах должны они брать все свои условные знаки; чем явственно доказывается, что люди не могут ничего изобретать.

О Живописи

Во всех сих вещах удостоверимся, ежели сделаем некоторые примечания о художестве Живописи, которую можно почитать рожденною от характеров упоминаемого нами Языка, так как Поэзия человеческая родилась от его словесного выражения.

Когда то несомненно, что сей Язык есть единственный и столь же древен, как и Время, то нельзя сомневаться и в том, чтоб и употребляемые в нем характеры не были первоначальными образцами. Люди обучающиеся ему часто имели нужду помогать своей памяти знаками и списками. В сих списках надлежало быть величайшей точности; ибо в таком множестве характеров, которые иногда разнствовали между собою, весьма легкими отменами, всеконечно малейшая перемена могла бы представить их превратно и перемешать.

Нельзя не почувствовать, что если бы люди были благоразумны, то ни к чему бы иному не употребили Живописи, кроме сего дела, и сие ради вящей пользы сего художества; и счастливы бы они были, когда бы только держались подражания и списка сих первых характеров; ибо когда они так разборчивы в образцах, то где могут найти истиннее и правильное тех, которые изображают самую Натуру вещей? Когда они с такою тонкостью смотрят на качество и расположение красок, то где лучше сие увидеть могут, как в тех образах, которые каждый свою собственную имеет краску? Наконец когда они желают картиндолговечных, то можно ли лучше успеть в сем деле, как ежели списывать их с таких вещей, которые всегда новы и которые каждую минуту можно сравнивать с их произведениями?

Но то же неразумие, которое отдалило человека от его Начала, удалило его и от средств, дарованных ему для возвращения к оному; он потерял доверенность к сим истинным и светодательным путеводцам, которые, споспешествуя чистому его намерению, привели бы его всеконечно к цели его. Он стал брать свои образцы не с вещей полезных и спасительных, от которых мог бы он получать непрестанное вспоможение, но с образов преходящих и обманчивых, которые, представляя ему черты неверные и краски переменчивые, принуждают его переменять ежедневно свои собственные правила и презирать свои творения.

Что и случается с ним ежедневно, когда он списывает четвероногих, пресмыкающихся и других животных и все прочие окружающие его Существа; потому что сие упражнение, хотя само по себе невинно и приятно, приучает однако человека ему треть на то, что чуждо ему, и истребляет не только из виду его, но и из мысли то, что ему свойственно, то есть, что вещи, которые человек ныне трудится изобразить, суть токмо наружности тех, в которых бы он должен был ежедневно поучаться; и как по всем вышеупомянутым началам список их должен быть хуже подлинников;

следственно употребляемая ныне Живопись есть не иное что, как наружный вид наружного же вида.

Однако чрез самую сию грубую Живопись можем удостовериться совершенно в сей неоспоримой истине. Объявленной выше сего, то есть, что люди не изобретают ничего. Не с телесных ли существ всегда сочиняют они свои картины? Да и могут ли с чего иного рабь оные? Потому что живопись есть наука для глаз, то и не может она заниматься как токмо чувственным, и находиться, как токмо в чувственном же.

Скажет кто, что живописец не только может обойтись без чувственных вещей, но еще возвысаясь над ними, может брать себе образцы в воображении своем? Сие возражение легко опровергнуть; ибо дадим всю волю воображению, позволим ему заблуждать как хочет; спрашиваю, может ли оно родить что-нибудь, которое бы не в Натуре было, и можно ли когда сказать, чтоб воображение сотворило что-нибудь? Конечно, имеет оно способность представлять себе существа странные и составления уродливые, но которым в Натуре воистину не найдем примеров; а и сии химерические существа не суть ли произведение разных составных частей? Из всех сих частей может ли быть хоть одна, которая бы не находилась в чувственных вещах Натуры?

И так несомненно то, что в Живописи, равно как и во всяком другом Художестве, изобретения и творения человека суть не иное что, как предложения, и что они не только ничего от себя не производят, но все работы его дают вещам токмо другое место.

По сему может человек научиться ценить свои произведения в Живописи, равно как и в прочих Художествах; и как бы он ни забавлялся сим приятным упражнением, не станет более почитать своих произведений существенными, понеже нет сущестственности и в самых подлинниках, которые он себе избрал.

Не нужно, думаю, упоминать, что при всем том сия грубая Живопись носит на себе изразительные знаки происхождения своего от совершеннейшего Художества, и что в сем смысле она есть новый довод того превосходного писания, принадлежащего языку единственному и всеобщему, которого свойства мы показали.

В самой вещи, она требует сходства с чувственною Натурою во всем том, что она изображает; не допускается в ней ничего, что противно зрению, или рассуждению; она объемлет все существа вселенные, она даже простерла держку свою руку и на высшие существа.

Но здесь то она и достойна всякого осуждения; ибо во-первых, не в состоянии будучи показать их иначе, как в чертах чувственных и телесных, унизила тем сии существа предглазами человека, который не может узнавать их иначе, как чрез чувственную способность разумения своего, но никогда чрез чувственную вещественную, понеже сии существа не в Стране тел находятся.

Во-вторых, когда Живопись предприняла представить их, то где нашла образец телам их, которых они не имеют и которые однако захотела она им дать? Не инде, как в вещественных телах Натуры, или, что все равно, в испорченном воображении, во которое и в самом беспорядке своем употребляет всегда существа телесные, которые окружают нынешнего человека.

Какое же могло быть отношение между подлинником и образом, который на место первого стал поставлен, и какую идею должны были родить такие образы? Не явственно ли, что сие есть одно из пагубнейших следствий

невежества человека, которое паче прочих привело его к идолопоклонству и которое непрестанно заводит его далее во тьму?

И поистине, что могут произвести вещество мертвое и начертания, составленные в воображении Живописца, как не забвенные простоты существ, которых познание толико нужно человеку, без которого весь род его впал в ужаснейшее суеверие? Не так ли стопы человека, хотя и кажутся быть ни добры, ни злы, мало помалу уклоняются от пути и повергают его в стремнины, которых края не усмотрел он сначала?

О геральдике

И так человек не доволен что смешал Живопись грубую и дело рук своих с истинными характерами, списанными с самого Натуры, но еще и не узнал, откуда сии характеры происхождение оное имеют видя себя, говорю, властелином употреблять по изволению различные черты сей телесной Натуры к составлению своих картин, возымел слабость довольствоваться своим творением и забыл и превосходство тех образцов, которые бы мог избрать себе, и источник, который мог их производить% или лучше сказать, потеряв их из виду, не подозревал более, чтоб они существовали.

То же можно сказать о изображениях, употребительных в Геральдике, которые также происходят от характеров истинного языка. Обыкновенный человек гордится благородством Герба своего, как будто начертания его существенны, и будто воистину сопряжены с ними те права, которые один предрассудок прикладывает оным% и ослепясь детскими сими отличиями, которые сам он привязывает к сим знакам, забыл, что они суть печальное изображение природного Щита, который физически дарован каждому человеку для защиты его, и купно яко печать добродетелей его, силы его и великости.

Заблуждения об истинном языке

Наконец то же самое сделал он и с словесным выражением сего превосходного языка, от которого, как мы видели, произошла Поэзия. Произвольно принятые слова и языки, согласиём утвержденные, заступили в мысли его место истинного языка, то есть, понеже сии условные языки не имеют никакого единообразия, ниже постоянного течения в изрании, в знаках и вообще во всем, что есть в них подверженное чувствам; то и не увидел он всеобщих отношений их к языку умственных способностей, которого они были безобразное подражание. А как идея о сем Начале языка единственного и всеобщего, который един мог его просветить, загладилась в нем, то и не различил он сего языка от тех, которые сам учредил.

Когда же человек столь несмыслен, что ставит свои творения наравне с творениями Начал истинных и неизменяемых; когда дерзкая рука его смеет надеяться быть равною руке Натуры; когда он даже всегда почти смешивал творения сей Натуры с Началом как всеобщим, так и частным, являющим оные: то не удивительно, что все понятия его столь сбивчивы и столь темны, и что он не только потерял сведение и разумение истинного языка, но что и не верят более бытию его.

Средства возвратить истинный язык

А притом, ежели единственно сей истинный язык может ему возвратить права его, доставить принадлежности его, открыть уставы Правосудия и привести его к уразумению всего, что существует; то легко усмотреть, сколько много теряет он, удалясь от него, и что не остается ему иных пособий, как все часы жизни своей употребить на то, чтобы приобрести паки познание оногo.

Но сколь ни пространно и сколь ни страшно сие поприще, никакой человек не должен отчаиваться и унывать; потому что сей язык, как я многажды объявлял, есть истинное наследие человека; что человек лишен оногo на время; что не токмо не вовсе оный язык у него отнят, но что непрестанно предлагается ему руководство, дабы возвратиться к оному; и поистине цена, требуемая за сей дар, столь умеренна и столь естественна, что она есть новый знак благодати того Начала, которое оной требует; ибо требуется только, чтобы он различал и распознавал два различные существа, составляющие его; чтобы признавал разствование Начал Натуры друг от друга и от Причины временной, сущей выше Натуры; то есть, чтоб верил, что человек не есть вещество и что Натура не сама собою и не одна течение свое совершает.

О музыке

Предлежит нам еще исследовать одно из произведений сего истинного языка, которого понятие стараюсь возвратить людям, произведение, сопряженное с словесным его выражением, которого силу оно устанавливает и дает меру произношению, то есть, то Художество, которое называем Музыкою, но которое между людьми есть еще не иное что, как образование истинной гармонии.

Сие словесное выражение не может употреблять слов без того, чтоб не ударять в слух звуками; тесное отношение первых к последним составляет начальные законы истинной Музыки; чему и подражаем по возможности в искусственной нашей Музыке, стараясь звуками живо изображать смысл наших произвольно принятых слов; но прежде, нежели покажем главные недостатки сей искусственной Музыки, коснемся частию истинных ее правил, чрез что откроются довольно явственные отношения с утвержденным выше сего, так что можем удостовериться, что она принадлежит к тому же источнику, и что следовательно подлежательна она человеку; также покажет нам сие рассмотрение, что сколь ни удивительные быть могут наши дарования в сем музыкальном подражании, при всем том далеко отстоим от подлинника нашего; а из сего уразумевает человек, для детских ли забав дано ему сие мощное орудие, и не к благороднейшему ли паче употреблению назначено было оно в его происхождении.

О совершенном строе

Во-первых, то, что известно нам в Музыке под именем совершенного строя, есть для нас образ сей первой единицы, которая содержит в себе все, и от которой все происходит; потому что сей строй есть единственный, что он сам в себе полн, и не имеет нужды в помощи иного тона, кроме своих собственных; словом, потому что он неизменен во своей внутренней силе, как и Единица; ибо нельзя почесть повреждением переложение некоторых тонов, от чего выходят строи разных названий, поелику сие предложение не вводит в

строй никакого нового тора и следственно не может изменить истиной его сущности.

Во-вторых, сей совершенный строй из всех прочих есть самый гармоничный и который один удовлетворяет уху человека, не оставляя ему ничего более желать. Три первые тона, составляющие его, отделены двумя промежутками терции, но которые друг с другом соединены. Здесь повторяется все то, что бывает в вещах чувственных, где никакое существо не может приять и продолжать бытия своего без помощи и подкрепления другого существа телесного, подобного ему, которое бы силы его оживотворяло и его поддерживало.

Наконец, сим две терции имеют над собою промежуток кварты, коея окончательный тон называется октавою. Хотя сия октава не иное что, как повторение начального тона; однако ж ею означаетя полным образом совершенный строй; ибо она существенно к нему принадлежит, потому что она содержится в первоначальных тонах, которые звонкое тело издает выше своего собственного тону.

И так сей четверный промежуток есть главный действователь строя; он находится выше прочих двух промежутков тройных, дабы начальствовать и управлять всем действием, подобно как сия Причина действующая и разумная, которая, как мы видели, господствует и правит двойственным Законом всех существ, одетых телами. Он не может, подобно ей, терпеть никакого смешения, и когда действует один, как сия всеобщая Причина времени, то верно все его содействия правильны.

Знаю однако, что сия октава, будучи токмо повторение начального тона, может по строгости отнята быть и не входить в счисление тонов, составляющих совершенный строй. Но во-первых, она существенно оканчивает гамму; сверх того неотменно надобно допустить сию октаву, ежели хотим знать, что такое альфа и омега, и иметь ясное доказательство единству нашего строя; и сие ради той причины, которая находится в счислении, и которой не могу я иначе объяснить, как сказав, что октава есть первый действователь, или первый орган, чрез который десять могли дойти до нашего сведения.

Сверх того нельзя требовать, чтобы чувственная картина, представляемая мною, совершенно была сходна тому Началу, которого она есть токмо образ; ибо иначе список был бы речен подлиннику. Но при всем том, хотя сия чувственная картина ниже его, и хотя она подвержена переменам, однако тем не менее она полна, и тем не менее изображает Начало; ибо внутреннее побуждение чувств дополняет прочее.

Чего ради, представляя две терции соединенными друг с другом, не утверждаем, чтоб необходимо должно было им слышимым быть обеим вместе; известно, что каждую можно произнести порознь, не делая противности уху; но тем не менее, закон их истинен; ибо сей промежуток, произнесенный таким образом, всегда остается в тайном соответствии с прочими тонами строя, к которому оно принадлежит; и так картина остается та же, но видима бывает только часть ее.

То же можно сказать и тогда, когда б захотел кто уничтожить октаву, или и все прочие тоны строя, а оставить один какой-нибудь; ибо один слышимый тон не противен уху, и может почестся тоном родителем нового совершенного строя.

Мы видели, что кварта господствует над двумя нижними терциями, и что сии две нижие терции суть образ двойственного Закона, управляющего

существами стихийными. Не самая ли Натура здесь показывает разность между телом и его Началом, представляя нам одно зависимым и покоренным, а другое яко начальника его и подкрепителя?

Сии две терции в самом деле показывают нам свою разностию состояние тленных вещей Натуры телесной, которая стоит на соединении двух разных действий; и последний тон, составленный из единого промежутка четверного, есть еще изображение первого Начала; ибо он как чином своим, так и числом напоминает нам простоту, великость и неизменяемость.

Но сие не потому, чтоб сия кварта гармоничная была более долговечна, нежели все прочие сотворенные вещи. Когда она чувственная, то должна быть и преходящая; однако ж, в самом преходящем своем действии живописует разумению сущность и постоянность своего источника.

И так в сочетании промежутков совершенного строя находим все, что есть страдательное, и все, что есть действительное, то есть все, что существует, и все, что человек может вздумать.

Но не довольно того, что мы увидели в совершенном строе изображение всех вещей вообще и частно, мы можем увидеть еще в нем чрез иные примечания источник сих самых вещей и происхождение сего разделения, которое учинилось прежде времени между двумя Началами, и которое ежедневно является во времени.

Чего ради не потеряем из виду красоты и совершенства сего совершенного строя, который в самом себе имеет все свои преимущества. Легко рассудить, что если бы он остался навсегда в своей сущности, то порядок и точная гармония всегда бы стояли, и зло было бы неведомо; ибо не было бы оно и рождено; то есть, единое бы действие способностей доброго Начала оказывалось, поелику оно единое есть существенное и истинное.

Об аккорде септимы

Как же могло второе Начало учиниться злым? Как могло стать, что зло родилось и явилось? Не от того ли, что вышний и господствующий тон совершенного строя, октава она, уничтожена стала, и на место ее поставлен другой тон? Какой ж тон на место октавы поставлен? Тот, который непосредственно предшествует ей, и известно, что новый строй, происшедший от сей перемены, называется строй септимы. Известно также, что сей строй септимы удручает ухо, содержит его в недоумении и требует спасен быть, по словам сего художества.

И так от противления совершенному строю сего разнящего строя и всех прочих от него происходящих рождаются все музыкальные произведения, которые суть не иное что, как непрестанная игра, ежели не сражение между совершенным, или согласующим и седьмичным строем, или вообще между всеми разнящими строями.

Для чего сему Закону, который указывает нам самую Натуру, не быть для нас изображением всеобщего произведения вещей? Для чего не найти нам здесь Начала, как выше мы нашли составление и расположение в порядок промежутков совершенного строя? Для чего, говорю, не ощутить рукою и глазом рождения и следствий всеобщего и временного смешения; потому что знаем, что в сей Натуре телесной есть два начала, непрестанно друг другу противящиеся, и понеже она не может иначе держаться, как помощью двух действий противных; от чего и происходят примечаемые

нами, сражение и насилие, смесь правильности и беспорядка, которые в точности изображает нам гармония чрез совокупление согласий и разногласий, из которых составляются все музыкальные произведения.

Я уповаю, что мои читатели разумеют столько, чтоб принимать сие за образ токмо тех высоких дел, которые хочу им указать. Без сомнения, чувствуют они, что я представляю аллегория, когда говорю, что ежели бы совершенный строй пребыл в истинном своем естестве, то зло еще бы не родилось; ибо, по силе вышеутвержденного начального положения, не возможно порядку музыкальному в своем частном Законе быть равным с вышним порядком, которого он есть токмо изображение.

И потому, как порядок музыкальный основа на чувственности, и как чувственность есть произведение многих действий, то если бы ухо слышало непрестанно совершенные токмо строи, никогда бы воистину не ощущало неприятностей; но кроме того, что произошла бы из сего скучная монотония, не нашли бы мы в ней никакого выражения, никакой идеи; наконец, это не была бы для нас Музыка, потому что Музыка и вообще все, что есть чувственное, не терпит единства действия, равно как и единства действователей.

И так, допустим все законы, нужные к составлению музыкальных творения, можем пренести их к истинам инакого чину. Чего ради стану продолжать мои примечания о строе семтимы.

О секунде

Мы видели, что проставлять сию септиму на место октавы есть поставлять Начало возде другого Начала; от чего, по всем правилам здравого рассуждка, не может произойти ничего, кроме беспорядка. Сие мы видели еще явственнее, когда заметили, что сия септима, которая производит разногласие, есть купно тон, непосредственно предшествующий октаве.

Но сия септима, называемая так в отношении к начальному тону, может почтена быть секундою в отношении к октаве, которая есть токмо ее повторение; тогда мы признаем, что септима не одна разнит, но также и секунда имеет сие свойство; и так всякое совокупление диатоническое осуждаемо бывает нашим слухом, и где только улышит он вместе две ближние ноты, ощущает неприятность.

и так, поелику во всей гамме секунда только и септима находятся в сем отношении с нижним звуком, или с октавою: то ясно видим, что все содействие и все поизведение в деле музыки основано на двух разногласиях, от которых все музыкальное противодействие происходит.

О согласиях и разногласиях

Пренеся же сие примечание к вещам чувственным, увидим с таковою же достоверностию, что они не могли и не могут родиться иначе, как чрез два разногласия; и сколько бы мы ни старались, не найдем никогда иного источника беспорядка, кроме числа, сопряженного с сими обоими разногласиями.

Далее, когда приметит, что обыкновенно называемая септима, или седьмая, есть в самом деле девятая, поелику она есть составная из трех терций, весьма ясно отделенных друг от друга, то увидим, ложно ли я сказал моим читателям, что число девять есть истинное число протяжения и

вещества.

Напротив того, взгляни на число согласий, или тех звуков, которые согласуют с главным звуком; увидишь, что их есть четыре, а именно, терция, кварта, квинта правильная и секста; ибо здесь говорится об октаве не как об октаве, потому что здесь дело идет о частных разделениях гаммы, в которых сия октава тоже имеет свойство, какое самый начальный тон, которого она есть образ, разве когда принять ее за кварту второго Тетрахорда, чем ни мало не изменяется число четырех согласий, которые мы учреждаем.

К сожалению моему, не могу я распространить речь мою, сколько бы желал, о несчетных свойствах сих четырех согласий; ибо легко бы я мог показать с ясным удостоверением прямое их отношение к Единице; показать также и то, как всеобщая гармония соединена с сим четверным согласием, и почему без него никакое существо не может пребыть в добром состоянии.

Но везде удерживают меня благоразумие и долг мой; ибо в сих материях единый пункт ведет ко всем прочим; и если бы Заблуждения, которыми Науки человеческие заражают мой род, не принудили меня предпринять защищение его, не принялся бы я никак писать ни о котором из них.

Однако, я обязался не оканчивать сего рассуждения без того, чтоб не дать некоторых подробнейших объяснений о всеобщих свойствах четверного числа; не забыл я моего обещания, и намерен исполнить сколько позволено мне будет; но теперь возвратимся к септимере и заметим, что ежели она делает разнь с совершенным строем, то ею же должен сделаться перелом и обороть, из которого надлежит произойти порядку и возродиться спокойствию ха; потому что за сею септимерою неотменно следует вступить паки в совершенный строй. Не почитаю я противным сему начало то, что называется в музыке последствием септим, которое есть ничто иное, как продолжение разногласий, и которое необходимо всегда кончить должно совершенным строем, или другими производными от него строями.

И так сие разногласие изображает нам то, что бывает в телесной Nature, коея течение есть ничто иное, как последствие разорений и восстановлений. Когда же сие самое замечание выше сего показало нам истинное происхождение вещей телесных, когда и теперь показывает, что все Существа Nature подвержены сему насильственному закону, который начальствует в происхождении, бытии и конце их: то для чего же не пренести сего закона и к целой вселенной и не признать, что когда насилие родило и содержит ее, то насилие же долженствует и разрушить ее?

В подобие сему видим, что при окончании музыкального какого-нибудь сочинения обыкновенно делается беспорядочное ударение, трель, между нотами совершенного строя и секундою, или септимерою разнящего строя, означаемого басом, который держит обыкновенно главную оною ноту, дабы потом все привести к совершенному строю, или к единице.

Еще же должно увидеть и то, что понеже после сего музыкального падения непременно должно опять вступить в совершенный строй, который все смиряет и приводит в стройность; но нельзя сомневаться, что и после переворота стихий Начала, бывшие с ними в сражении, должны обрести прежнее свое спокойствие, из чего, ежели отнести сие к человеку, должны мы познать, сколько может истинное познание Музыки предохранить его от страха смерти, потому что сия смерть есть ничто иное, как трель, которая оканчивает расстроенное его состояние, и приводит к его четверем согласиям.

Я довольно сказал ко вразумлению моих читателей; их дело расширить те границы, которые я себе предписал. И так могу надеяться, что не почтут они

разногласий за погрешности в Музыке; потому что от них она получает величайшую свою красоту; но только за указателей царствующей во всех вещах противоположность.

Внятно также им будет, что и в той гармонии, которой Музыка чувственная есть токмо начертание, должно быть такой же противоположности разногласий с согласиями; но что они не только не суть недостаток в ней, но пища и жизнь ее, и что разумение видит в них не иное что, как действие многи способностей различных, которые более поддерживают друг друга, нежели сражаются, и от соединения которых роадится множество содействий всегда новых и выразительных.

Сие есть токмо весьма краткое извлечение из всех тех примечаний, которые мог бы я сделать в сем роде о Музыке, и из отношений, находящихся между ею и важными истинами; но довольно и того, что сказано, чтобы дать увидеть причину вещей, и научить людей не разделять разных своих познаний; ибо мы показываем им, что все оные познания суть ничто иное, как разные ветви одного дерева, и что везде видно одинакое напечатление.

О диапазоне

Должно ли теперь сказать, в какой темноте находится еще наука музыкальная? Мы можем начать сие, вопрося музыкантов, какое у них есть правило, по которому они берут тон; то есть, какое их а-ми-ля, или их Диапозон; и когда нет его у них, а принуждены сделать его себе, то могут ли думать, что имеют что-нибудь основательное в сем роде? Когда же нет у них постоянного Диапозона, то все числительные отношения, которые можно выводить из подделанного их Диапозона, к соответственным им тонам несправедливы, и правила, которые дают нам музыканты за интинные в принятых ими числах, могут состоять и в иных числах, смотря, как а-ми-ля больше, или меньше будет низко; чего ради большая часть их мнений о числительной силе, приписуемой ими разным тонам, сомнительны.

Я говорю здесь о тех, которые хотели разменять разные тоны по числу сотрясений струны, или иных звонких тел; ибо к сему непременно требуется Диапозон постоянный, дабы опыт был верен: следственно, надобно иметь звонкие тела точно одинакие, чтобы справедливо судить о их действиях; но как обоих сих средств не дано человеку, поколику Вещество есть относительное, то явствует, что все то, что поставит он на таком основании, подверженно будет многим погрешностям.

Основы гармонии

И так не в Веществе должно было искать Начал гармонии; ибо как Вещество, по вышеупомянутым доводам, не есть непреложно, то ничему не может быть начальным основанием; но в Натре вещей, где все посятонно и всегда одинаково, и надобно только иметь глаза, чтоб усмотреть истину. Наконец, человек увидел бы, что нет для него иного правила, как то, которое заключаеся в двойственном отношении октавы, или в сем славном двойственном содержании, которое начертано на всех Существах, и из которого и тройственное содержание произошло; чрез что паки явилось бы ему двойное действие Натуры, и сия третья Причина, поставленная везде над двумя прочими.

О музыке художественной

Здесь я останавливаю мои примечания о недостаточестве тех Законов, которые воображение человеческое ввело в музыку; ибо все, что мог бы я далее сказать, относится к сей же первой погрешности, а она довольно ощутительна, и нет нужды далее простирается. Напомню только изобретателям, чтоб они подумали хорошенько о свойстве наших чувств, и заметили бы, что чувство слышания, равно как и прочие, способно к навыку; что следственно могли они обмануться от простосердечия, и сделать себе из случайных вещей правила и положения, которые время только показывало им истинными и правильным.

Остается мне рассмотреть, какое употребление делает человек из сей Музыки, которая есть почти всеобщее его упражнение, и заметить, подумал ли он когда о истинном ее употреблении.

Кроме бесчисленных красот, которые быть в ней могут, есть в ней точный Закон, то есть сия строгая мера, от которой нельзя ей отступить. Одно сие не доказывает ли, что она имеет Начало истинное, и что рука, направляющая ее, выше власти чувств; понеже сии не имеют ничего постоянного?

Но ежели она придержится таковых начал, то без сомнения не должна иметь иного путеводителя, кроме их, и всегда иного путеводителя, кроме их, и всегда должна быть соединена с своим источником. Источник же ее, как мы видели, есть сей язык первый и всеобщий, который означает и представляет вещи в точности: то нельзя сомневаться, чтоб музыка не была истинная мера вещей, так как Писание и слово выражают значение оных.

И так в соединении только с сим обильным и неизменяемым началом Музыка может сохранить преимущества происхождения своего, и отправлять надлежащее свое дело; тогда-то она живописала бы сходные картины, и тогда все способности слушающих ее были бы совершенно удовлетворены. Словом, сим-то средством Музыка произвела бы чудеса, которые ей сродны, и которые приписываемы ей были во всех временах.

Следственно, отделив ее от источника и приискивая ей дела в чувствованиях вымышленных, или в неосновательных идеях, лишили ее люди первой ее опоры, и отняли у нее все средства показать себя во всем блеске.

Какие же впечатления, какое действие происходит она, находясь в руках человеческих? Какие идеи, какие чувства изображает нам? Выключая сочинителя, многие ли из слушающих могут разуместь, что изображает принятая ныне Музыка? Да и сам сочинитель, когда воображение его утихло, не теряет ли из памяти того смысла, который начертал сам, и который хотел изобразить?

И так, самое безобразное и недостаточное употребление делают люди из сего Художества; и сие от того единственно, что, не вникнув в Начало, не старались подкреплять Художеств друг другом, и вздумали, что можно делать списки, не имея пред собою подлинника.

Я не осуждаю моих подобных за то, что они в бесчисленных пособиях художественной Музыки ищут себе приятностей и отдохновения, ниже отнимаю у них те отрады, которые может им сие художество доставить. Знаю, что она может иногда подать средство оживить в себе многие из тех потемнелых идей, которые, когда бы чище были, долженствовали бы быть единственною пищею, и которые одни могли бы им пособить сыскать точку своей твердости. Но для сего обязаны они всегда возвышать свое разумение

над тем, что чувства дают разуметь; потому что стихия человека не в чувствах. Обязаны они верить, что как ни совершенны музыкальные их произведения, но есть еще другие иного чину гораздо правильнее; что по мере только большего, или меньшего сходства с сими, подделанная музыка привлекает нас, и производит в нас больше, или меньше приятные движения.

О мере

Когда я указал на точность меры, которою музыка связана, не потерял я из виду и всеобщности сего Закона; напротив, я намерен обратиться опять к ней, чтобы показать, что оный Закон не токмо объемлет все, но купно везде имеет явственные отличительные знаки. И сие все сходствует с вышесказаным видели мы, что мера имеет свое место в способностях умственных человека, и состоит в числе Законов, которыми он управляется: из чего можно было рассудить, что как сии умные способности суть подобие способностей высшего начала, от которого человек все имеет; то и сему Началу надобно иметь сою меру и свои частные Законы.

И так, когда высшие вещи имеют меру, то не удивительно, что нижние и чувственные вещи, ими сотворенные, подвержены ей, и что следственно находим в сей мере строгого прдводителя Музыки.

Но ежели хоть мало размыслим о свойстве сей чувственной меры, тотчас увидим разность ее с тою, которая учреждает вещи иного чину.

В музыке видим меру всегда равную; сделанное единожды движение продолжается и, повторяемо бывает в одинаком виде и в одинаком количестве времени; все в ней кажется нам так порядочно и так точно, что нельзя не почувствовать Закона сей меры и не признать надобности ее. Сим равная мера столь тесно сопряжена с чувственными вещами, что люди употребляют ее во всех произведениях своих, которые требуют продолжения действия; мы видим, что сей Закон есть для них как бы подпора, на которую они охотно опираются; видим, что они употребляют ее и в самых суровых трудах, и потому можем судить, сколь велико преимущество и польза сей сильной помощи; потому что она облегчает трудные работы, которые без нее казались бы несносными.

О мере чувственной

Сие же самое может пособствовать нам в познании естества чувственных вещей; ибо сия равность действия, и можно сказать, сие рабство явственно возвещает, что Начало, находящееся в вещах, не есть властелин сего действия, но что все в нем принуждено и насильно происходит; и сие сходствует с тем, что в разных местах сего сочинения замечено было о низости Вещества. Следственно, все сие представляет явную зависимость и все знаки такой жизни, которую не можем не признать страдательною; то есть, которая не от себя самой имеет свое действие, а должна ожидать и получать оное от Закона высшего, который ей располагает и начальствует.

Во-вторых, ожем мы приметить, что сей Закон, учреждающий течение Музыки, оказывается двумя образами, или двумя родами мер, известных под именем меры двувременной и меры трехвременной. Но считаем здесь четверовременной меры и прочих разделений, какие б можно было сделать, которые суть ничто иное, как помноженные две первые меры. Еще менее

можем принять меру одновременную, по причине, что чувственные вещи суть произведения и содействия не одного действия, но они рождены и стоят посредством многих совокупленных действий.

Число и качество сих действий очевидно усматриваем в двух различных мерах, в Музыке находящихся, равно как и в числе времен, заключающихся в сих двух родах мер. Да и действительно, весьма многому научимся, ежели заметим не сочетание двух и трех времен в отношении ко всему тому, что существует телесно; здесь опять увидим ясно, что содержание двойное и содержание тройное правят всеобщим течением вещей.

Но о сем довольно подробно говорено; я должен только советовать людям, чтоб они надлежащим образом ценили то, что их окружает; но не сообщат им познаний, которые должны быть наградою усердных желаний и старания. И так скоро кончу то, что имею сказать о двух чувственных мерах Музыки.

Чтоб узнавать, которая из сих двух мер употреблена в каком-нибудь сочинении музыки, надобно непременно ждать, как первая мера исполнится, или, что все равно, как вторая мера начнется: тогда ухо чувствует, на какой мере ей остановиться должно. Ибо доколе мера таким образом не исполнена, нельзя никак знать, какое ее число; ибо всегда к предшествующим можно прибавлять новые времена.

Не показывается ли чрез сие в самой Nature сия столь часто повторяемая истина, что свойства чувственных вещей не суть постоянные, но только относительные, и друг другом держатся. Иначе, когда б одно из их действий явилось, то явило бы с собою и свой истинный отличительный знак, и не нужно было бы ему ожидать другого действия для сравнения.

Вот, сколько низка искусственная Музыка и все чувственные вещи! Они содержат в себе токмо страдательные действия, и мера их хотя сама по себе и определенная, о познана быть может не иначе, как относительно к прочим мерам, с которыми ее сравниваешь.

Об умственной мере

В вещах высшего чину, и которые совсем вне чувственного, мера сия являет себя в благороднейшем виде: там всякое Существо, имея свое действие, имеет также в Законах своих и меру, соразмерную сему действию: но как притом каждое из сих действий всегда возобновляется и всегда разнится от действия предыдущего и от последующего то ощутительно, что и мера, сопутствующая им, не может быть одинакая, и, следовательно, не в сем отделении вещей надобно искать сей единообразности меры, которая господствует в Музыке и в чувственных вещах.

В тленной Nature все находится в зависимости, и показывает слепое исполнение, которое есть ничто иное, как принужденное собрание многих действователей, покоренных единому Закону, которые все содействуя всегда к одинакой цели и одинаким образом, единообразное и содействие производят, ежели только нет препятствий и расстройки в исполнении действия их.

О творениях Человека

Напротив того, в Nature нетеленной все живо, все просто, и потому всякое действие в себе имеет свои Законы, то есть: вышнее действие само

учреждает меру, напротив того в нижнем действии меа есть учредитель его, или действия Вещества и всей Натуры страдательной.

Сего довольно, чтоб восчувствовать бесконечную равность между музыкаю искусственною и живым выражением сего Языка истинного, которого мы объявляем людям как самое мощное средство, назначенное для восстановления их прав.

И так да научатся здесь различать сей Язык единственный и неизменяемый от всех произведений подделанных, которые ставят они непрестанно на место его; первый, имея в себе свои Законы, имеет их всегда точными и сообразными Началу, которое их употребляет; а последние выдуманы человеком, который сам тьмою окружен и не знает, сходны ли дела его с вышним Началом, от которого он отлучен, и которого не знает более.

Когда увидит он, что дела рук его изменяются и умножается злоупотребление языков до бесконечности, как в слове, так и в писании и в музыке; когда увидит, что все сии человеческие языки попеременно рождаются и погибают; когда увидит, что на сей земле мы знаем только число вещей и что мы все почти умираем, не зная никогда имен их: то не вздумает он для сего, что Начало, по силе которого он производит свои творения, подвержено тому же изменению и той же темноте.

Напротив, признается, что как он все делает ныне по подражаю, то творения его никогда не будут иметь такой твердости, как творения существенные. Притом, когда рассмотрит, что можно ли, чтоб всякий смотрел на подлинник с одной и той же стороны, то узнаем, для чего все списки разны; но тем не менее почувствует он, что сей подлинник, поелику находится в средоточии, пребывает всегда одинаков, как и Начало, которого Законы и волю он изображает; и ежели бы люди отважились приблизиться к нему, то все бы сии разности исчезли, которые происходят от того, что люди отделились от сего средоточия.

И так не будет он приписывать свойств находящегося в нем бесценного семени навыкам и примеру; но напротив удостоверится, что навыками и примерами унижаются и затмеваются свойства сего семени истинного, простого и нетленного; одним словом, если бы человек умел предварить все сии препятствия, или бы имел довольно силы к преодолению их; то имел бы язык общий со всеми подобными ему, равно как сущность, составляющую их, по которой все они вообще сходны между собою.

Права истинного языка

В самом деле, единство Начала и сущности людей лучше всего доказывают возможность одного общего языка; потому что ежели люди по праву природы своей могут иметь те же понятия о Законах Существ, о истинных правилах правосудия, о Религии и Богопочитании; ежели могут, говорю, надеяться возвратить употребление всех своих способностей умных; ежели наконец все они стремятся к одной цели; ежели всем им то же дело поручено, а ко всему оному не могут достигнуть без помощи Языков: то необходимо надобно сей принадлежности действовать по единообразному Закону, сходственно всеобщности и тесному единству всех их знаний.

И так, не упоминая здесь всего того, что мы сказали о превосходстве сего Языка истинного, довольно ясное понятие дадим, сколь единичен и мощен он должен быть, ежели повторим только то, что он есть единственный путь,

могущий привести человека к Единице и к источнику всех Могуществ; то есть, к радикасу сего квадрата, которого все бока должен человек обойти, и которого, по обещанию моему, предложу здесь свойства и силы.

Свойства всеобщего Знамения

Выше сего видели мы довольно подробные описания отношений сего квадрата, или сего четвертого числа к причинам, которые вне человека, и к законам, управляющим течение всех существ Натуры; но из предыдущего же можно было несомненно предчувствовать, что сия всеобщая эмблема должна иметь важнейшие для человека отношения; потому что оные ближе к нему и точно касаются до особы его.

Никто не может не признать величайшего сродства сего квадрата с четвертым листом сей десятилистной Книги, которая прежде осуждения человека всегда была ему отверзта и вразумительна; но который ныне не может он ни читать, ни понимать иначе, как в продолжение времени. Также легко можно приметить очевидное подобие его с сим мощным оружием, которым обладал человек в первом своем начале, и которого трудное искание есть единственная цель временного его течения и первый закон осуждения его.

Еще более откроется в нем сходства с сим обильным средоточием, которое занимал человек во время своей славы, и которого никогда не узнает совершенно, доколе не войдет в него.

Да и воистину, что может нам лучше напоминать о высоком сане человека, в котором он находился в первобытности своей, как не сей квадрат? Сей квадрат есть един и единственный, равно как и радикас, которого он есть произведение и образ; место, в котором обитал человек, есть таково, что никакое другое сравниться с ним не может. Сей квадрат меряет всю окружность; человек в середине своей области обымал все страны вселенной. Сей квадрат составлен из четырех линий; место пребывания человека было означено четырьмя сообщительными линиями, простиравшимися к четырем главным точкам горизонта. Сей квадрат происходит из центра, и ясно нам изображается четырьмя музыкальными согласиями, которые точно средину занимают в гамме, и суть главные действователи всех красот гармонии. Престол человека был в самом центре Земель державы его, и оттуда он управлял семью орудиями своей славы, которые выше сего я означил под именем семи дерев, и которые вздумается многим принять за семь планет, но которые однако не суть ни деревья, ни планеты.

И так не можно уже сомневаться, что упоминаемый квадрат есть истинный знак сего места прохладного, которое известно в наших Странах под именем земного Рая, то есть, того места, о котором все Народы имели понятие, которое каждый из них представлял под разными баснями и аллегориями по мере своей мудрости, просвещения, или ослепления, и которого простенькие Географы от доброго сердца искали на Земле.

И так не должно дивиться великости преимуществ, приписанных ему в разных местах сего Сочинения, где токмо касалис мы его; не должно, говорю, удивляться, что как все Истины и все сведения происходят от единого Начала; эмблема же четверного числа есть совершеннейший оногo Начала образ: то сия эмблема и может просветить человека в познании всех натур, то есть в Законах порядка невещественного, порядка временного, порядка

невещественного, порядка временного, порядка телесного и порядка смешенного, которые суть четыре столпа здания: одним словом, надобно признаться, что кто может овладеть ключом сего всеобщего Знания, тому ничего скрытного не будет во всем, что существует; потому что сие знамение есть знамение того Существа, которое производит все, действует все и все объемлет.

Ключ всеобщего Знамени

Но сколь ни многочисленны преимущества, с оным соединенные, и сколь ни мощен путеводительствующий к нему сей Язык истинный и единственный; но известно, что теперь человек находится в таком несчастном состоянии, что не только не может достигнуть к мете, но ниже ступить раз по сему пути, ежели совсем иная, нежели его рука, не откроет ему входа и не поддержит его чрез все пространство поприща.

Известно также, что сия мощная рука есть сия самая Причина физическая, умная купно и действующая, коей око видит все, и коей силою поддерживается все во Времени; если же сии права ей одной принадлежат, то как же человек при толикой немощи своей и совершенно недостатке может в Натуре обойтись без таковой подпоры?

И так должен он паки признать бытие сей Причины и свою необходимую нужду в ее помощи к восстановлению своих прав. Равным образом должен будет признаться и в том, что когда единая она может удовлетворить совершенно его желания в беспокояющих его затруднениях, то первая и спасительнейшая должность его есть отказаться от своей немощной воли, равно как и от тех ложных блесков, которыми тщится закрасить злоупотребления оной, а положиться во всем на сию Причину мощную, которая ныне есть единственный его путеводитель.

Да и воистину, оной Причине поручено исправить не токмо те бедствия, к которым человек подал повод, но и те, которые он сам себе наделал; она не престанно назирает его и все прочие Существа вселенной, однако человек для нее несравненно драгоценнее; понеже он есть той же с нею сущности, и равно не тленен; понеже, словом сказать, из всех Существ, которые в соответствии с квадратом, они одни имеют два мыслить; а тленная сия Натура для них есть как бы ничто и сон.

Сколько ж усугубится его доверенность к сей Причине, в которой вмещаются все силы и могущества, когда сведает, что она знает превосходно сей Язык истинный и единый, который им забыт, и который должно ему с таким трудом опять приводить себе на память; когда сведает, что без сей Причины не может он узнать и первого основания сего Языка; а паче когда увидит, что она населяет и правит с полною властью сей обильный квадрат, вне которого человек не найдет никогда ни покоя, ни Истины.

Тогда не усомнится он, что приближаясь к ней, приблизится к тому единственному и истинному свету, которого должен желать, и что с нею найдет он не токмо все познания, о которых мы говорили, но еще и познание самого себя; понеже сия Причина хотя придержится источника всех чисел, однако везде возвещает себя в особенности числом сего квадрата, которое есть купно и число человека.

Для чего не могу я снять покрывало, которым облакаюсь, и произнести имя сей благотворной Причины, равно как и силу ее и превосходство, к которым желал бы я обратить внимание всей вселенной? Но хотя сие

неизглаголанное Существо, ключ Натуры, любовь и радость простодушных, светильник Мудрых и даже тайная подпора слепых непрестанно поддерживает человека во всем его шествии так как поддерживает и направляет все происшествия во вселенной; однако, если бы я произнес имя, которое бы лучше указало его, то многие бы ради сего только не поверили его силам и всему моему учению; и так, открыв его явственнее, отдалился бы я от той цели, для которой я хотел привести его в почтение.

Почему за лучшее нахожу оставить сие проницанию моих читателей. Я весьма уверен, что не взирая на покровы, которыми я облек Истину, люди понимающие могут ее понять, люди истинные могут ее возлюбить, и даже люди развращенные по крайней мере не могут не почувствовать ее; потому что все люди суть С - Н - R.

Заключение

Вот вкратце те размышления, которые намерен я был предложить людям. Если бы не препятствовали мне мои обязательства, мог бы я более распространиться. Но и в сих немногих рассуждениях, уповаю, ничего я не представил такого, чего б не почувствовали они сами в себе, когда захотят только в себе же поискать и предостеречься от слепой легковёрности, равно как и от торопливости в рассуждениях, от двух пороков, равно ведущих к невежеству и заблуждению.

И так, если мое собственное удостоверение и не послужит им доводом, при всем том я буду думать, что воззвал их к их Началу и к Истине.

В самом деле, сие не есть обманывать человека, когда представлять ему живо, в каком недостатке и бедности он находится, доколе привязан к вещам преходящим и чувственным; и показать, что из всего множества существ, окружающих его, он только и его предводитель обладают преимуществом мыслить.

Ежели он хочет в том удостовериться, пусть обратится в сем чувственном отделении вещей ко всему, что окружает его; пусть спросит Стихии, для чего они, будучи взаимные враги, совокуплены для составления и существования Тел; пусть спросит у Растения, для чего оно растет; и у Животного, для чего оно скитается по земной поверхности; пусть спросит даже у Звезд, для чего они светят, и для чего с начала бытия своего ни на минуту не переставали следовать своему течению.

Все сии существа, не вникая голову вопрошающему, станут продолжать в молчании свое дело, но ни мало не удовлетворят желанию человека; понеже деяния их немые, вещают только телесным глазам, но ничего не сказывают разуму его.

Пусть человек еще спросит и у того, что несравненно ближе к нему, то есть у сей телесной одежды, которую он с толиким трудом на себе носит; пусть спросит, говорю, для чего она соединена с таким Существом, с которым, по силе законов бытия его, никакого сродства не имеет. Сей слепой наружный образ не больше, как и оные Существа, объяснит его сомнение и равно оставит его в недоумении.

Есть ли состояние тягостнее и уничижительнее, как быть осуждену жить в такой Стране, где все существа обитающие чужды для нас, где речи наши не могут быть им вняты, где, наконец, человек, будучи против воли связан узами тела, которое ничего отменного пред прочими произведениями Натуры не имеет, влачит с собою повсюду сие существо, с которым не может иметь

никакого обращения.

И так, не смотря на великость и красоту сих творений Натуры, среди которых обитаем, когда они не могут ни слушать нас, ни говорить нам; то справедливо можем сказать, что мы живем между ими равно как в пустыне.

Если бы примечатели удостоверились в сих истинах, то не стали бы искать в сей Натуре телесой изъяснений и решения, которых никогда не может она дать; также не искали бы в теперешнем человеке истинного подлинника тому, чем должен бы он быть, поелику он ныне так страшно обезображен; ниже изъяснять Создателя вещей вещественными его произведениями, которых бытие и Законы, яко зависимые, ничего не могут открыть о таком Существо, которое все имеет в себе.

При таком их заблуждении возвестить им, что самый путь, который они избрали, есть первое препятствие успехам, и удаляет их совершенно от той стези, где бы могли узнать что-нибудь; есть, говорю, открыть им такую истину, которую легко признают, когда захотят о ней размыслить.

Притом же, как сами они не могут отрицать, что имеют способность умную: то сказывать им, что они могут все познавать и понимать, не есть ли говорить гласом собственного их рассудка? потому что таковая способность не была бы уже столь благородна, каковою мы ее чувствуем, когда бы в преходящих вещах было что выше ее; и потому, что непрестанные усилия людей как бы естественным побуждением стремятся к тому, что непрестанные усилия людей как бы естественным побуждением стремятся к тому, чтобы освободить себя от досадных оков невежества и приблизиться к науке, яко к наследию, им принадлежащему.

Если же они не могут похвалиться успехами, то сего не должно приписывать немощи естества их, или ограниченности способностей; но единственно тому, что они неправый путь избрали для достижения к цели, и что не с довольным вниманием наблюдают, что, поелику каждое отделение вещей имеет свою меру и свой закон, то чувствам подлежит судить о чувственных вещах, потому что они тогда суть ничто, когда не дают себя чувствовать телу; но разуму подлежит судить о разумных вещах, в которых чувства ничего знать не могут; и потому что хотеть прилагать законы и меру одного отделения к другому, есть очевидно противиться порядку, предписанному самым естеством вещей, и следственно удалиться от того средства, которое едино есть к распознаванию истины.

И так мог я уверить себя, что предложил подобным мне такие Истины, которые легко понять, когда сказал, что искомое ими находится в центре; чего ради, доколе будут обращаться по окружности, не найдут ничего; и что сей центр, который должен быть один во всяком Существо, означен нам сим всеобщим квадратом, который является во всем, что существует, и повсюду начертан незагадимыми чертами.

Если же открыл я им не больше, как некоторые только средства читать в сем обильном центре, который есть единственное Начало света; то сие ради того, что кроме нарушения моих обязательств я бы им самим сделал вред, когда бы более открыл: ибо всеконечно они бы не поверили мне; чего ради призываю их паче к собственному опыту, как то я и сначала обещал, и отнюдь, как человек, не думал присвоивать себе иных каких прав.

Но хотя о немногих средствах сообщил я понятия и не далеко вел их в поприще; однако нельзя им не получить некоторой доверенности к оным, видя, сколь великое пространство чрез них открывается, и сколь ко многим и разным вещам мы обращали их.

Ибо я не думаю, чтобы сие поле, ради безмерного своего пространства, могло им показаться непроходимым; да и противно было бы всем Законам истины думать, что запрещено человеку знать множество и различность вещей. Нет, когда человек рожден в центре, то нет ничего такого, чего бы он не мог видеть, чего бы не мог объять; напротив погрешность его единственно в том, что он отделяет и отсекает некоторые части науки; ибо сие есть явно восставать противу своего Начала, поколику сие есть делать Единицу.

И в сем-то разумении пусть мои читатели судят сей способ и мой; потому что я хотя о многих и различных истинах предлагал, но все соединяю вместе и составляю одну Науку; напротив того, примечатели делают из сего тысячу наук, и в каждой вопрос у них становится предметом особого учения и особой науки.

Не нужно здесь напоминать, что по всем представленным мною примечаниям о разных науках человеческих должны они предполагать, что я по крайней мере имею начальные понятия о науках; сверх того, могут они из приметной во всем сочинении моем скромности, и из покровов, на разных местах положенных, заключить, что может быть я мог бы им сказать более, нежели сколько они увидели и нежели сколько вообще известно им.

При всем том не токмо я не презираю их, видя, в каком они мраке; но всеусердно желаю, чтобы свободились от оногo и направили стопы свои к стезям более светлым, нежели какими до ныне водимы были.

Равным образом, хотя имел я счастье веден быть далее их в поприще Истины; однако не только я тем не горжуся и не думаю, чтоб я знал что-нибудь, но торжественно объявляю о моем невежестве, и чтобы предварить их подозрение в искренности признания моего, скажу еще то, что мне никак нельзя и самому себе в том польстить; ибо имею доказательство, что не знаю ничего.

Для сего-то часто я напоминал, что не предпринимаю вести их к мете; довольно и того, что как бы насильно принудил их согласиться в том, что слепое шествие наук человеческих еще меньше приближает к желаемой цели, понеже оно приводит их даже к сомнению о бытии оной цели.

Чрез что принуждаю их признаться, что когда отнимают у наук единственное их Начало, управляющее ими, с которым они по сущности своей неразлучны, то не только не просветятся в познании, но паче углубятся в ужасное невежество, и что примечатели, при всех своих заботливых исканиях, никогда почти не согласуют друг с другом, не по иной какой причине, как что отдалили сие Начало.

И так довольно, говорю, и сего для них, что открыл я ныне узел останавливающих их затруднений; впредь Истина разлит на них лучи свои обильнее, и примет в свое время владычество, о котором ныне препираются с нею суетные науки.

Я же, недостойный взирать на нее, должен был не простираť далее моих усилий, как токмо дать почувствовать, что она существует, и что человек, не взирая на свою бедность, на всяк день жизни своей мог бы в том удостовериться, ежели бы исправлял свою волю. И так наиприятнейшею почто себе наградою, ежели всяк, прочитав мою книгу, скажет во внутренности своего сердца, есть Истина! но я могу прибегнуть ко иному чему лучше, нежели к людям, чтобы познать ее.